

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**Актуальные проблемы
истории государственности
татарского народа**

Материалы научной конференции

г. Казань, 25 апреля 2000 г.

Казань — 2000

Сборник подготовлен к печати
Институтом истории Академии наук Татарстана

Редакционная коллегия:

А. А. Арсланова (отв. редактор),
И. К. Загидуллин, Р. С. Хакимов.

Рецензенты:

К. Г. Ахсанов, кандидат исторических наук
Н. С. Хамитбаева, кандидат исторических наук

Компьютерная верстка: *Галева Д.Р.*
Компьютерный набор: *Исламова М.Н.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАРОДА. Материалы научной конференции. — Казань, 2000. — 200 с.

В сборнике публикуются материалы научной конференции «История государственности татарского народа», состоявшейся в Казани 25 апреля 2000 г.

ISBN

© Институт истории АНТ, 2000

Содержание.

Секция I.

Из истории государственности татар в древнейшее время и средние века.

<i>М. З. Закиев.</i> Древние этнические связи Урало-Поволжья со Средней Азией и возможности создания ранних государств в Поволжье. 6	
<i>Г. М. Дәүләтшин.</i> Борынгы төркиләрнең карашында, ышануларында дәүләтчелек мәсьәләләре 13	13
<i>Е. П. Казаков.</i> О становлении государственности Волжской Булгарии в IX-XI вв. 21	21
<i>А. М. Ахунов.</i> Этноним «ас-сакалиба» в трактате «Та'рих ар-русул ва-л-мулук» арабского историка ат-Табари 27	27
<i>Р. Ф. Набиев.</i> Северный торговый путь из Булгара в Скандинавию..... 42	42
<i>Д. М. Исхаков.</i> Из истории титула «Булгарский князь» ... 46	46
<i>Г. Г. Галиахметова.</i> Религиозные традиции Золотой Орды в первой половине XIV в. 49	49
<i>И. М. Миргалеев.</i> К вопросу о начале идегеевской эпохи..... 58	58
<i>Б. Л. Хамидуллин.</i> Основные проблемы изучения истории государственности татарского народа 62	62
<i>И. Р. Насыйбуллин.</i> Казан ханлыгының сәяси географиясе (тарихи әдәбиятта чагылышы һәм тикшерү перспективалары) 67	67
<i>Б. Р. Рахимзянов.</i> Касимовское ханство: эволюция социально-политического положения (XV—XVI вв.)..... 73	73

Секция II.

Идея и формы реализации государственности татарского народа во второй половине XVI-XX вв.

- И. К. Загидуллин.* Периодизация истории татарского народа и государственность: постановка проблемы..... 79
- С. Х. Алишев.* Татарларда дәүләтчелек омтылышы 91
- С. М. Михайлова, О. Н. Коршунова.* Идея государственности в национальном сознании татар (исторический экскурс) .. 95
- А. Ю. Хабутдинов.* «Милли Идарә» как первое татарское правительство..... 103
- Р. Ф. Мухаметдинов.* Причины неосуществления штата «Идель-Урал» 112
- Н. К. Фахрутдинов.* Проблемы изучения и сохранения историко-культурного национального наследия в Татарстане в 20-е годы 121
- А. Ш. Кабирова.* Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941-1945 гг. 128
- А. Г. Галямова.* К вопросу об истоках борьбы за повышение государственного статуса ТАССР в 50-70-е гг. XX в. 138
- Л. В. Сагитова.* Идея государственности в интерпретации партии власти и национального движения в Татарстане в конце 1980-х — начале 1990-х гг. 148
- Я. С. Вайда.* Договорное регулирование федеративных отношений между Россией и Татарстаном 162

Секция III.

Отражение идеи государственности в татарском народном творчестве и литературе.

- Р. М. Хадиев.* Әкиятләрдә татар дәүләтчелеге тарихы 169
- Р. Ф. Исламов.* Алтын-Урда һәм мәмлүк-кыпчак Мисыры: мәдәни багланышлар 174
- Г. С. Нуриев.* Н.Исәнбәтнең «Идегәй» трагедиясендә кайбер поэтик үзенчәлекләр 183
- Д. Ф. Загидуллина.* Дәүләтчелекне торгызу өметенең уку йортларына милли әдәбият предметын кертү тәэсире (XX йөз башы) 191
- Р. Хәплекәмитов.* Союз писателей и развитие национальной культуры в Татарской республике (40-60-е гг.) 196
- Список сокращений 200

Секция I.

Из истории государственности татар в древнейшее время и средние века.

М. З. Закиев (ИЯЛИ)

Древние этно-политические связи Урало-Поволжья и Средней Азии

Общеизвестно, что этно-политические, т.е. этно-государственные связи между регионами Урало-Поволжья и Средней Азии в периоды Булгарского государства (IX-XII вв. н.э.) и Золотой Орды (XIII-XIV в.в.) были очень тесными. В период Казанского ханства (XIV-XV в.в.) и особенно после его падения односторонние этнические связи между этими регионами еще более активизировались. Для добулгарского периода они специально не изучены, но ученые предполагают, что торговые отношения между ними были всегда.

История Средней Азии подробно исследована начиная с III тыс. до н.э. На основе археологических данных установлено, что носителями археологических культур Средней Азии и Казахстана во II тыс. до н.э. были оседлые земледельцы, говорившие на индоиранских языках.¹

Ученые затрудняются определить конкретные названия племен и государств индоиранцев этого периода. Что касается Урало-Поволжья, то надо признать, что история этого региона, относящаяся ко II тыс. до н.э., вообще не изучена, нет даже предположений относительно названий насельников края.

Средняя Азия I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. в этно-политическом отношении изучена более конкретно, с точными названиями этносов и их государств. Все этносы до VI-VII

в. н.э. здесь признаны также индоиранцами, которые с VII в. якобы отюречились под влиянием пришлых тюркских кочевников. Относительно Урало-Поволжья имеются общие установки о том, что здесь, в степной зоне, в I тыс. до н.э. жили скифы-сарматы, которые в традиционной исторической науке признаны также индоиранцами, а в лесной зоне Урало-Поволжья жили финно-угры. По мнению традиционалистов, первые тюрки в Урало-Поволжье пришли или в начале I тыс. н.э. под названием *хунну* или *гунны*, или в VII в. — под общим названием *тюрк*, или под частным — *булгары*.

Из этого краткого обзора данных традиционной исторической науки видно, что между регионами Средней Азии и Урало-Поволжья не прослеживаются этно-государственные связи. Можно констатировать только то, что, по мнению традиционалистов, в I тыс. до н.э. в Средней Азии и Урало-Поволжье жили ираноязычные племена. С IV в. н.э. и там и здесь появились тюрки - кочевники, которые к VII в. якобы завершили отюречение местных ираноязычных племен. Имели ли эти якобы ираноязычные племена Средней Азии и Урало-Поволжья какие-либо связи в I тыс. до н.э. и в I тыс. н.э. пока еще не установлено. По-видимому, на основе традиционных взглядов никогда не удастся этого сделать, ибо и там, и здесь в описываемое время жили не ираноязычные, а тюркоязычные племена.

Этно-государственную характеристику Средней Азии можно начать с III тыс. до н.э. В исторической науке известно, что там в это время было создано государство Элам, которое имело тесные контакты с шумерами и аккадцами. От шумеров эламцы заимствовали клинопись, вытеснившую с середины III тыс. до н.э. местную иероглифику. По шумерским клинописям установлено, что шумерский язык изобилует тюркскими словами. Или он был прототюркским, или шумеры, живя рядом с тюркоязычными племенами, заимствовали очень много тюркских слов, относящихся почти ко всем сферам общественной жизни. К сожалению, эламская клинопись до сих пор не расшифрована, вернее, попытки ее расшифровки на основе индоиранских языков ни к чему не привели, а расшифровкой на основе

тюркского языка пока никто не занимался. Возможно, Эламское государство в Средней Азии было создано тюркоязычными племенами, и свою страну они назвали *Элем*, что означает по-тюркски «Моя страна» (*Ил-ем >Эл-ем>Элам*).

Культура Эламского государства прослеживается в истории до начала I тыс. до н.э., затем в самом начале I тыс. до н.э. здесь появляются Сакское² и Хуарасмское³ государства. Кстати, в самом начале I тыс. до н.э. *асы* (этноним *ас* имеет много вариантов: *ус, уз, аш, ош, аз, иш* и т.д.) построили город, впоследствии получивший название Ош, 3000-летие которого отмечается в 2000 году.

В Средней Азии далее фиксируется наличие следующих народов: *парды* (*парфы* или *парфяне*), *кусаны*, *согды* (*согдианы*), *тохары*, *усуни*, *аланы* и др. Все эти народы, включая сюда и более ранних саков, асов и хорезмийцев, в традиционной индоевропейской исторической науке признаны безусловно индоираноязычными. Якобы лишь в VII в. завершилось их отюречение под влиянием тюркских кочевников. Сейчас стало известно, что все они с самого начала были тюркоязычными.

К признанию этих народов ираноязычными историков привело и то, что с VI в. до н.э. Средняя Азия становится частью ахеменидского Ирана, который владел огромным пространством — от Инда до Эгейского моря. Ахеменидская держава пала под ударами греков и македонцев. В IV в. до н.э. в результате победы Александра Македонского Средняя Азия остается в подчинении огромной греко-македоно-персидской державы, которая простиралась от Дуная до Инда. После смерти А.Македонского (323 г. до н.э.) эти территории остаются в подчинении эллинистическому государству Селевкидов, где продолжались греко-персидские традиции.

С середины III в. до н.э. на территории Средней Азии и Ирана складывается новое могущественное государство — Парфянское, в течение нескольких веков выдержавшее борьбу с Римом. В III в. н.э. на смену Парфии пришло государство Сасанидов, продолжавшее извечную борьбу с Римом, а позднее — с его наследницей на Востоке — Византией⁴. В VII в. царство Сасанидов было разгромлено арабами.

Но в Средней Азии персидская держава Сасанидов начала терять свои позиции еще раньше. Во-первых, парфяне (т.е. тюркоязычные *парды*), в III в. до н.э. создавшие свое огромное государство и правившие этим регионом до III в. н.э., все время давали знать о себе. Во-вторых, в I в. до н.э. здесь образовалось Кушанское государство, включавшее в свой состав не только Среднюю Азию, но и Афганистан, Пакистан, Северную Индию и Синьцзян. Это также было государство тюркоязычных народов. Но как в Пардии, так и в Кушании определенную часть населения составляли иранцы, но по-видимому, там установилось тюрко-иранское двуязычие. Естественно, факт отюречения древних, якобы ираноязычных, оседлых земледельцев — хорезмийцев, саков, согдианов, парфов (парды), кушанов, тохаров, усуней под влиянием пришлых кочевников-тюрков вряд ли соответствует действительности. Скорее всего, все эти народы с самого начала были тюркоязычными, подпавшими под власть ираноязычных государств. Их тюркоязычность и этногосударственные связи с населением Урало-Поволжья доказываются следующими данными:

1. Начнем с хорезмийцев, которые в начале I тыс. до н.э. в Средней Азии создали свое государство. В первую очередь обращает на себя внимание их этноним. Слово *хорезм* в древности имело звучание *хуарасм*, *хваризм*, *хорасми* или *хорамни*. Оно состоит из двух тюркских этнонимов. Основная часть — *ас* — древнейший тюркский этноним Хорасми это не просто асы, а *хуар асы*. *Хуар* — обычный фонетический вариант этнонима *суар*, где [с] чередуется с [h], что и сейчас наблюдается в башкирском и туркменском языках.

Суары и асы жили также в Поволжье, на Северном Кавказе, в Западной Сибири. Этноним *суар* имел фонетический вариант *сабир*, ставший основой слова *Сибирь*.

В слове *хорасм* имеется еще аффикс принадлежности I лица един. числа *-м*. По-тюркски *хорасм* — это название не народа, а страны, что означает ‘мой хуарас’. Название страны далее начинает применяться как вторичный этноним *хорезм*.

Если народ, носящий сложный этноним *хуарас*, зафиксирован в истории Средней Азии в начале I тыс. до н.э., то племена, называемые *ас* и *суар* (*хуар*), жили здесь значительно раньше.

Возникает вопрос: имели ли суары и асы Урало-Поволжья связи с суарами (һуарами) и асами Средней Азии? Археологические данные позволяют дать на этот вопрос положительный ответ. Их объединяет так называемая древнеямная археологическая культура. Позже, в конце I тыс. до н.э., в Хорезме появляются монеты, а также серебряные сосуды с надписями. Как ни странно, большинство из них обнаружено в Урало-Поволжье, в частности в Прикамье. Попытки расшифровки этих надписей на основе индоиранских языков не дали никаких результатов, они оказались тюркскими.⁵ Это еще раз неопровержимо доказывает тюркоязычность хорезмийцев.

Что касается этно-политических связей более позднего Хорезма с Булгарским государством, а еще позднее вхождения этих стран в состав Джучиева улуса, то надо признать, что такие связи очевидны и не требуют доказательств.

Возникает вопрос: поддерживались ли на государственном уровне эти этнические связи через суаров, асов и хуарасов (хорезмийцев) между регионами Средней Азии и Урало-Поволжья? Вероятно, да. По-видимому, в Урало-Поволжье не было государственного образования суаров и асов в I тыс. до н.э., но Урало-Поволжье могло составить периферию древнего Хорезма. Нужны конкретные разносторонние исследования, только по их итогам можно что-то сказать об этно-политических связях между регионами Урало-Поволжья и Средней Азии в древности.

2. Государство народа *парды* (по-русски *парфы*, *парфян*) было создано в процессе борьбы против иранцев и греков в III в. до н.э. на юге и юго-востоке Каспийского моря; в период расцвета оно подчиняло себе обширные области от Месопотамии до границ Индии.

Этноним *парды* образован от тюркского слова *бар* 'есть, богатство' при помощи обладательного аффикса *-лы/-ды* *барды*>*парфы* означает 'богатые, имеющие богатство'. Этот обладательный аффикс мы наблюдаем и в других этнонимах: *скыды*>*скиде* (*скиф*)⁶, *куманды*, *сакды*>*согды* и т.д.

Этноним *парды*, в озвонченном варианте *барды*, мы наблюдаем и в Прикамье. В Пермской области живут сейчас

татары, называющие себя *барды* или *бардым* (с аффиксом притяжательности *-м*).

Жители Парфянского государства находились в дружеских отношениях с хорезмийцами и согдийцами. Монеты и серебряные сосуды с надписями ученые одинаково относят и к хорезмийцам, и к парфянам (пардам), большинство из этих монет и сосудов обнаружены, как было сказано, в Прикамье. Надписи на них оказались тюркскими.

Здесь также напрашивается вывод о том, что Парфянское государство расширило свое влияние не только в сторону Индии, но и в сторону Урало-Поволжья. Следовательно, мы можем говорить о наличии этно-политических связей между Средней Азией и регионом Урало-Поволжья в период развития Парфянского государства.

3. Очень четкие этно-политические связи между Средней Азией и регионом Урало-Поволжья прослеживаются в период расцвета Кушанской империи, где господствующими племенами были не только *кушаны*, но и *тохары* и *усуни*, которые индоевропейскими историками признаны ираноязычными, якобы они, будучи культурными оседлыми земледельцами, под влиянием тюрков-кочевников очень быстро отюречились. На самом деле ассимиляции подвергаются не местные оседлые племена, а пришлые кочевники. Поэтому приходится признать, что кушаны, тохары и усуни были с самого начала тюркоязычными. Историки отмечают, что этнонимы *кусан*, *тохар* и *усунь* были разными названиями одного и того же народа.⁷

Этноним *кушан* состоит из этнонима *сюн* >*сон*>*шан* с определением *ку* 'светлый', сравните *ку-ман* 'белые мены', где *ман* также тюркский этноним. *Кушан* имеет фонетический вариант *кусан*. В Урало-Поволжье среднеазиатский [y] произносится как [o]. Поэтому в Поволжье это слово закреплено в топониме и гидронимах кошан>кашан. Везде, где жили кусаны, там появлялись города *Касан* и гидроним *Касанчай*>*Касансай* (в V-VII вв. н.э. в Ферганской долине).⁸ В Поволжье следы кусан>кошан остались в гидрониме *Казансу* и в названии города *Казан* (*Казань*).⁹

Эти примеры говорят о наличии этногосударственных связей между Средней Азией и Урало-Поволжьем в кушанское время, т.е. в начале I тыс. н.э. Но необходимо проводить серьезные исследования: откуда, куда пришли кусаны и когда. Не жили ли в Поволжье кусаны (кошаны) еще до возвышения булгар и создания ими Булгарского государства?

Усуни также образовались от гуннов (сюнов), но путем смешения с асами: *ассюн*<*уссюн*<*усунь*. Асы и сюны жили и в Урало-Поволжском регионе, их следы остались в названии города *Асил* или *Ашил* и в названии реки *Сөн*.

Этноним *тохар* имеет фонетические варианты *тагар*, *дагар*, *тауэр-тавр*. Это — тюркский этноним, образованный от корня 'эр' и определения *тау*, *даг* или *тав* 'гора', *тау-эр*, *даг-эр*>*тав-эр*>*тохар* 'горные люди'. Еще до н.э. евреи называли тюрков *догарма*, где *-ма* — еврейский аффикс мн. числа.

В Урало-Поволжье этот этноним нашел распространение в Хазарском ханстве, где всех тюрков евреи называли этнонимом *догарма* или *тагарма*.

Эти факты дают полное право утверждать, что Средняя Азия и Урало-Поволжье были между собой очень тесно связаны в этническом плане, что предопределяло наличие связей и на государственном уровне.

Этот вывод настойчиво требует, чтобы ученые изучали этническую и политическую историю Урало-Поволжья на таком высоком уровне, на котором исследована Средняя Азия. Только тогда мы сможем раскрыть конкретные формы этнополитических связей Урало-Поволжья со Средней Азией, что поможет нам воссоздать этническую и политическую историю Урало-Поволжья добулгарского периода.

Примечания:

¹ *Асимов М.С.* Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981. — С.40-41.

² *Zeki Velidi Togan.* Turk Tarihine giriş. 3 baski. — Istanbul, 1981. — S.33-36.

³ *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота (Тексты, перевод, комментарий). — М., 1982. — С.199.

⁴ *Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. — М., 1961. — С.5.

⁵ *Мухамадиев А.Г.* Туранская письменность // Проблемы лингвоэтноистории татарского народа. — Казань, 1995. — С.16-83.

⁶ *Закиев М.З.* Тюрки-татар этногенезы. — Казань-М., 1998. — С.165.

⁷ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. — Т.2. — Ч.2. — М., 1963. — С.175-177.

⁸ *Бартольд В.В.* Географический очерк Мавераннахра // Соч. — Т.1. — М., 1963. — С.212, 216, 219.

⁹ *Закиев М.З.* Кем основана Казань? // Казань. — 1998. — №5-6. — С.107-111; *Константин Руденко.* Казань и Кашан. Легенды и история // Казань. — 2000. — №1. — С.33-39.

Г. М. Дәүләтшин
(Тарих институты)

Борынгы төркиләрнең карашында, ышануларында дәүләтчелек мәсьәләләре

Чын мәгънәсендә төрки-татар дәүләтләре тарихы борынгы чорлардан алып, Идел, Урал төбәкләрендә XVI гасыр урталарына кадәр дәвам итә. Борынгы төрки дәүләтләрнең исемнәрен дә, үзләрен дә һәрберсен аерым бер дәүләт итеп санау — бик шартлы күренеш. Бөтен төрки-татар тарихын бер-берсен алыштырып килүче дәүләтләр тарихы итеп кенә карау да бик урынлы булмас. Күпчелек төрки дәүләтләрнең үз чорындагы рәсми аталышын да без белмибез. Дөрөсрәге, бу дәүләтләрдә яшәүче халыклар моңа әлләни әһәмият тә бирмәгәннәр. Алар өчен этносның дәвамчанлыгы мөһим булган. Хәзерге галимнәр тарафыннан кулланылган шартлы исемнәр этнос + ил башы титулы нигезендә ясалган. Төрки (төрөк) каганлыгы, Хәзәр каганлыгы, Болгар эмирлеге. Мөгаен, алар үз вакытында төп халык өчен дә, кайчак башкалар өчен дә, ил өчен дә уртақ булган бер исем белән генә аталганнардыр: Төрөк, Хәзәр, Болгар. Боларда да үзәккә халык язмышы куелганлыгы аңлашыла. Этнонимнар ил исеме дәрәжәсенә күтәрелгәннәр.

Борынгы төркиләрнең дөньяга карашларында дәүләт идеясе әһәмиятле урын тоткан. Ул этносның яшәешен тәэмин итүче зарурият хисапланган. Дәүләт жимерелү — зур афәт, трагедия. Алар фикеренчә, төрки халык көчле дәүләт булганда гына яши алган. Дәүләтнең жимерелүе төрки халыкның да юкка чыгуын аңлаткан. Дәүләтне ихтирам итү һәм аның иминлеген саклау фикере рәсми идеологиянең нигезен тәшкил иткән, үзәк культларның берсенә әверелгән. Изге төркиләр дәүләте Тәңре тарафыннан яратылган, вакыт Тәңре карамагында булган. Шуна күрә дә ул *мәңгелек ил* дип аталган.

Төркиләр үзләрен, кытайлар кебек үк, «күк асты» халкы дип санаганнар һәм «күк түркләр» дип йөрткәннәр. Аларның жирләре, илләре кайда урнашкан соң? Борынгы төркиләр фикеренчә, дөнья дүртпочмаклык шәкелендә¹. Бу — вертикаль системадагы урта дөньяның тәртипкә китерелгән символы. Соңрак мондый караш Болгар иленең башкаласы Биләр планында да чагылыш тапкан. Бу пространство шулкадәр үзләштерелгән һәм тәртипкә китерелгән ки, хәтта аның яклары да, юнәлешләре дә төгәл билгеләнгән.

Иң әһәмиятле юнәлеш кояш чыгышыннан кояш батышына кадәр булган. Кояш күк гөмбәзе буенча үткән бу араны «бөтен жир» төшенчәсенә тиңләгәннәр. Каган Төрөксанф кояшның беренче нурларыннан алып көнбатыш чикләргә кадәр бөтен жирнең үзенә баш июе белән мактана². Төркиләр дәүләтенең иң беренче хакимнәре вакытында, әйтерсез, бар дөнья яулап алына. Язмаларга караганда, бу чыннан да шулай: дөньядагы дүрт почмакның һәр почмагына (чигенә) кадәр «башлары барның башлары идерелә, тезләре барның тезләре чүктерелә»³. Бөтен дөнья Төрки каганлыгыннан гыйбарәт кебек аңлашыла.

Үз илләрен иң зур, башка илләрне, халыкларны буйсындырырлык көчле ил дип карау соңрак чорларда да дәвам итә. Бу жәһәттән, Испаниядәге Кордово эмире сараеның зур түрәсе яһүд Хасдай ибне Шафрут хатына хәзәрләр каганбәге Иосифның жаваплары әһәмиятле. Монда Иосиф Хәзәр каганлыгына буйсынган бик күп жирләр, халыклар турында яза. Ул, жай чыккан саен, аларның үзенә салым түлүүләре белән мактана. Аның язуына караганда, Хәзәр каганлыгы Төньяк Боз океаны-

на кадәр житә. Хәзәр дәүләтенең чикләре, аңа кәргән илләр, халыклар турындагы хәбәрләр, ирекседән, Урхун-Енисей язмаларындагы хикәяләр рәвешен искә төшерә. Икесендә дә — үз илен, үз халкын, нәселен, тарихын белән горурулану, мактану.

Ул чордагы көчле дәүләтләргә ия булган башка халыклар кебек үк, борынгы төркиләр үзләренең «мәңгелек ил»ләрен дөньяның иң үзәгендә урнашкан дип уйлаганнар. Аның да үзгә — изге Өтүкән иңкүлеге (Монголиянең Хангай тауларынан көнчыгышта).

Борынгы төркиләр һәм болгарлар карашында «Туган ил» төшенчәсе үзләштерелгән пространство, урта дөнья, мәңгелек. Башка күп кенә борынгы халыклардагы кебек үк, үзләренең туган илләрен галәм үзәгендә дип фикерләү Жучи Олысында да дәвам итә. «Идегәй» дастанында «Жир уртасы Күк Түбә» дигән юл бар⁴. Жучи Олысының баштан ук ике зур өлкәсе барлыкка килгән. Иделдән Сыр-Дәрәягача булган жирләр Ак, ә аннан көнчыгыштагы хәзерге Казакъстанның һәм Урта Азиянең көнбатыш өлешләре Күк Урда яки Түбә дип йөртелгән. Түбә ил мәгънәсендә кулланылган. Урта гасырларда, монотеистик диннәр: христиан, яһүд һәм ислам таралган чорларда галәм үзәкләре булып дини үзәкләр — Иерусалим һәм Мәккә санала. Шулай итеп, борынгы төркиләр һәм соңрак болгарларда Туган ил, чит ил, бүтән дөнья, галәм үзгә кебек төшенчәләр төрле факторлар белән катлауландырылган. Икъялимнәр тәгълиматына нигезләнгән мөселман географиясендә дөнья жиде пояска бүленгән. Икъялим уртадан — дүртенчедән никадәр арырак торса, анда яшәгән халык та цивилизациядән шулкадәр ныграк аерылган дип хисапланган. Ә инде жиденче икъялимнен арьягында яшәүче кабиләләр, гомумән, варварлар, кыргыйлар кебек кабул ителгән. Шуннысы кызык: кыргый халыклар хакында хәбәрләргә мөселман географлары, һәм алардан дөньяның башка географлары, болгарлардан ишеткәннәр.

Гуннарда да, борынгы төркиләр кулында да иксез-чиксез далалар, жирләр булган. Шуна карамастан, алар һәр карыш жирнең кадерен белгәннәр. Бу жәһәттән, моннан 1200 еллар чамасы элек идарә иткән шаньюй Мете чорындагы вакыйга гыйбрәтле. Монгол дунху кабиләләре мал йөртәргә дә яраксыз

кечкенә генә бер жир кисәген сорыйлар. Аксакаллар бу начар жирне бирергә уйласалар да, Мете моңа каршы төшә: «Жир — дәүләтнең нигезе, ничек аны бирмәк кирәк», — ди ул⁵.

Һуннар, борынгы төркиләр үзләренәң туган илләрен, жирләрен яратуны да культ дәрәжәсенә житкергәннәр. Аларда туган жирне ярату шулкадәр көчле, хәтта аның аерым алласы да булган⁶. Бу — Урта, Жир өсте алласы — «Удук Йир-Суб» (изге жир-су). Йир-Суб (Жир-Су) — туган жирнең, илнең, бербөтенлекнең синонимы..

Аның култы тау, кыя, күл, елга, жир ияләренә баш ию белән бәйле. Бу — табигатькә, «туган ягым — яшел бишек»кә аллага баш игән кебек табыну. Изге таулар, калкулыктар, биек ялгыз агачлар да «Жир-су» култының аерылгысыз бер өлеше булган. Биек таулар һәм агачлар Жир белән Күкне, Тәңре белән аңа табынучы кешеләрне тоташтырган. Н.Я.Бичурин Кытай елъязмасы «Вейшу»дан төркиләрнең Бодын-инли исемле башы шәрә биек тауны изгеләштерүләре хақындагы хәбәрне китерә. Көнчыгыш Төрки каганлыгы идарәчеләре һәм халкы «Күк рухына» биек тауда табынганнар. Аның исеме «ил химаячысының рухы» дигәнне белдерә икән⁷. Димәк, бу тау һәм аның рухы ил иминлеген саклай дип ышанганнар. Тау исемендәге «бодын-будун» борынгы төрки язмаларда «халык, ил» дигәнне аңлата шул.

Борынгы төрки язмаларда үзләренәң туган жирләрен зур горурлык белән «төркиләрнең жир-сулары» дип йөрткәннәр. Византия тарихчысы Феофилакт Симокатта борынгы төркиләр турында «алар жиргә дан жырлайлар», дип язган⁸. Алардагы тылсымчылар «жирне чакыралар», ягъни жиргә эндәшеп, аның көчен сорыйлар, имеш.

Туган жирне «жир-су» дип атау бүген дә кулланышта. Телебездә туган жирне сагынуны белдерә торган тагын бер сүз бар: жирсү, жирсенү. Бу сүзләрнең жир-су сүзе, төшенчәсе һәм борынгы Жир-Су алласы белән бәйле булуы әлләни шик тудырмый. Жиргә табыну халкыбызда соңгы чорларга кадәр давам иткән. Аңа багышлап төрле йолалар үткәргәннәр. Аны искә алып ант иткәннәр: «Жир йотсын». Бу антны, сүзне раслау рәвешендәге гыйбарәне без бүген дә кулланабыз.

«Йоту» фигыле, билгеле, туры мәгънәдә жан ияләренә нисбәтле әйтелә. Димәк, антында, сүзендә тормасаң, сине Жир (бик зур жан иясе) йотарга мөмкин. «Жир тотта» да. Аның бу сыйфаты «Кыйссаи Йосыф»та ук теркәлгән. Зиндандагы Йосыфка хәбәр китергән гарәп дөясенә сугарга дип ниятлэгәч, «аягын жир тотта». Гарәп тәүбә кылгач кына, «аякларын жир жибәрә»⁹. Бу борынгы «Удук йир-суб» кыяфәтен төсмерләү дә кебек. Халкыбыз келәүләрендә дә аңа илаһи затка мөрәжәгать иткән кебек эндәшелә. Анарда кешегә хас кыяфәтләр дә чалымлана: «Жир атасы — жирән сакал! Жир анасы — асыл бикә!»¹⁰.

Борынгы төркиләрдә, хәзәр-болгарларда изге агач, Тәңрехан — ил иминлеге, бәхете символлары. Изге агач һәм сыннар (потлар) аларны төрле бәла-казалардан, авырулардан коткарган, ярлы-ябагайларны хәлле иткән, корылыктан яисә көчле яңгырлардан саклаган. Бу агачның бер ботагын сындырган очракта да, ул кеше коточкыч жәзаларга тарыган, хәтта интегеп үлгән¹¹. Бүгенге көндә дә татарларда зираттагы агачларны сындыру гына түгел, аннан кечкенә генә ботак алып чыгу да катгый тыела.

Борынгы төркиләр фикеренчә, аларның дәүләтләре дөньяда иң борынгы. Алар шуна күрә үткәнне, тарихны, бабаларны культлаштырганнар, үлгән бабаларны, каганнарны хөрмәт белән искә алганнар, бабалар идеалына тугрылыклы булып калырга омтылганнар. Борынгы төрки Урхун-Енисей язуларында да халыкның узганы идеаллаштырыла. Бабалар — Бумын һәм Истәми каганнарны искә алу Күк һәм Жир яралу, ягъни «мифологик үткән вакыт»тан соң ук бара. Димәк, борынгы төркиләр фикеренчә, кешеләр һәм вакыйгалар никадәр борынгырак булса, шулкадәр данлырак, ихтирамга лаеграк.

«Үзә көк тәңри, асра йагыз йир кылындукта, экин ара киши кылынмыш» («Өстә — зәңгәр күк, аста көрән жир барлыкка килгәч, ике арада кеше яратылды»)¹². Космогоник тарих шунда ук кешеләр тарихына күчә. Баксаң, жир йөзәндәге иң беренче, иң борынгы кешеләр дә төркиләр икән.

Бу «кеше уллары» белән идарә итү өчен, Бумын каган белән Истәми каган куела. Алар төркиләрнең иң беренче, иң борынгы каганнары, билгеле, шулай булгач, төркиләргә данлы жинүләргә илткән иң кодрәтле каганнар. Мифлардагы «культура каһарман-

нарына» якин каһарманнар түрк халкына дәүләт төзегәннәр, яшәү кануннарын булдырганнар. Шуңа күрә бу каганнарга һәм үзләренә кадәр яшәгән хөкемдарларга дан җырлана, ил башындагы хакиммәр алардан үрнәк алырга чакырыла.

Төрки каганлыктагы рәсми дәүләт идеологиясенә төп максаты — түрк халкын (түрк будун) һәм аларның дәүләтләрен күз карасы кебек саклау. Бик кадерле, яшәү белән үлем мәсьәләсе кебек әһәмиятле бу максат өчен дәүләт һәм аның халкы барлыкка килүен гайре табигый илаһи көчләр нәтижәсе буларак аңлату кирәк. Бу халыкның, дәүләтнең мәңгелек икәнлеген исбатлау гадәти түгел, ә бәлки янәшәдәге халыклардан «түрк будунның» һәр яктан өстен, бу дәүләтнең, жирнең дөнья үзегендә торуын, аның күк асты дәүләте икәнлеген башка һәм аеруча үз халкына төшендерү аркылы башкарыла. Ә моңа, беренче чиратта, дәүләтнең рәсми тарихы хезмәт итәргә тиеш. Чыннан да, Төрки каганлыгындагы рәсми тарих белеме бу максатларга һәм таләпләргә җавап бирә. Бу тарих рун язулы китапларда, агач такталарда һәм аеруча данлы каганнар, бәкләр, гаскәр башлыклары, күренекле дәүләт эшлеклеләре каберләре өстенә куелган мемориаль комплекслардагы ташъязмаларда урын алган.

Мифологик тарих кына түгел, реальлеккә якин тарих та бар. Борынгы төркиләр үзләренә үткәннән, тарихларын, элек заманда идарә иткән ханнарын, дәүләт эшлеклеләрен, баһадирларын идеаллаштырганнар. Ә идеаллаштыру һәрчак чынбарлыктан читкә алып китә, ана мифологик төсмер бирә. Бу, аеруча, борынгы төркиләрнең иң борынгы чорга караган тарихи карашларында ачык чагыла. Мәсәлән, изге, мәңгелек илнең хакиммәре — каганнар күктә туган саналган, каган һәм аның хатыны илаһи Тәңре белән Умайга тиңләштерелгән. Борынгы төрки язмаларда: «Каган ата Күк (Тәңре) кебек, катун ана Умай кебек»,—диелә. Тәңре каганнарга акыл һәм хакиммек сыйфатлары бирә, аларны халыкка бүләк итә,¹³ хакиммияткә каршы барганнарны, ягъни гөнаһ эшләгәннәренә җәзага тарта. Ул каганнарга әмер бирә, әһәмиятле дәүләти, хәрби эшләренә дә җайга сала¹⁴. Бу яктан караганда Тәңре — ил башлыгы да.

Хакиммекне дәүләт төзелеп, идарәчел барлыкка килгәннән бирле изгеләштерергә омтылганнар. Төрки халыклар тарихын-

да да бу буйсындыруның бер идеологик юлы булган. Ханнарны нык изгеләштерү, аларның Тәңре тарафыннан куелган булуы хакындагы рәсми идеология һуннар, Төрки каганлык чорыннан ук килә¹⁵. Шаньюй — дәүләт, гаскәр башлыгы гына түгел, ә бәлки иң югары рухани да. Аның титулы ук космик халәт, җисемнәр белән бәйле: «Күк һәм Җирдән туган, Кояш һәм Ай тарафыннан куелган»¹⁶. Шунның өчен ул һәр көнне ике тапкыр дога кылып баш игән: берсе иртән — чыгып килүче кояшка, икенчесе кичен — айга¹⁷.

Җирдә, һуннардагы кебек үк, иң изге һәм иң югары дин әһеле булып хан хисапланган. Ул, югары рухани буларак, аксөякләр һәм халык өчен дә бердәй хезмәт иткән, шунның белән бар төрки халыкны берләштергән. Елга ике тапкыр югары рухани бабаларга һәм Күк рухына корбан китергән¹⁸.

Хәзәрләрдә каган үтә изге кеше саналган. Борынгы төркиләрдәге кебек үк, аның янына ут ярдәмендә чистарыну йоласын үткәч кенә керергә мөмкин булган. Монотеистик дин — ислам кабул ителгәч, аның тәғлиматлары да хакиммекне изгеләштерүгә ярдәм итә. Алмыш патша, үзенә бөеклегенә, изгелегенә басым ясап, хакиммекнең Алла тарафыннан бирелүен искәртә һәм үзенә буйсынмаган суварларга янап: «Алла гыйззе вә җәл миңа ислам динен һәм әмирел-мөеминин дәүләтен бүләк итте, мин аның колы, карышканга кылыч белән барымын», — ди¹⁹. Монда кылыч, гади кылычтан бигрәк, ислам дөньясында киң таралган төшенчә — «дин кылычы» буларак та аңлашыла.

Төркиләрнең гаскәр башлыгы, тәхет варисы Күлтәгингә багышланган мемориаль комплекс эчендәге Күлтәгин сынының башында биш тешле һәм бөркет төшерелгән таҗ²⁰. Таҗдагы кош рәсеме бу очракта дәүләт, хакиммек символы булса кирәк. Соңгы чорга кадәр татар фольклорында, мифологиясендә «Дәүләт кошы» образы яшәп килә. Хәзер дә яхшы теләк белән «дәүләт кошы башыңа кунсын», диләр. Чыннан да, бу теләк Күлтәгин өчен тормышка ашкан: аның башына «дәүләт кошы кунган». Шундый бәхет, дәүләт кошына охшаш ярым фантастик рәсемнәр Энгельс шәһәре янында казып тикшерелгән кыпчак кабереннән табылган шлемда да бар. «Идегәй» дастанында «Чыңгыздан килгән дәүләт кошы» турында сүз бара²¹.

Борынгы төркиләр туган жирләренен, илләренен патриотлары булганнар. Алай гына түгел, аны изгеләштергәннәр. Моннан соң төркиләр тарихында туган жирне шулкадәр изгеләштерүгә, аллалаштыруга, мөһим дәүләт идеологиясенә житкерелгән яратуны табып булмый. Халкыбызның мөстәкыйль дәүләтчелеген югалту бездә дә бу хисләренә сүрелдергән.

Борынгы Төрки каганлыгы жәмгыятендә институтлар дин, табыну дәрәжәсенә житә. Болар — дәүләт, ил, туган жир, каганнар. Билгеле, «туган жир» табигать дөньясы белән бәйләнгән. Ләкин борынгы төркиләр аңа да көчле ижтимагый аһәң бирәләр. Шулкадәр камил, төзек идеология алга таба бер төрки дәүләттә дә әлеге югарылыкка житми. Борынгы Төрки каганлыгы халкының гажәеп матур, халыкны, дәүләтне күз карасыдай саклауга юнәлтелгән карашлары бүген дә тирән уйлануларга этәрә.

Искәрмәләр:

- ¹ *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. — 1977. — М., 1981. — С.122.
- ² *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. — М., 1993. — С.48.
- ³ *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С.19.
- ⁴ Идегәй. Татар халык дастаны. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1994. — Б.14.
- ⁵ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т.И. — С.37.
- ⁶ *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С.19.
- ⁷ Идегәй. Татар халык дастаны. — Б.79.
- ⁸ *Симокатта Феофилакт.* История /Перевод С.П. Кондратьева. — М., 1957. — С.161.
- ⁹ *Кол Гали.* Кыйссаи Йосыф. Йосыф турында кыйсса. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1983. — Б.186-187.
- ¹⁰ Татар халык ижаты: Йола һәм уен жырлары /Томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр эзерләүче Надиров И.Н. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1980. — Б.36.
- ¹¹ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. — СПб., 1861. — 201 б.

¹² *Малов С.Е.* Күрсәтелгән хәзмәт. — С.28.

¹³ Шунда ук. — С.16; *Его же.* Памятники древнетюркской ... — С.27, 36.

¹⁴ *Кляшторный С.Г.* Күрсәтелгән хәзмәт. — С.131-132.

¹⁵ *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии... — С.16, 34.

¹⁶ *Бичурин Н.Я.* Күрсәтелгән хәзмәт. — С.58.

¹⁷ Шунда ук. — С.49-50.

¹⁸ Идегәй. Татар халык дастаны. — Б.77.

¹⁹ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмета ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Исследование по Мешхедской рукописи. — Харьков, 1956. — С.79.

²⁰ *Гумилев Л.Н.* Күрсәтелгән хәзмәт. — С.329.

²¹ Идегәй. Татар халык дастаны. — Б.13.

Е. П. Казаков

(Институт истории АНТ)

О становлении государственности Волжской Болгарии IX-XI вв.

Одной из форм организации общества на определенном этапе его развития является государство. Оно аккумулирует сложнейшие проявления общественной жизни, более или менее успешно выстраивая их в определенную систему. Само появление государства было обусловлено назревшей необходимостью организации в обществе всеобъемлющих планирующих, распределительных и принудительных начал.

Исторически обусловленная сложность института государственности отражается в неоднозначном, а иногда и прямо противоположном его определении. Возможно, скорее всего, такое диалектически противоречивое явление по сути и не может иметь однозначного определения. Особенно это относится к ранней стадии государственности, проблемы формирования которой постоянно дискутируются в исследованиях.

Не претендуя на полное освещение становления государственности у волжских болгар, рассмотрим становление только тех существенных аспектов, которые характерны для большинства государств, как институтов политической системы. Это:

1) достижение определенного уровня социально-экономического развития и на основе этого выделения социального слоя — опоры государства, 2) формирование постоянной или основной территории, 3) становление общеполитической культуры и определенного менталитета, как ее духовного отражения, 4) смена язычества монотеизмом.

Такое диалектически противоречивое явление, как становление государственности волжских болгар на раннем этапе, имело не автохтонно-эволюционный характер, а во многом было связано с миграциями. При этом каждая из них привносила в край не только этнокультурные, но и политические инновации.

По археологическим материалам историю Волжской Болгарии можно разделить на раннеболгарский (IX — первая четверть X в.) и домонгольский (60-е годы X — первая треть XIII вв.) периоды. Между ними можно выделить переходный этап второй-третьей четверти X в.¹

Раннеболгарский этап. Материалы Большетарханского, Кайбельского, II Уреньского и других могильников свидетельствуют о приходе болгар (первая волна) на Волгу из районов салтовской культуры в конце VIII-IX вв. Практически это была миграция населения в пределах одного политического объединения — Хазарского каганата. Возможно, болгары могли принести с собой навыки государственного строительства, однако, разнородное население каганата имело разные уровни социально-экономического и политического (от родоплеменного до государственного) развития. На Волгу как раз пришли кочевые племена из лесостепных районов Подонья, основой хозяйства которых было скотоводство. В памятниках волжских болгар этого времени встречено всего два серпа примитивных форм.² В конце первой четверти X в. Ибн-Фадлан отмечает, что пища болгар «просо и мясо лошади», характерные для кочевников. В то же время он отмечает, что «и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве»³.

В рассматриваемое время еще сохраняются племенные подразделения: болгары, суаз (сувар), эсегель, берсула. Несомненно, специфические условия миграционных процессов и устройство народов

на новом месте, нередко происходившие под угрозой военной опасности, ускоряли процессы формирования центральной власти. Например, состоящий из семи племен, мадьярский союз стал выступать как единая политическая единица только в процессе миграции в 70-е годы IX в., когда в Леведии (Подонье) вожди племен по совету Хазарского кагана провозгласили своим руководителем Арпада — сына Алмоша.⁴ О племенах ранней Волжской Болгарии «Худуд ал-алам» сообщает, что все они «находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг с другом друзьями»⁵.

Археологические материалы рубежа IX-X вв. свидетельствуют о явной социальной дифференциации болгарского общества. В Танкеевском могильнике по богатству сопровождающего инвентаря, по почетному положению в ряду могил выделяются 7,5% захоронений воинов-всадников. Они являлись опорой военной силы, сопровождалась саблями, топорами, луками, стрелами и, нередко, хоронились по два-три человека в одной могиле.⁶

О становлении царской власти говорят и данные Ибн-Фадлана о том, что с каждого дома собирается налог в виде шкурки соболя. В то же время царь ездит на базар даже без охраны. Люди его приветствуют, лишь снимая шапку. При предложении со стороны царя войску совершить набег на соседей, он, как и все, «имеет долю вместе с ними»⁷. В целом власть царя Алмуша сопоставима с властью франкского короля Хлодвига начала VI в., когда он мог получить лишь ту часть добычи, которая ему полагалась.

Хотя внешние границы еще не были определены (они, кроме того, могли меняться в связи с проводимыми по указу царя сезонными перекочевками), Алмуш от имени всего объединения проводит внешнюю политику (отношения с каганом Хазарии, переписка с жителями страны Вису). В это же время письменные сведения (Ибн-Фадлан) и археологические материалы фиксируют начало внедрения мусульманства.

Переходный этап. Однако, как и повсюду, язычество сопротивлялось монотеизму, что отразилось в источниках 40-х годов X в. Они сообщают о городах Сувар и Болгар

(видимо, центры одноименных племен), где проживает до 10 тыс. «мужей» — мусульман, которые воюют с находящимися «вокруг них» ... «неверными из тюрок»⁸. Они живут зимой в домах, а летом в шатрах.

Следы раннего Болгара были выявлены П.Н.Старостиным при раскопках Малоиерусалимского оврага и относятся они (монеты 898-932 гг.) к первой трети X в.⁹ Здесь были также выявлены следы жилищ, ручные жернова и другие предметы, свидетельствующие о земледелии и об оседлой жизни. В то же время материал (салтовская и приуральская керамика и пр.) находит аналогии в поздних (середина X в.) языческих погребениях Танкеевского могильника.

Первая половина домонгольского периода (Измерский этап). Датируется он с 60-х годов X в. по 80-е годы XI в. Основной материал для характеристики торговли волжских болгар этого времени в сравнении с другими странами предоставил Измерско-Семеновский комплекс памятников, расположенный на южном углу, разделяющем долины рек Волги и Камы.¹⁰ Он ярко иллюстрирует доминирующую роль государства болгар в качестве ведущего экономического и культурного центра на северо-востоке Европы. И начало этому опять положила миграция.

В 60-е годы X в. в связи с эпохальными изменениями на политической карте Восточной Европы — гибель Хазарии (походы печенегов, Святослава) — в Волжскую Болгарию приходят новые группы (вторая волна) болгар. Это были уже земледельцы, ремесленники, мусульмане по вере — потомки «черных болгар» Батбая с эпохи Великой Болгарии в низовьях р.Кубани, знакомых с культурой постантичного Причерноморья. С приходом их на Средней Волге повсюду появляются постоянные поселения и города. Около них располагаются отмечаемые археологами кладбища мусульман.

Основой хозяйства становится развитое земледелие. На селищах находят различный ремесленный инструментарий, а также резак, лемеха, серпы, косы-горбуши. Глубина вспашки земли достигает 12-15 см.

Названия этнических подразделений сохраняются, но имеют, скорее всего, местническую направленность: челмата, собекуляне.

Явно выделяется владетельный слой как общегосударственного (с резиденцией в столичных центрах: Биляр, Сувар), регионального (в крупных городищах), так и местного (в малых городищах — замках) уровня.

Одним из них, видимо, являлся владетель небольшого, в 7 тыс.м², городища Девичий городок с 4-мя башнями. Около него находился могильник с 2 тыс. погребений и обширное торгово-ремесленное Измерское селище площадью в 600 тыс. кв.м, на котором в конце X-XI вв. проживало около 800 человек. Этот памятник, вместе с расположенными в 2,5 км Семеновскими селищами, являлся главным торговым пунктом волжских болгар рассматриваемого времени.

Заклучая, можно отметить, что Волжская Болгария прошла достаточно сложный путь становления государственности в IX-X вв. Раннеболгарский период характеризуется: 1) многоэтничностью состава населения и культуры его, 2) неопределенностью и размытостью границ, 3) преимущественно кочевым образом жизни населения, 4) хозяйством, где большую роль играло скотоводство, 5) недостаточной развитостью государственных институтов.

В домонгольский период (с конца X в.) Волжская Болгария — одно из развитых государств, в культуре которого воплотились передовые достижения цивилизаций Востока и Запада. Особенно высокого уровня достигли ремесло и земледелие. Достижения последнего были наивысшими (глубина вспашки 15-18 см) для периода применения тягловой силы животных. Превышены они были только с началом внедрения машинной техники.

В этот период страна болгар уже имеет все признаки развитого средневекового государства с единой культурой, территорией (р.Иншма на востоке, линия р.Казанки на севере, Самарская Лука на юге, верховья рек Була и Кубня на западе) единой центральной властью. Доказательством последнего является заключение договоров с Русью, в которых болгарские условия предлагаются от имени всего государства.

Можно отметить также, что Волжская Болгария, в силу неплохой изученности ее материалов, является образцом для изучения процессов становления государственности во многих регионах Европы. Прежде всего это относится к Дунайской Болгарии и Венгрии. Становление первой из них относится к 80-м годам VII в., когда из районов Великой Болгарии на юго-восток Европы пришла орда Аспаруха. В основе венгерской государственности лежит приход в Паннонию мадьяр из районов Приуралья в конце IX в.

В основе начала государственности волжских болгар также находятся миграции, происходившие в связи с известными глобальными политическими событиями, кочевых и полукочевых племен в Среднее Поволжье: угорских из Приуралья и древнетюркских с юго-востока Европы в конце VIII-IX вв. Таким образом, становление государственности народов часто связано не с автохтонными, а с миграционными процессами, которые приводили к перемещениям больших этнических масс, иногда на большие расстояния.

Становление государственности Дунайской и Волжской Болгарии, а также Венгрии происходило на основе использования ее атрибутов, выработанных еще в I и II Тюркских каганатах. Все этнические группы, составляющие основу населения вышеуказанных трех государств, вышли из Хазарского каганата — наследника тюркских каганатов. Таким образом, государственность Волжской Болгарии — наследие соответствующих атрибутов I, II Тюркских каганатов и Хазарии.

Использованная литература:

- ¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). — М., 1992. — С.225-331.
- ² Казаков Е.П. Сельскохозяйственные орудия волжских болгар / / Аргмак. — Наб.Челны. — 1996. — № 2. — С.161-163.
- ³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. — Харьков, 1956. — С.136.
- ⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — 2-е изд. — М., 1991. — С.161; Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. — М., 1997. — С.147-149.
- ⁵ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указанием

Б.Бартольда. — Л., 1930. — С.32.

⁶ Казаков Е.П. Культура ранней... — С.89 и др.

⁷ Ковалевский А.П. Указанная работа. — С.136.

⁸ Ковалевский А.П. Указанная работа. — С.37.

⁹ Старостин П.Н. О времени возникновения ранних поселений болгар на Средней Волге // Проблемы хронологии волжских болгар. — Казань, 1998. — С.8-9.

¹⁰ Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков Низовий Камы. — Казань, 1991. — С.12-157.

А. М. Ахунов

(Институт Татарской энциклопедии)

Этноним «ас-сакалиба» в трактате «Та'рих ар-русул ва-л-мулук» арабского историка ат-Табари

До сегодняшнего дня в научном мире не прекращаются споры по поводу того, как правильно понимать и переводить арабский термин «ас-сакалиба». Русские арабисты «ничтоже сумняшеся» предлагают вариант «славяне»¹, татарские ученые не менее уверенно утверждают, что правильный перевод — «кыпчаки», или «тюрки»². На эту тему публикуются многочисленные статьи³ и даже защищаются диссертации⁴.

По нашему мнению, споры будут продолжаться до тех пор, пока ученые не прекратят попыток перевода арабского слова «ас-сакалиба», учитывая лишь его этимологию, или пытаясь вычленив из него какой-либо вразумительный семитский корень. Вопрос происхождения этого термина, как *отдельной лексической единицы*, не столь важен. Много ли дает знание того, что слово «ас-сакалиба» проникло к арабам через греков, или каким-то иным путем? Проблема, как нам видится, лежит не совсем, точнее, не только в филологической плоскости. Более любопытным является тот факт, что большинство исследователей, интересовавшихся этой темой, заметили одно и то же: каждый арабский путешественник, географ или кабинетный историк вкладывал в значение этого слова свой, особенный смысл. Отсюда и пошли споры современных ученых о том, как понимать подобные сообщения. Кого же подразумевали авторы

древних трактатов под именем «ас-сакалиба»: *славян, болгар, кыпчаков, русов, скандинавов или франков?*

Необходимо сказать, что в современной арабской исторической науке имеются различные подходы к трактовке термина «ас-сакалиба», и они не однозначны. Если в большинстве случаев преобладает восприятие этого этнонима в значении «славяне»⁵, навеянным духом европоцентризма (кстати, современные казанские татары часто показаны как «монголы» — в контексте синонима слову «иго»)⁶, то встречаются также мнения о «сакалиба», как о «северных жителях Европы», проживавших на Волге «со столицей неподалеку от современной Казани на параллели Москвы»⁷.

Надо отметить, что, как правило, арабские историки не поясняли для читателя значений указанного слова, видимо, полагая, что его смысл был и так хорошо им понятен. Хотя ниже мы увидим, что непонятные значения других слов, например, слова «ашбан» ученые, (в данном случае, ат-Табари) поясняют и оговаривают отдельно.

Как и в настоящее время, в те давние времена арабские ученые не были лишены определенных стереотипов, находились в плену сложившихся в арабо-мусульманской среде представлений, навеянных, в первую очередь, Кораном и коранической литературой. Неизведанное казалось им более страшным, чем реальные, близкие враги-соседи и потому в ряд народов, живущих «за валом» Йаджуджа и Маджуджа (Коран 18:89-100, *библейские Гог и Магог*) были занесены многие неизвестные, или малоизвестные арабам этносы: тюрки, славяне, франки и т.д.

Впрочем, если тюрки, хазары, болгары в той или иной степени были знакомы арабам, так как располагались неподалеку от земель Халифата, то все, что по их представлениям находилось невероятно далеко (например, за Каспием), было уже непонятным, странным, а значит страшным. Арабы, сумевшие пройти Дербент и проникнуть в приволжские степи, не знали как называть попадавших им на пути местных жителей. Шаблонное сознание подсказывало — все то, что неизвестно — это Йаджудж и Маджудж. Но встречавшие их мечом племена все же не извергали изо рта пламень и даже

в чем-то были похожи на них, арабов. В таком случае по представлениям путешественников, эти люди могли быть передовым отрядом спрятавшихся неподалеку Йаджуджа и Маджуджа. А как же иначе? Ведь согласно принятому у них стереотипному ряду, в одной группе с Йаджудж и Маджудж располагались такие «дикие» племена, как тюрки и сакалиба. Приходили ли им на ум другие варианты? Наверное да, но в целом менталитет средневековых арабов формировали общепризнанные мусульманские авторитеты — такие, как, например, арабоязычный историк и комментатор Корана — перс Абу Джа'фар ибн-Джарир ат-Табари (839-923).

По свидетельству многих авторитетных ученых, именно его многотомная «История пророков и царей» («Та'рих ар-русул ва-л-мулук») стала основой для большинства последующих трудов подобного толка⁸. К примеру, можно привести мнение отечественных ученых-иранистов, которые отмечали, что «по обилию материала и по его точности, в частности, при изложении внутренней истории отдельных областей (включая и народные движения), труд Табари не имеет себе равных в арабоязычной историографии раннего средневековья и бесспорно является важнейшим источником по истории Ирана до начала X в.»⁹. Поэтому не случайно, наверно, этот трактат ат-Табари был взят в качестве основного источника для обоснования празднования приближающейся даты 1400-летия проникновения ислама на территорию современной России¹⁰.

Известно, что его работа была компиляцией, но компиляцией высшей пробы. Ат-Табари сумел удачно собрать в своем трактате сообщения более ранних арабо- и персоязычных источников, в большинстве случаев утерянных, или дошедших до нас лишь в кратких извлечениях. Таким образом, его информаторы забыты, а сам он вошел в историю.

Кем же был ат-Табари и почему его книги пользовались таким авторитетом в ученом мире? Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джарир ибн Йазид ибн Касир ибн Галиб ат-Табари — перс по происхождению, родился в столице Табаристана¹¹ Амуле в конце 224 или в начале 225 г.х./ 839 г.н.э. Умер в Багдаде 26 шавваля 310/16 февраля 923 года¹². Происходил он из

местной знати и учиться начал рано. В семь лет уже знал наизусть Коран, в восемь — предстоял на общей молитве, а в девять начал записывать хадисы. Ат-Табари получил разностороннее классическое арабское образование, путешествуя в поисках знания по различным городам Халифата и слушая лекции у лучших шейхов — знатоков соответствующих наук. Он посещал Египет, Сирию и, конечно же, многие города Ирака, в котором он провел большую часть своей жизни.

Вернувшись окончательно в Багдад, ат-Табари основал собственную школу права, которая получила название «ал-джаририййа» — по имени его отца. Вторично на родине, в Амуде, он побывал уже в старости, в 290 г.х., где нашел сильно распространившимся шиитство. Попытки противостоять ереси навлекли на него вражду шиитов, и он вынужден был навсегда покинуть Амуду.

Благодаря одержимости наукой ат-Табари сумел за всю свою жизнь написать свыше 20-ти полновесных трудов. Его ученики подсчитали, что количество листов, написанных им за день, равнялось 14. Важнейшие из его сочинений, дошедшие до нас полностью или в больших извлечениях, в настоящее время изданы на Востоке и в Европе.

В 40-х годах XIX в. были предприняты попытки найти полный текст «Истории» ат-Табари, однако розыски не дали результатов¹³. К началу семидесятых годов прошлого века ученым все же удалось собрать разрозненные тома и части труда, обнаруженные в рукописных хранилищах Европы, Стамбула, Калькутты, в библиотеках Алжира и Туниса, и составить из них полный текст. Собранные рукописи принадлежали к разным комплектам, и текст отдельных частей воспроизводил лишь сокращенную редакцию свода, выполненную, возможно, еще самим ат-Табари¹⁴. Основанное на этих рукописях издание, вышедшее в 1879-1901 гг. под руководством одного из крупнейших арабистов-текстологов XIX в. — голландца Мишеля Яна де Гве (1836-1909)¹⁵, по совершенству и тщательности текстологической критики может считаться образцовым и в наши дни¹⁶.

Сведения, приводимые ат-Табари, вызывают определенный интерес и для истории татарского народа, так как из них мы получаем информацию о таких этносах, как: болгары¹⁷, сакалиба, тюрки, аланы, хазары.

Первое сообщение ат-Табари об отдельной народности «ас-сакалиба» относится ко времени деятельности известного коранического персонажа — пророка Нуха (ветхозаветный Ной). После всемирного потопа¹⁸ все земли мира были распределены поровну между его тремя сыновьями. В результате Сам (سام) стал патриархом арабов, персов, румов (византийцев)¹⁹, Хам (حام) прародителем негров, а Йафис (يافث) отцом-зачинателем тюрков (ترك), йаджудж (ياجوج) и маджудж (ماجوج), сакалиба (صقالبة)²⁰. Далее ат-Табари подробно рассматривает генеалогию потомков Нуха. Оказывается у Йафиса рождается семь сыновей²¹: Джамир, Мау'а'(موعع), Мудай, Йуан, Субаль, Машидж, Тирш. От Джамира пошли персидские цари, от Тирша — тюрки и хазары, от Машиджа — ашбан (أشبان), от Мау'а'a — йаджудж и маджудж, которые, по ат-Табари, находятся на востоке от земли тюрков и хазар. От Йуана — сакалиба, бурджан (برجان)²². Таким образом, получается, что Йафис не является непосредственным прародителем тюрков, сакалиба и т.д., а имеет с ними родственные отношения через одно поколение.

Среди указанных ат-Табари этнонимов не совсем понятным остается слово — «ашбан». Сам персидский ученый объясняет его так: «Ашбан — в древности (жили. — А.А.) на земле румийцев, до того, как [те] появились там. [Это произошло] еще до рождения Иисуса ...»²³. Тут же ученый дает своего рода характеристику упомянутым этносам. Выясняется, что рожденные от Сама — арабы, персы и румы — это хорошие и добрые люди, а что касается потомков Йафиса — тюрков, сакалиба, йаджуджа и маджуджа, то среди них нет ни одного порядочного человека. Мало того, из источника мы узнаем портрет потомков от обоих братьев. Отпрыски Йафиса — все большелицы²⁴ с маленькими глазками, а что касается рожденных от Сама, то они — обладатели прекрасных лиц и роскошных волос²⁵.

Чуть ниже историк приводит еще одно любопытное сообщение. Со слов персидских генеологов он высказывает предположение, что Нух и некий Афризун (افريزون) — это одно и то же лицо. Можно предположить, что речь идет о царе Турана Афрасиабе — герое «Шах-наме» Фирдоуси. В.В.Бартольд, между тем, считал, что Афрасиаб — это не владыка мифического Турана, а предводитель тюркских племен²⁶. Мало того, ат-Табари видит в образе Нуха еще двух известных исторических персонажей — Зу-л-Карнайна и Сулеймана ибн Дауда. Свои предположения он объясняет схожестью преданий об этих легендарных героях²⁷. По крайней мере, его Афризун имеет голову «как у быка»²⁸.

Табари пишет, что у Афризун/Афрасиаба/Зу-л-Карнайна, также как и у Нуха, было ровно трое сыновей (Тудж, Салм, Ирдж). Все они получили земли. Тудж — «ас-син» (китайцев), хазар и тюрков. Салм — румов, сакалиба и бурджан. Ирдж — «ас-синд» (Пакистан), «ал-хинд» (Индия) и «ал-хиджаз» (З.Аравия) и оставшиеся земли. Причем Ирдж, как младший сын, был любимцем отца. После дележки между наследниками вспыхнула борьба, видимо от неудовлетворения результатами раздела. Вследствие этого тюрки и румийцы начали между собой кровавую войну²⁹.

Вышеприведенные сообщения ат-Табари одним из первых в российском востоковедении рассмотрел еще в 1870 г. А.Я.Гаркави³⁰. Он подверг их беспощадной критике. Однако ко времени написания его труда сводный критический текст «Истории» ат-Табари еще не вышел³¹. Ученый-востоковед мог руководствоваться лишь персидской переработкой трактата ат-Табари, выполненной Мухаммедом Бал'ами³² и, видимо, выдержками, извлеченными из опубликованных отрывков на западных языках. Впрочем, он и сам высказывает сомнения: «Что в этой хронике принадлежит арабскому оригиналу, что прибавлено или переделано визирем Балами, и что, наконец, должно относить на счет позднейших редакций персидского перевода?»³³. Ответов на эти риторические вопросы не было и не могло быть, так как к моменту публикации книги А.Я.Гаркави ученым еще не был

доступен достоверный печатный вариант «Истории» ат-Табари, первый том которой выйдет лишь спустя 19 лет, в 1879 году.

А.Я.Гаркави цитирует «персидского Табари», который в данном случае имеет самую отдаленную схожесть с арабским оригиналом. Тем не менее, интересующий нас отрывок о потомках Йафиса, среди которых значатся и «ас-сакалиба», он довольно-таки уверенно переводит из Бал'ами, как «славяне». Надо заметить, что в той же книге, анализируя сообщение арабского ученого ал-Кальби (ум.819), А.Я.Гаркави в аналогичном передает «ас-сакалиба», как «саклаб», то есть не переводя его термином «славяне», или как-то иначе. Правда, это был единичный случай, так как, говоря уже о «Рисале» Ибн-Фадлана³⁴, А.Я.Гаркави вновь берется «перекрещивать» всех саклабов — в славян. Видимо, такая неуверенность исходила из однозначного названия его книги — «Сообщения...о славянах и русских».

Ученый категорически не согласен с тем, что ат-Табари «славян» («ас-сакалиба»), тюрков, йаджудж и маджудж ставит вместе в одном ряду. Видно, что он никак не может воспринять расположения рядом славян (сакалиба) и тюрков. Он объясняет это тем, что «...воззрение о родстве славян или соседстве их с турком есть относительно позднейшее». Продолжая свою мысль, он отмечает: «...во времена Табари арабы, вследствие войны с хазарами и торговых сношений, интересовались севером, так что автор (Табари. — А.А.) не преминул бы упомянуть о хазарах, булгарах, бургасах»³⁵. Не имея под рукой арабского оригинала ат-Табари, Гаркави не мог знать, что в первоисточнике обо всех этих народах имелись достаточные сведения, а что касается хазар, так те вообще удостоились самого пристального внимания арабоязычного историка.

Если предположить, что упомянутые у ат-Табари этнонимы (тюрки, сакалиба, йаджудж и маджудж) имеют между собой какую-то связь (по крови, по языку), то сразу выстраивается логическая цепочка. Как мы теперь знаем, ат-Табари упомянул и хазар, и болгар, и сакалиба, причем, «ас-сакалиба» и «ат-тюрк» воспринимались им как родные братья от одного отца

— Йафиса. Если представить, что «ас-сакалиба» и «ат-тюрк» — это родственные тюркоязычные племена и благодаря этому они попали в одну группу, то сразу начинают рушиться сложные схемы, отпадают вопросы и все становится на свои места. Однако непонятным и противоречивым является другое сообщение ат-Табари, где речь идет о детях Афрасиаба. Здесь «ас-сакалиба», румы, бунджары помещены в одну группу, а хазары, сыны (китайцы), тюрки в другую. Чтобы разобраться в этом, попробуем разбить сообщения ат-Табари на три группы, исходя из известных традиций их толкования:

1. Арабо-кораническая традиция: *три сына Нуха: Сам (سام) — патриарх арабов, персов, румов (византийцев), Хам (حام) — прародитель негров, а Йафис (يافث) — отец-зачинатель тюрков (ترك), йаджудж (ياجوج) маджудж (ماجوج) и сакалиба (صقالبة).*

2. Арабо-персидская традиция: *семь сыновей Йафиса ибн Нуха: Джамир, Мау'а' (موعع), Мудай, Йуан, Субаль, Машидж, Тириш. И далее от Джамира пошли персидские цари, от Тириша — тюрки и хазары, от Машиджа — ашбан (أشبان), от Мау'а'а — йаджудж и маджудж, которые, согласно ат-Табари, находятся на востоке от земли тюрков и хазар. От Йуана — сакалиба, бурджан (برجان).*

3. Персидская традиция: *трое сыновей Африсуна/Афрасиаба/Зу-л-Карнайна (Тудж, Салм, Ирдж), которые получили следующие земли: Тудж — ас-син, хазар и тюрков; Салм — румов, сакалиба и бурджан; Ирдж — ас-синд, ал-хинд и ал-хиджаз.*

Исходя из вышеприведенных сведений, можно попытаться проанализировать информацию ат-Табари. При этом главное внимание стоит уделить не филологико-семантическому или историко-сравнительному принципу, а методу так называемой «ментальной карты автора». Речь здесь идет о том, что каждый историк, географ, путешественник в древности имел свои, сложившиеся этностереотипы (о чем мы говорили выше), владел определенным багажом знаний, эмпирическим опытом, полученным из книг и устных сообщений предшественников.

В данном случае интересно проследить «ментальную карту» ат-Табари, раскрыть ход его мышления, расставить по своим местам на этой карте интересующие нас этнонимы.

Рассмотрим *первую группу* сообщений ат-Табари. Мы назвали ее «арабо-коранической», т.к. эта версия локализуется прежде всего в семитском регионе и имеет богатую библейско-кораническо-агадическую предысторию. Кроме того, эта группа сообщений возводится персидским ученым к арабу Ибн Исхаку (VIII в.), к словам самого пророка Мухаммеда и к библейским источникам³⁶. Все указанные народы здесь разделены как-бы «по крови». Подобная мысль, несомненно, имеет основания если представить, что упомянутые тюрки, йаджудж, маджудж, сакалиба — все тюркского происхождения. Однако арабы, персы и румийцы имеют далеко не одно и то же происхождение, и не один и тот же язык. Впрочем, и их, видимо, должно что-то объединять, ведь «неграм» ат-Табари уделил совершенно отдельное место, не найдя им никакой родственной пары. Трудно выдвигать какие-либо версии, но, скорее всего, в этом случае арабоязычный историк просто механически воспользовался известными христианско-мусульманскими преданиями. Правда, тенденция к распределению «благородных» и «неблагородных» народов по разным группам особенно заметна в данной группе сообщений. Таким образом, интересующие нас «ас-сакалиба» определены автором «Истории пророков и царей» в группу «диких», в т.ч. тюркоязычных соплеменников. Следовательно, по замыслу ат-Табари, они связаны со своими соседями по группе или по языку, или по своей «дикости».

Вторую группу сведений можно назвать «арабо-персидской». Здесь упомянутые ат-Табари народности распределены как по «крови», так и по «климатам». Причем второй вариант преобладает. Если вспомнить, что перс ат-Табари находился в Багдаде, то понятно почему на первое место он ставит сообщение о персидских царях, которые произошли от Джамира. Выше них он размещает тюрков и хазар. Говоря «выше», мы подразумеваем, что рассматриваемые нами этносы размещались на «ментальной карте» ат-Табари к северу от Багдада, так как основные неприятности сваливались на арабов и персов с севера, а не с

юга. Вообще все живущие на севере — в «стране льдов» — воспринимались ими как какие-то нелюди, ведь ни один «нормальный» араб не мог терпеть холода и не мог представить, что бы кто-то еще мог жить в стране «вечной зимы».

Выше тюрков (мы двигаемся далее в северном направлении) ат-Табари размещает «ашбан». Здесь перед нами встает проблема трактовки этого непонятого термина. Конечно, схожесть в названиях склоняет расшифровать это слово как «испанцы». Так поступает и Т.М.Калинина, видя в подобном значении «тенденцию сближения потомков Йафета как «детей» и западно- и восточноевропейского круга народов...»³⁷. Т.М.Калинина приводит примеры из Ибн Кутба (IX в.), ал-Бакри (XI в.) из которых следует вывод, что «ас-саклаб» и «ал-ашбан», «ат-тюрк», «ал-хазар», «ал-ифрандж» попали в одну группу не случайно и, следовательно, имеют какую-то общую связь. Полагая, что «ас-саклаб» — это, несомненно, славяне, Калинина пишет, что «ряд авторов относил ас-сакалиба скорее к западноевропейскому ареалу и в этом случае ас-сакалиба не сопрягались с ал-хазар...»³⁸. Мы же, следуя за логикой ат-Табари, не можем однозначно заявить, что «ашбан» — это только испанцы. Даже если это и были испанцы в понимании ат-Табари, то в любом случае они размещены им не в Западной Европе, а выше тюрков и хазар, т.е. где-то на уровне среднего течения Волги.

На самом верху (на краю света, по представлению ат-Табари) находятся «ас-сакалиба» и «ал-бурджан» (булгар). То есть они располагаются севернее «ал-ашбан». А где же тогда Йаджудж и Маджудж? По представлению Табари, они расположены восточнее земли тюрков и хазар. Теперь попробуем выстроить «ментальную карту» Табари:

Бурджан (булгар)	
Сакалиба	
Ашбан	
Хазары	
Тюрки	}= Йаджудж и Маджудж
Персы	

(Обратите внимание на семи уровневое, в арабо-мусульманском духе, расположение рассматриваемых нами этносов)

Очевидно, что складывается схема расположения народов, чем-то схожая с данными современных историков и археологов. По нашему мнению, размещение йаджудж и маджудж к востоку от тюрков скорее было связано с представлениями ат-Табари о кораническом «вале Искандера», за которым прячутся Йаджудж и Маджудж. Возможно, арабский ученый идентифицировал это отклонение на восток со слухами о Великой китайской стене, которая действительно располагалась восточнее тюрков и хазар. Таким образом, интересующие нас «ас-сакалиба» все дальше удаляются от «цивилизованных» центров того времени — а именно на север, или, точнее, на северо-восток.

Третья группа сообщений названа нами «персидской», так как ат-Табари сам говорит, что он опирался в этом случае на труды предшественников — персидских генеологов. Но перед разбором этих сообщений необходимо сделать небольшое отступление. Автору данной статьи не хотелось бы, чтобы анализ двух предыдущих традиций не оставил бы впечатление о его непоколебимости. Разрозненность и противоречивость арабских и персидских источников до сих пор не дает возможности создать цельную, завершенную картину тех давних событий. Мало того, в пределах одного и того же источника встречаются прямо противоположные сведения. В нашем случае ат-Табари также оказался непоследовательным в изложении одних и тех же событий. Он дает противоречивые сведения, но все-таки наиболее достоверные, по его мнению, помещает на первое место. Такие сведения были включены нами в 1-ю и 2-ю группы. Вряд ли нужно искать в сообщениях арабо-персидских историков логичные, научно выверенные данные, к тому же положенные на строго продуманный, предсказуемый сюжет³⁹.

Такой точности нет и в трудах ат-Табари. Например, в своем 30-томном комментарии к Корану под названием «Всеобъемлющие разъяснения к комментированию Корана» (جامع البيان في تفسير القرآن) для иллюстрации своих сообщений он приводит

примеры из иудейских, христианских, древнеперсидских источников, оставляя читателю «счастливую» возможность самостоятельно определить их достоверности. Желание пользоваться максимумом источников (например, в трактовке суры «Йусуф») привело даже к тому, что ат-Табари, несмотря на свою сильную религиозность, описал в трактате и откровенно эротические сцены, за что был осужден многими мусульманскими учеными средневековья (Замахшари XII в.) и начала XX века (Р.Фахрутдинов).

Но вернемся к третьей группе сведений. Информация здесь разделена по областям, или по так называемым «климатам», причем в отдельные группы включены абсолютно разноплеменные этносы — китайцы с хазарами, сакалиба и болгары вместе с румийцами (жителями Малой Азии). Таким образом, схема, выстроенная нами выше при трактовке второй группы источников, начинает нарушаться. Сравним две последние группы сообщений:

2 группа:

Бурджан (булгар)

Сакалиба

Ашбан

Хазары

Тюрки }= *Йаджудж и Маджудж*

Персы

3-я группа:

ал-Хиджаз

ал-Хинд

ас-Синд

Бурджан

Сакалиба

Румы

Тюрки

Хазары

Китайцы

Как видим, если следовать в данном случае по «ментальной карте» ат-Табари с юга на север, то в 3-й группе

получается, что на самом крайнем севере от арабов проживают жители Хиджаза. Но если повернуть схему движения не на север, а на юг, то тоже не все будет складно, т.к. тюрки и хазары никак не могли располагаться южнее румийцев (персы знали, что опасность исходит с севера). Следовательно, здесь преобладает совсем иная логика, не арабо-семитская, а персидская, возможно, позаимствованная ат-Табари из сасанидской хроники «Хвадай-намак». Таким образом, если предположить, что источники последней группы сообщений — персидские генеологи, то картина несколько проясняется. В таком случае народы на «ментальной карте» ат-Табари, согласно указанному порядку, располагались не по вектору «юг-север» или «север-юг», а по радиусу от персов. В центре «мироздания» находились персы, северо-западнее — румы, сакалиба, бурджан, на востоке — китайцы, хазары, тюрки и на юге — пакистанцы, индусы и арабы Хиджаза. Причем китайцы, хазары и тюрки поставлены ат-Табари на 1-е место, значит более важны (опасны) для персов.

Теперь мы видим, что в этом случае ат-Табари располагает рассматриваемые нами народы не по языковому принципу, а по территории их обитания (по понятиям персов), причем наиболее близкие и знакомые по частым стычкам народы, упомянуты в первую очередь. То есть получается, что «ас-сакалиба» — это недружелюбные арабам и персам племена.

Исходя из всех вышеприведенных сведений можно сделать следующий вывод. По представлению ат-Табари, даже несмотря на противоречивость его сведений (что вполне естественно и несколько не умаляет научных достоинств его труда) «ас-сакалиба» — это «дикий», враждебный арабам, персам и вообще мусульманам народ. Место его проживания — где-то на севере, не исключено, что за «валом», за которым прячутся Йаджудж и Маджудж. Осюда, наверно, происходит частое упоминание «ас-сакалиба» в одном логическом ряду с последними. Постоянное размещение «ас-сакалиба» рядом с тюрками и именно в тех случаях, когда речь идет об объединении этносов по языковому принципу, говорит в пользу того, что в представлении ат-Табари «ас-сакалиба» могли быть тюркоязычным народом.

Таким образом, до однозначных выводов относительно расшифровки термина «ас-скалиба» еще далеко, и ни одна версия пока не может считаться окончательной. Тем не менее, изучение известных в науке источников, исходя из, использованного нами принципа могло бы дать интересные и неожиданные результаты.

Примечания:

- ¹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — Спб., 1870. — С.74; Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Сочинения. — 1963. — Т.II. — Ч.I. — С.870; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С.368-69.
- ² A.Z.Validi Togan. Ibn Fadlans Reisebericht. — Leipzig, 1939. — P.305; Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. — Казань, 1995. — С.68-81.
- ³ См.: Мухамметдинов Р.Ф. Что кроется за этимологией слова «сакалиба» // Научный Татарстан. 1999. — №4. — С.53-57.
- ⁴ Мишин Д.Е. Сакалиба в исламском мире в раннее средневековье // Диссертация ... канд. исторических наук. — 1999. — 380 с.
- ⁵ См., например, соответствующую статью в авторитетном арабском энциклопедическом словаре «Ал-Мунджид» — С.346 ١٩٨٨، بيروت.
- ⁶ Там же. — С.169
- ⁷ Например арабского текстолога «Рисале» Ибн Фадлана — Мухаммеда Сами ад-Даххана. — См.: ١٩٦٠، دمشق، الدكتور سامي الدهان، رسالة ابن فضلان، — С.22.
- ⁸ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. — М., 1960. — С.131.
- ⁹ Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий Л.М. История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. — Л., 1958. — С.79.
- ¹⁰ Гайнетдин Р. Исламның Россиядә тарала башлавына 1400 ел тула // Иман. — 2000. — март. — №6.
- ¹¹ Область в Иране, примыкающая к южному берегу Каспийского моря.
- ¹² Беляев В.И. Ат-Табари как источник для истории народов СССР // Ат-Табари. «История». — Ташкент, 1987. — С.5-13.
- ¹³ Грязневич П. История ат-Табари. История посланников и царей... // Народы Азии и Африки. — 1964. — №3. — С.187.
- ¹⁴ Грязневич П. Там же. — С.187.
- ¹⁵ См. о нем: Коковцев П.К. Микаил Ян де Гье. 1836-1909. Некролог // Известия Имп. академии наук. — Спб., 1909. —

VI сер. — №11.

- ¹⁶ Грязневич П. Указ. статья. — С.187.
- ¹⁷ Об этом см. подробнее: Ахунов А. Ат-Табари и другие восточные источники о тюрко-булгарах (IV-VII вв.) // Научный Татарстан. — 1998. — №4. — С.34.
- ¹⁸ Надо отметить, что для Табари это отнюдь не абстрактные события. Например, в своей «Истории» он приводит следующие цифры: от Адама до всемирного потопа прошло ровно 1256 лет; от потопа до смерти патриарха Ибрагима — 1020 лет; от кончины Ибрагима до пришествия сынов Израиля в Египет — 75 лет; от последней даты до исхода Мусы из Египта — 430 лет; от исхода Мусы до разрушения Иерусалима — 446 лет; от последней цифры до правления «царя Искандера» — 436 лет; от Искандера до 206 года хиджры — 1245 лет. — См.: Annales quos scripsit ... at Tabari. — Ser. I. — vol. II. P.1072.
- ¹⁹ В широком значении это относилось ко всем жителям Малой Азии.
- ²⁰ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari cum aliis edited M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879 — 1901. — Serie I. — vol.I. — PP.211-212.
- ²¹ По иному толкованию Табари — у Йафиса родилось семь сыновей (Джаумр, Марху, Ва'иль, Хуан, Тубиль, Хушель, Тирс) и одна дочь — Шабка. — См.: Annales quos scripsit ... at Tabari. — Series I. — vol.I. — p.211.
- ²² Annales quos scripsit ... at Tabari. — P. 218.
- ²³ Ibid. — P.218.
- ²⁴ Кстати, не эти ли самые описания ат-Табари стали пищей для размышления отъезжающему в Булгар Ибн Фадлану (вспомним его великана, имеющего голову с «огромный котел»)?
- ²⁵ Annales quos scripsit ... at Tabari. — P.223.
- ²⁶ Бартольд В.В. — Соч. — М.: «Наука», 1966. — Т.II. — ч.I. — С.661.
- ²⁷ Annales quos scripsit ... at Tabari, Series I. — vol.I. — P.225.
- ²⁸ Ibid. — P.228.
- ²⁹ Ibid. — PP.229-230.
- ³⁰ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. — Спб., 1870.
- ³¹ Да и рукописи в разрозненном виде находились в самых разных местах Европы, Азии и Африки.
- ³² В 963 г. саманидский визирь Мухаммед Бал'ами составил сокращенную обработку полной редакции труда ат-Табари на персидском языке. В отличие от подлинника ат-Табари обработка Бал'ами пользовалась большой популярностью в странах Востока

и позднее была переведена на турецкий, урду и чагатайский языки.

³³ Гаркави А.Я. Указ. соч. — С.78.

³⁴ Гаркави А.Я. Указ. соч. — С.85.

³⁵ Там же. — С.77.

³⁶ Annales quos scripsit ... at Tabari, Series I. — vol.I. — P.223.

³⁷ Калинина Т.М. Арабские средневековые ученые о контактах хазар и славян // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл. кор. АН СССР В.Т.Пашуто. — М., 1999. — С.59.

³⁸ Калинина Т.М. Указ. соч. — С.60.

³⁹ Лучше всего об этом сказал французский ученый Фрирьоф Шюон (ученик Рене Генона): «Одна из причин, в силу которых европейцам трудно по-настоящему оценить Коран, распознать в нем духовное начало, объясняется тем, что они ищут в любом тексте отчетливо выраженный смысл, поддающийся непосредственному восприятию, тогда как семитические народы, да и все вообще жители Востока, ценящие словесную символику, владеют навыками «углубленного» чтения: фраза представляется им чередой символов, чьи искры вспыхивают по мере того, как читатель проникается духовной геометрией слов, каждое из которых служит ему своего рода ориентиром на пути познания неистощимой доктрины; превыше всего — внутренний смысл, а внешние темноты — это как бы покрывала, скрывающие все великолепие содержания». — См.: Шюон Ф. Понять ислам // Вопросы философии. — 1994. — №7-8. — С.124.

Р. Ф. Набиев (КЮИ МВД РФ)

Северный торговый путь из Булгара в Скандинавию*

В фундаментальном труде М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» имеется интересное предположение. Он считал, что в 1396 г. после двух тимуровских погромов, во время отчаянной борьбы за наследие Улуса Джучи Тохтамыш лично возглавил поход на Север и «повоева поморские города».¹ Незадолго перед этим он боролся за Крым, поэтому предположение А.Ю.Якубовского о том, что в русских летописях под поморскими имелись в виду черноморские города, выглядит логичным. С другой стороны, по свидетельству А.А. Спицына, в летописных записях того времени словом «Помо-

* Мнение ред.коллегии не всегда совпадает с выводами автора.

рье» обозначалось побережье Северного Ледовитого океана и вообще северные области. К тому же выясняется, что это был не единственный поход. В 1391 году, в труднейший для себя период, он вернул Казани вятскую землю.²

Так что же заставляло могущественного хана Тохтамыша устремлять свои усилия в приполярные районы в наиболее сложные для себя времена? Ясно, что эти малолюдные территории представляли интерес не только в качестве охотничьих угодий. В этот же период в район междуречья Двины и Вятки усиленно пробиваются Москва и Новгород.

Общепринятые стереотипы о безлюдности северных земель до русской колонизации опровергаются исследованиями специалистов, обнаруживших здесь, на берегах рек, десятки городищ. Многие из них еще А.А.Спицын относил к финно-угорской общности.³

Учеными-археологами (Н.А.Макаровым, В.В.Кроткиным, М.Б.Эдемским и др.) установлено, что в этом обширном регионе влияние болгарской культуры было весьма значительным, в ряде случаев болгарские изделия предшествуют славянским находкам. Есть предположение, что в X-XII вв. основной маршрут торговли Булгара со Скандинавией проходил по Волге и через ее ответвления выходил к Белоозеру и Двине. Активная торговля по этому направлению прекращается в XIII в.⁴ О выходе болгар к северному побережью Белого моря свидетельствовали также данные ал-Хорани (30-е гг. XII в.).

На карте В.Шверина, в «Книге Большому чертежу» (XVI в.) и в других материалах автор данной статьи обратил внимание на топонимы и гидронимы «Русского Севера». В результате были обнаружены многочисленные ойконимы, сходные с топонимами региона болгарского государства. Это, например, названия рек — Сура, Тойма, Сюзма, Сунь; озер — Иман, Кубенское, Танай; топоним — Верхний Идел, и др.

Исходя из важности северного региона для международной торговли Скандинавии с восточными странами (в условиях, когда наиболее удобный путь через Гардарику (Gardariki) был под контролем соперников), мы решили исследовать в топонимическом отношении наиболее спокойный и, вероятно, пос-

ледный из возможных — печорский маршрут булгаро-скандинавского торгового пути.

Нами обнаружены десятки тюркских ойконимов вдоль всего течения р.Печора вплоть до самого ее устья в Заполярье. Маловероятно, что они не могли появиться здесь после перехода региона под власть Москвы.⁵ Кроме того, некоторые из них носят следы переосмысления тюркских терминов русским населением.⁶ Интересно, что некоторые топонимы тюркского происхождения не имеют ясного перевода с позиции современного татарского языка. Безусловно, значительная часть ойконимов бассейна реки Печора, на наш взгляд, имеет финно-угорское происхождение.

Весьма примечательна еще одна особенность гидронимов Печорского бассейна. Кроме естественных для этого региона старых ненецких и позднейших русских терминов, существует ряд ойконимов, свидетельствующих о былом скандинавском присутствии.⁷ По мнению А.Сталсбега норвежский язык применим к переводу термина «Варандея», «Шведская пристань», возможно «Эйхерва», Камгарт, Гаровочный. Таким образом, приведенное В.В.Бартольдом удивительное сообщение арабов, располагавших варягов между Югрой и Вису, находит фактическое подтверждение. Согласно сагам, в 1256 г. норвежцы приняли биярмов, бежавших от татар. В 1253 г. Норвегию посещает посольство татар.⁸

Совокупность рассмотренных топонимов позволяет утверждать, что булгары не только плавали в Заполярье, но и имели прямые контакты со скандинавами.

Тюркизмы наблюдаются и далее по побережью Северного Ледовитого океана: остров Калгуев, Канин нос (Кан буруны), Бизек, Ермак, Карское море (Кар диңгезе).

На Болванском носе, на побережье Северного Ледовитого океана, где не растет даже мох (и где, согласно «Джагфар тарихы» указан Булгарский городок Айхи-Кала), обнаружены возможные следы былых построек — окаменевшие остатки сгоревшей древесины.⁹

Следы пребывания булгар на Кольском полуострове нашел Е.Лазарев, сотрудник редакции журнала «Наука и религия». Он обнаружил и сфотографировал салтово-маяцкие руны.

Таким образом, версия о наличии в средневековье окольного пути в Норвегию из района Поволжья в обход Владимиро-Суздальской земли и, следовательно предположение М.Г.Сафаргалиева о походе Тохтамыша на северное Поморье, о чем было сказано выше, получают некоторые подтверждения. Можно утверждать, что регион Поволжья, имея независимый торговый путь в Европу, становился САМОДОСТАТОЧНЫМ по отношению к Золотой Орде и формирующейся Московской Руси даже в условиях потери прямого выхода на Балтику. Северный морской путь обеспечивал Волжско-Уральскому региону постоянное участие в мировой транзитной торговле, независимо от политических отношений с соседями.

Примечания:

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. — М.: Инсан, 1996. — С.430.

² Спицын А.А. Русская историческая география. — СПб., 1917. — С.432.

³ Спицын А.А. Татары в истории Вятского края. — Вятка, 1885. — С.1.

⁴ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария. — М.: Наука, 1993. — С.6.

⁵ Это такие топонимы, как: Орда: Акичи, Боян, Хабар, Ермичи, Лежбуга, Карманкул, Бизек. Некоторые из них могли быть привнесены русским населением, но большая часть отмечена еще в документах середины XVI в.

⁶ К ним мы относим: Якшинская (якши), Поганый нос, Караванная изба (каравансарай), Караванная, Тошвисский (Таш вису), Болванский нос (Балбал буруны), Иевский (Ий).

⁷ Калинина Т.М. Водные пространства Северной Европы в трудах арабских ученых IX-XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. — М., 1997.

⁸ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. — М., 1986. — С.91-92.

⁹ Юрьев П.Н. Устье Печоры. — Б.м.: Севгоспароходство, 1935. — С.108.

Д. М. Исхаков
(Институт истории АНТ)

Из истории титула «Булгарский князь»

В литературе отдельными исследователями высказывалось мнение о том, что в Московском государстве титул «князь Булгарский» появился после событий 1487 г. Например, С.Х.Алишев в своей новой монографии пишет: «Великий князь Руси Иван III после взятия Казани русскими войсками в 1487 г. присвоил себе титул «Князь Булгарский»¹. Мнение это не новое — еще С.М.Соловьев полагал, что «Иван III к титулу своего отца «прибавил» в ряду других наименований и титул великого князя болгарского»². Почти такое же высказывание можно найти и у М.Г.Худякова: «... Иван III не решился после свержения татарского ига назвать себя царем и в 1487 г. ограничился титулом «князя Болгарского»³. Несмотря на то, что приведенная точка зрения, на первый взгляд, кажется обоснованной, она не вполне согласуется с данными, содержащимися в одном малоизвестном историческом документе, а именно, в «местной грамоте» нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича⁴. Поэтому вопрос о времени появления у московских государей рассматриваемого титула, связанный также и с историей Булгарского вилайета Золотой Орды второй половины XIV в., нуждается в повторном исследовании.

Но вначале попытаемся установить хронологические рамки и район первоначального бытования титула «князь Булгарский».

Князья Булгарские

Впервые «Булгарский князь» упоминается в ряде русских летописей в 1370 г. при описании похода нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, совершенного при участии «посла царевича именем Ачихожа» на «Булгарскаго князя Асана»⁵. Повторно этот же князь упоминается наряду с другим князем — «Маахмат Салтаном» — во время второго похода «на Болгары» в 1375 г.⁶ В последний раз «Булгарские князи» фигурируют в некоторых русских летописях в

качестве союзников великого князя Данила Борисовича Суздальского в 1411 г. во время его похода против сына Дмитрия Донского, князя Петра Дмитриевича Московского⁷.

Однако у этих сообщений есть одна особенность — в них «Булгарские князья» постоянно именуется и «Казанскими князьями». Так, в летописном сообщении за 1370 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи говорится о рати «на Булгарского князя Асана, еже ныне глаголютца Казанцы». Далее говорится уже о «князе Казанском Асане»⁸. Правда, в «Рогожском летописце» под этой датой речь идет только о «Бльгарском князе Осане»⁹.

Под 1375 (1376) г. в Патриаршей (Никоновской) летописи Асан и Маахмат Салтан опять именуется «князьями Казанскими»¹⁰. Но в «Рогожском» и «Владимирском» летописцах, в том же сообщении говорится только о «Булгарских князьях» Осане и Махмат Салтане¹¹. В нашей специальной статье, посвященной данной проблеме, была предложена гипотеза о том, что под титулом «Булгарских князей» — эмиров, были известны джучиды, которые правили в Булгарском вилайете (иклиме) Золотой Орды. Центром этого владения не позже конца XIV — начала XV вв., как мы полагаем, являлся город Казань¹².

О титуле «князь Булгарский» у великих князей Нижегородских

Теперь обратимся к упомянутой выше «местной грамоте» Дмитрия Константиновича. Такое своеобразное название этого документа связано с тем, что в нем определяется «кому с кем сидеть и кому под кем садитца»¹³. Итак, мы имеем дело со своеобразным «табелем о рангах» в Нижегородском великом княжестве. Издателем источник был датирован 1367-1368 гг.

Наибольший интерес для нас представляет титулатура великого князя Дмитрия Константиновича, приведенная в рассматриваемой грамоте. Она выглядела так: «... князь великий новгородский Нижнева Ново города и суздальский, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и балымецкой, и подолской и всея Понизовские земли заволский юрту и северново государь Дмитрий Константинович»¹⁴.

В приведенном перечне обращает на себя внимание наименование (князь) «Болгарский». Учитывая, что Дмитрий Константинович принимал активное участие в событиях 1370 и 1375 гг., появление в его титулатуре титула (князь) «болгарский» нельзя считать случайным. Тем более, что в результате похода Дмитрия Константиновича «на Болгары, рекше на Казань» в 1375 (1376) г., ему удалось посадить «в Казани... и дорогу и таможенника»¹⁵. Отсюда вывод: титул «князь Болгарский» мог присутствовать еще в титулатуре великого князя Нижегородского и попасть в титулатуру Московских государей после присоединения территории этого княжества к Москве.

Любопытно еще одно наименование, присутствующее в титулатуре великого князя Нижегородского после понятия «болгарский» — это наименование «балымецкий». Возникает вопрос: не образовано ли оно от названия «Балымер»? Полностью исключить такое происхождение данного термина нельзя, так как у названия Балымерского городища, расположенного рядом с историческим Биляром, известен вариант «Балынгуз» (отсюда путем «стяжения» может получиться «Болымуз»~«Балымес»). Если это так, то не исключено, что поход «на Болгары, рекше на Казань» 1375 г., был направлен против Булгарского вилайета, где правили «князья Болгарские». Центр вилайета тогда еще мог находиться не в Казани, а в Булгаре. Перемещение политического центра Булгарского вилайета в Казань произошло несколько позже (см. выше).

В целом, поставленная нами проблема нуждается в дополнительном изучении с привлечением более обширного корпуса источников.

Примечания:

¹ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. — Казань, 1995. — С.8.

² Соловьев С.М. Сочинения. — История России с древнейших времен. Книга III. — Тт.5-6. — Москва: Мысль, 1989. — С.141.

³ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — С.236.

⁴ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV- начала XVI вв. — Т.3. — М.: Наука, 1964. — С.335-

337.

⁵ ПСРЛ. — Т.10-11. Патриаршая или Никоновская летопись. — М.: Наука, 1965. — С.12-13; Т.15. — Вып.1. — С.92; Т.30. Владимирский летописец. — М.: Наука, 1965. — С.122. Датировка события имеет некоторые разночтения — приводятся как 1375., так и 1376 г. Я принимаю первую дату.

⁷ ПСРЛ. — Т.10-11. — С.211.

⁸ Там же. — С.12-13. «Князьями Казанскими» они называются и в 1375 (1376) г. (см. там же. — С.25).

⁹ ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — С.92.

¹⁰ ПСРЛ. — Т.11-12. — С.25.

¹¹ ПСРЛ. — Т.13. — Вып.1. — С.116; Т.30. — С.122.

¹² Исхаков Д.М. Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас. — 1993. — №10. — С.44-45.

¹³ Акты... — С.335.

¹⁴ Там же. — С.33.

¹⁵ ПСРЛ. — Т.11-12. — С.25.

Г. Г. Галиахметова
(Институт истории)

Религиозные традиции в Золотой Орде первой половины XIV в.

Токта-хан, Узбек-хан и беклярибек при Узбек-хане — Кутлутемир — известны как крупные политические фигуры в Золотой Орде первой половины XIV в. В данной статье нам хотелось бы остановиться на тех исторических моментах, к которым так или иначе были причастны указанные политические деятели в аспекте религиозной ситуации в этом государстве.

Принятие при Узбеке ислама, как «официальной религии», безусловно, способствовало «развитию торговли, культуры, ... обеспечивало контакт Запада и Востока», но не означало исламизацию большинства кочевников, которые не спешили отказаться от традиционных верований и культов¹.

Узбек-хану, вступившему на престол при поддержке происламских сил региона, выдвинувших условие придерживаться исламского курса правления, пришлось постоянно лавировать между мусульманами и немусульманами. Немусульмане составляли довольно сильную оппозицию официальной власти, истоки непри-

миримости которой лежали в глубине исторической эволюции этих народов. Проводимая Узбек-ханом внутренняя политика была направлена на усиление роли ислама в обществе.

Понимание сути Тенгре у тюрков и монголов в рамках Золотой Орды различалось и было обусловлено самой логикой развития этих народов. С культом Тенгре большинство тюрков было знакомо со времени государственной организации, насчитывающей несколько веков, если вести отчет с эпохи орхон-енисейских эпитафий до падения Волжской Булгарии. Монголы, которые, вероятно, познакомились с культом Тенгре в эпоху господства мифопоэтического мышления², сохранили эти традиции в неизменном виде в потестарно-политической (т.е. предгосударственной) структуре³. «...Шаманизм в среде Джучидов II половины XIV-XV вв. ... являлся синкретическим пережитком, впитавшим в себя элементы местных языческих верований и испытавшим на себе влияние домусульманских религий уйгурских грамотеев»⁴.

Таким образом, наряду со многими другими факторами, например, геополитическими, наличие общего внутреннего механизма, исходящего из исторического прошлого этих народов, позволило им некоторое время сосуществовать «в мире и согласии», несмотря на яростную борьбу за власть между исламистами и шаманистами. Однако стремление монголов продолжать традиционный полукочевой образ жизни, несмотря на многое общее в восприятии мира с тюрками, стало причиной того, что они не стали доминирующей силой в культуре этого «полукочевого и полуседлого» государства.

Нужно помнить, что в начале создания империи, как и в период ее упадка, среди монголов (так же как и среди тюрков) были и сторонники, и противники ислама. Успех или неуспех его пропаганды зависел главным образом от того, в какой среде ее вели. В Дешт-и Кыпчак, среди монголов и кыпчаков, ислам не имел успеха⁵, тогда как в традиционных центрах ислама Золотой Орды шел процесс, направленный на его сохранение и развитие.

Внутриполитическое положение Золотой Орды середины XIV в. А.Г.Мухамадиевым определяется как противостояние между оседло-земледельческой знатью, тесно связанной с

хозяйственной жизнью городов Поволжья, с одной стороны, и кочевыми феодалами, с другой⁶.

Нужно сказать, что на выбор «колеблющимися» своей религиозной ориентации влияли разные обстоятельства. Например, когда между Ногаем и Токтой «возникли война и раздор, то он (Ногай) постоянно отправлял к государю ислама (Газану) знатных послов и просил его помощи, заявляя о желании сделаться подданным его государства (Газана). Хотя на деле это был чрезвычайно удобный случай [Стать мусульманином? — Г.Г.], но государь ислама, Газан-хан, по высокому благородству своему не соглашался (на предложение Ногай) и не воспользовался тяжелым положением (Токтая), говоря: «В настоящее время коварство и нарушение слова далеки от благородства: обман и хитрость заслуживают порицания и непозволительны с точки зрения разума, закона мусульманского и ясака. Как ни тесна моя дружба с Ногаем, но в пререкания и споры их (Ногай и Токтая) я не стану входить, потому что пользоваться плохим положением (другого) непохвальное качество, в особенности у великих государей»⁷.

Основу мировидения волжских булгар составляло осознание наличия своей государственности и идеологии, направленной на ее сохранение и упрочение. Есть основание полагать, что домонгольский пласт культуры региона оказался в этом процессе и донором, и реципиентом. Волжские булгары, которые в это время теснейшим образом были связаны с культурными традициями Хорезма, могли предложить монголам-шаманистам соответствующий их уровню развития и понимания политический курс, а также картину мира, не нарушавшую обретенное в веках собственное историческое достояние. Представление народа о себе, как о субъекте политических отношений, оказалось устойчивым показателем⁸ и широко распространилось в среде монголов-шаманистов. Архетипы древних тюрков об избранности правителя Небом-Тенгре, детерминировались у мусульманских тюрков в «осознание связи народа с его правителем».

Интересна точка зрения ряда исследователей о «сущности шаманского учения», по которой получается, что «исламу без труда удалось искоренить обрядовую основу шаманизма, но он

оказался бессилён перед его глубинными истоками», заключёнными в мифологическом и психологическом сознании⁹. Исследования особенностей обыденного сознания у татар-мусульман современной России показывают, что затронутый вопрос очень непрост¹⁰. В сохранении до последнего времени доисламских традиций, интегрировавших в себя исламские ценности, огромную роль сыграл мистический пласт ислама — суфизм. Например, Маулид-байрам¹¹ мог установиться в исламских странах лишь благодаря «суфизму, развившему ... догму, обладавшую совершенно невероятной силой притягательности, ибо она удовлетворяла старую, существовавшую до ислама, потребность в поклонении...»¹². Сочетая в себе веру в сверхъестественное и народные традиции, празднование Маулида нашло особое распространение среди членов суфийского тарика¹³. Тип мышления этноса детерминирован, диалектически взаимосвязан с его мировидением¹⁴.

Приход Узбека на золотоордынский престол после смерти хана Токты был ознаменован победой сторонников ислама. Однако, нужно полагать, что существовали некоторые общие идейные параллели между Токтой и Узбеком. Основанием для этого может служить следующее обстоятельство. Известно, что Узбек-хан каждую пятницу приходил в ханак у шейха Номан ад-дина ал-Хорезми в Сарай-Берке¹⁵. Номан ад-Дин был «одним из образованнейших людей своего времени, изучал логику, диалектику, медицину» и при хане Токте (1290-1312) был врачом в Хорезме. Его перевод в Сарай-Берке¹⁶ в какой-то степени свидетельствует о преемственности идей эпохи Токты и Узбек-хана.

Власть Узбека, апеллируя к идее мусульманства, конечно же, вызвала опасения у той части общества, для которой эта идея была чужда. В борьбе за ордынский престол основными полярными силами выступали сторонники ислама и Туры (Ясы) Чингиз-хана. Известно, что последние создавали сильнейшую оппозицию ханской власти, устраивая заговоры против мусульманских претендентов на престол¹⁷. Среди них известен Кутлук-Тимур, эмир Сарая, представлявший особо

грозную силу против мусульманской группы своими целенаправленными действиями. Источники запечатлели его «распоряжения» относительно ханской власти в Золотой Орде после смерти Токтая: «Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (наш), а после того уже можно сделать царем сына Токтая». Они (эмиры) согласились с этим. Узнав о смерти Токтая, Узбек ... прибыл в Сарай, не подозревая о помыслах и намерении эмиров. В числе их (находился) один эмир, по имени *также Кутлук-Тимур* (выделено нами — Г.Г., относительно последнего мы придерживаемся написания — Кутлутемир); он известил Узбека о замысле их. Причиной вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясак) Чингизхана и перейдем в веру арабов?»¹⁸.

По приведенному отрывку ясно, что политическая сила эмиров — сторонников Туры — была значительной. Сплоченные полукочевыми инстинктами, монголы, конечно же, отличались своей «организационной идентичностью» в борьбе за престол, чего, наверное, нельзя с уверенностью сказать об идеологическом аспекте. Последний был свойственен сторонникам ислама, позиции которых в Золотой Орде были также сильными и имели устойчивые, подкрепленные историческим опытом, традиции.

Кутлук-Тимур (или Кутлутемир), который сообщил Узбеку о готовящемся заговоре, после воцарения последнего стал его приближенным и начал заниматься делами государственного управления, т.е. получил должность беклярбека. Однако ему не пришлось долго исполнять эти обязанности¹⁹. Причиной этого, на наш взгляд, явились события, проистекавшие из желания Узбек-хана под подстрекательством собратьев-чингизидов продолжать экспансивную внешнюю политику своих предков, в частности, на земли Ирана и Хорасана, а Кутлуте-

мир в тревоге за внутреннюю безопасность Золотой Орды по возможности пытался отговорить хана от претворения этого намерения в жизнь: «...трудно будет управиться с другим государством и пропадут они оба. ...Узбек согласился с его (Кутлутемира — Г.Г.) мнением и остались на месте»²⁰. Однако согласие Узбек-хана с Кутлутемиром в этом вопросе оказалось эфемерным. Хан ненадолго расстался с прежним своим решением овладеть территорией Хорасана. Уже в 1319 г. он поручает своему наместнику Кутлутемиру готовиться к походу в Хорасан, однако осуществлению этого намерения дважды мешает наступление зимы²¹.

В 1322 г. Узбек-хан отстраняет Кутлутемира от обязанностей беклярибека и отправляет его в Хорезм. Возможно, развитие внутривосточных событий и явилось причиной для принятия им ислама. Поступая так, Узбек обратился к традициям Мавераннахрского ислама, и Кутлутемира отстранил от Сарайской власти как идеологического оппонента.

По поводу того когда Узбек принял ислам и в какой форме, интересные сообщения встречаем в анонимном сочинении XV в. «Родословии тюрков»: «В месяцах 712 г. хиджры (9.5.1312—27.4.1313) Узбек, утвердившись на престоле, восемь лет проводил жизнь со своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и Кыпчака... Когда с начала его султанства истекло восемь лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида, имеющего высокие титулы, указывающего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 720 г. хиджры (12.11.1320—30.1.1321), соответствующего году курицы, удостоился чести принять ислам»²². Таким образом, Узбек-хан после восьми лет пребывания в северном Дешт-и Кыпчаке в 1320(21) г. отправляется в Мавераннахр для принятия ислама от потомка Баб Арслана-Зенги-ата и его преемника Сейид-ата. Баб Арслан, в свою очередь, был наставником Ахмеда Ясави, крупного суфия-идеолога среди тюркских племен, учение которого способствовало консолидации различных

племен и народов вокруг ислама. Впоследствии по приказанию Тимура (Тамерлана) над могилой Зенги-ата, также как и над могилой Ахмеда Ясави, был сложен мазар.

Возникает закономерный вопрос: насколько перекликались учения Зенги-ата и Ахмеда Ясави, и насколько распространены были их идеи в Золотой Орде? И не связано ли получившее в это время широкое распространение воздвижение надгробных памятников в Волжской Булгарии²³ с принятием Узбек-ханом ислама под оболочкой учения Ахмеда Ясави?

Что могло удерживать Узбек-хана от принятия ислама после воцарения еще в течение восьми лет? Как было отмечено, внешняя обстановка требовала незамедлительного принятия ислама, тогда как внутренняя отягощалась религиозными склоками между шаманистами и исламистами.

Необходимо заметить, что появление надгробий было вполне в духе культуры доисламского периода (периода древних тюрков), только в иных обстоятельствах и форме.

На наш взгляд, внезапное укрепление практической формы суфизма свидетельствует об ограничении возможностей интеллектуальной сферы ислама, хотя этот аспект требует дальнейшего изучения.

При Берке-хане наиболее приемлемыми представлялись идейные установки кубравийцев²⁴. Узбек-хан после восьми лет своего правления в Золотой Орде обращается в ислам под руководством «святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и преемника Зенги-Ата» — святого Сейид-Ата, демонстрируя этим актом свою приверженность тому «пути» ислама, которым характеризовался регион Мавераннахра.

По-видимому, идеи вышеуказанных двух разновидностей суфизма уживались вместе. Подтверждением этой точки зрения может служить популярность и поныне среди народа «Хикметов» Ясави, которые являются кладезем стихийного народного творчества и продолжают сохранять традиции предков²⁵.

Ханы-джучиды, в той или иной степени знакомые с исламом, возможно, не столько как с религиозно-мировоззренческой системой, а как с религиозно-ритуальной, в своем желании политически укрепиться в Золотой Орде восприняли ислам в

форме суфизма, вобравшего в себя элементы религиозно-ритуального опыта тенгрианства. Ислам так адаптировался к условиям этого региона и в том особом единстве исторического времени и культурного пространства, что суфизм воспринимался монголами в единстве с его нормативно-культовой формой. Практическая форма суфизма являлась к тому же наиболее доступной формой мировосприятия окружающего мира, близкой к вековым традициям тюрок и монголов. Передовая часть полукочевого населения этого государства в стремлении упрочить свои политические позиции вынуждена была выбрать именно эту форму религии, которая, как известно, была широко распространена и популярна во многих частях мира.

Примечания:

- ¹ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — С.229-230.
- ² Трудно проследить, каким именно путем передавались монголам историографические достижения тюрок. Маловероятно, чтобы монголы приобщались к ним, читая рунические надписи, хотя памятник Кюль-тегину был в Монголии хорошо известен еще в годы правления Хубилай-хагана (1260-1294). Однако, «как свидетельствуют источники, в давние времена у монголов был обычай большинство посланий передавать». — См.: *Бира Ш.* Монгольская историография XIII-XVII вв. — М.: Наука, Главная редакция Восточной Литературы, 1978. — С.29.
- ³ *Крадин Н.Н.* Кочевые общества: Проблема (формационной) характеристики. — Владивосток, 1992. — С.182-183; *Скрынникова Т.Д.* Представления монголов о сакральности правителя: Текстологические и культурологические аспекты исследования. — М., 1993. — С.71-85; *Ее же.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. — М., 1997. — С. 104; *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. — М., 1993. — С.112, 113.
- ⁴ *Усманов М.А.* Этапы исламизации Джучиева Улуса: мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI вв. // *Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма.* — М., 1985. — С.180.
- ⁵ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М., 1950. — С.165.
- ⁶ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII-XIV вв.

— М., 1983. — С.81.

- ⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — М.-Л., 1941. — С.72.
- ⁸ *Измайлов И.* Этнополитические аспекты самосознания болгар X-XIII вв. // ПФ. — 1996. — №1(4). — С. 107.
- ⁹ *Французов С.А.* Суеверия и колдовские обряды в Южной Аравии XIII-XV вв. // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. — М., 1992. — С.7; *Насыйри К.* Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо их влияния на их жизнь суннитского магометанства. — СПб., 1880. — С.241-270.
- ¹⁰ *Шәмсетдинова М.* Мәдхия. Иләктән илэнгән заман. — Казан, 1999.
- ¹¹ С конца XI — начала XII в. почитание Пророка Мухаммада обрело зримые формы в праздновании маулид, дня его рождения, который приходится на 12-е число Раби'ал-аввал, третьего месяца мусульманского лунного года.
- ¹² *Мец А.* Мусульманский Ренессанс /Пер. с нем., предис. Д.Е. Бертельса. — М., 1966. — С.242.
- ¹³ *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма /Пер. с англ. Н.И.Пригариной, А.С.Раппорт. — М., 1999. — С.173, 190.
- ¹⁴ *Степанянц М.Т.* Восточная философия. — М., 1997. — С.63.
- ¹⁵ *Тизенгаузен В.Г.* 1884. — С.307.
- ¹⁶ *Якубовский А.Ю.* Развалины Ургенча. — Л., 1930. — С.18.
- ¹⁷ *Тизенгаузен В.Г.* 1884. — С.229-230.
- ¹⁸ *Тизенгаузен В.Г.* 1884, — С.229-230.
- ¹⁹ *Тизенгаузен В.Г.* 1884, — С.328.
- ²⁰ *Тизенгаузен В.Г.* 1884, — С.325.
- ²¹ *Тизенгаузен В.Г.* 1884. — С.326, 328.
- ²² *Тизенгаузен В.Г.* 1941. — С.207.
- ²³ По подсчетам Ф.С.Хакимзянова, в пределах Булгарии известно до 400 надгробий с надписями, поставленных в промежутке между 1271 и 1361 годами. См.: *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. — М., 1987.
- ²⁴ Кубравийцы — сторонники суфийского братства кубравийа, основанного в начале XIII в. в Хорезме Наджи ад-дином ал-Кубра (1145-1221).
- ²⁵ *Шәмсетдинова М.* Указ.соч.

*И. М. Миргалеев
(Институт истории)*

К вопросу о начале идегеевской эпохи

В истории Золотой Орды есть один интересный момент — это так называемая проблема «временщиков» — личностей, которые не могли занимать ханский престол из-за того, что по своему происхождению не были чингизидами. Но, имея реальную власть, они правили страной через подставных ханов. В капитальных трудах по истории Улуса Джучи этот вопрос рассматривается довольно подробно. К сожалению, мы не имеем ни одной серьезной работы по политической истории Золотой Орды, кроме известной работы М.Г.Сафаргалиева, опубликованной в 1960 г. Есть достаточное количество работ с новыми идеями, предположениями, однако они лишь пересказывают факты из классических трудов, не особенно затрудняя себя собственной реконструкцией фактов.

В истории Золотой Орды самыми известными «временщиками» были Ногай, Мамай и Идегей, являвшиеся могущественными людьми своего времени. Про них сочинялись дастаны и легенды. Без сомнения, эти люди жаждали власти. Иногда эта жажда была настолько сильной, что они не считались с такими ценностями, как служба Родине, патриотизм и закон.

Однако сюда не совсем вписывается Идегей. Хотя народ прославил его дастаном, превратив в национального героя татарского народа, все же он остается противоречивой личностью¹. Но в исторической науке Идегей давно получил оценку своей деятельности, и рассмотрение данной проблемы не входит в нашу задачу.

На первый взгляд наша задача довольно проста. Но в действительности вопрос о начале идегеевской эпохи запутан. На наш взгляд, в капитальных трудах по истории Золотой Орды имеется несколько неточностей. Мы имеем в виду труды А.Ю.Якубовского и М.С.Сафаргалиева, потому что именно эти историки подробно остановились на данном вопросе и пытались его решить на основе привлечения данных разнообразных источников.

А.Ю.Якубовский пишет, что Идегей, Тимур-Кутлук и Кунчеоглан сопровождали Тимура в его походе против Золотой Орды в 1391 г., а после разгрома Токтамыша покинули его². М.Г.Сафаргалиев тоже повторяет это утверждение А.Ю.Якубовского, но уделяет этому вопросу больше внимания, расширив круг своих источников.

Не углубляясь в противоречия реконструкции данного события, мы просто перечислим их.

После катастрофы в 1391 г. Тохтамыш вернул себе власть над Золотой Ордой. Это подтверждается и его монетами³.

М.Г.Сафаргалиев, опираясь на Ибн Халдуна, утверждает, что Тимур-Кутлук в 1391 г. на время захватил Сарай. Но Ибн Халдун здесь говорит о сыне Урус-хана, а Тимур-Кутлук был сыном Тимур-Мелика. Значит речь здесь идет не о нем. Улус Тимур-Кутлука находился в Нижнем Поволжье, в районе Астрахани⁴. Источники упоминают о разрушении Хаджи Тархана (Астрахани) Тимуром в 1395 г. Но почему же Тимур-Кутлук здесь не упоминается? И можно ли предположить, что Токтамыш в 1395 г. оставил у себя в тылу изменника Тимур-Кутлука. Они непременно должны были столкнуться, но нигде в источниках об этом сведений не имеется.

Эти неточности появились из-за того, что и А.Ю.Якубовский, и М.Г.Сафаргалиев главным источником при решении данного вопроса взяли «Зафар-намэ» Шереф ад-Дина Али Йезди.

Рассмотрим известные источники по данной проблеме. Ибн Арабшах уход Идегея и Тимур-Кутлука относит ко времени после 1395 г.⁵ Рассказ «Аноним Искендера» тоже соответствует событиям, произошедшим после поражения Токтамыша в 1399 г. Армянский историк Фома Мецопский пишет, что «Тимур вторично взял войско свое, пошел в страну гуннов, победил их царя по имени Тохтамыш и подчинил себе всю его страну. Он назначил им царя, по имени Идик, который сел в Сарай, и покорил страну протяжением до восхода солнца в 6 месяцев»⁶. Косвенно это подтверждает и сообщение Шереф ад-Дина Али Йезди: «Тимур-Кутлук-оглан, который после поражения и ослабления Токтамыш-хана ушел от Тимура и за ним

укрепилось ханство улуса Джучиева»⁷. Также и Низам ад-Дин Шами: «Как только они (Тимур-Кутлук и Идегей — И.М.) прибыли в свои дома, то сделали своим лозунгом неверность, стали забывать обещанное и не соблюли своего слова. Тимур-Кутлук-оглан сел на царство»⁸. Но ведь Тимур-Кутлук стал ханом только после 1396 года. Русские летописи начали упоминать Тимур-Кутлука лишь в 1398 году. Никоновская летопись под 1398 годом передает следующее: «Внезапу прииде на него (Токтамыш — И.М.) инь некий царь, именем Тимир-Кутлуй, и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Тимур-Кутлу царя Тохтамыша и прогна, и сяде сам на царстве Воложском Болша Орды, а Тохтамыш царь, побежа к Литовским странам»⁹. Это передает и Софийская вторая летопись: «Того же лета 6906 (1398 — И.М.) Темир-Кутлуй согна Тохтамыша и сяде на царстве в Сарай, а Тохтамыш сослался с Витовтом, прибежа в Киев со двема сыны и царицами»¹⁰.

Данные русских летописей подтверждаются и монетами Тимур-Кутлука, которые до нас дошли в небольшом количестве и имеют даты 800 и 801 г. (1398-1399). В 1398 г. он чеканил монеты от своего имени сперва в своей Орде, а потом в Сарае. В 1399 г. появились монеты с его именем и в Крыму¹¹. Его знаменитый тарханный ярлык тоже написан в 1398 г. (800 г.х.)¹².

Токтамыш-хан после поражения в 1391 г. все-таки смог заново восстановить свою власть, хотя были и другие претенденты. Например, Бекбулат, который даже начал чеканить монеты от своего имени в Крыму¹³. Несмотря на то, что в борьбу включились сильные противники, Токтамыш смог их уничтожить и сесть на ханский трон. В письме к Ягайло, которое было написано в 1393 г., Токтамыш об этом скромно подчеркивает: «Бог нас пожаловал, предал нам враждующих Угланов и Беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгичь и Турдучак Берди Давуд»¹⁴. Как видим, Токтамыш-хан не упоминает ни об Идегее, ни о Тимур-Кутлуке. (Он говорит, что Идегей убежал к Тимуру). Улус Идегея находился на Яике, являвшемся центром Золотой Орды. Токтамыш до 1395

г. контролировал эту территорию. Старший брат Идегея, Исабей был одним из военачальников Токтамыш-хана в войнах 1391 и 1395 гг. Это подтверждает то, что Мангитский улус был под властью Токтамыш-хана. Идегей убежал к Тимуру в 1376 г. Клавихо рассказывает, что «он (Идегей — И.М.) прожил с ним (с Аксак Тимуром — И.М.) двадцать лет»¹⁵. Получается, что Идегей убежал от Тимура после 1395 г.

Кунче-оглан в сражении на Тереке был на стороне Тохтамыша. Мирхонд говорит, что в ночь перед сражением татары, чтобы вызвать панику в стане Тимура, предприняли атаку, во время которой «Инанж Углан, из потомства Джучихана, исцарапав лицо верности ногтями вероломства, убежал (из лагеря) Тимура»¹⁶. Здесь речь, вероятно, идет о Кунче-оглане, потому что Инанж Углан больше нигде не упоминается. О Кунче-оглане Шереф-ад-Дин Али Йезди говорит следующее: «У Кунче-оглана, первоначальным обиталищем которого был Дешт, любовь к родине закрыла правильный путь от взора разума, так как (сказано): любовь к чему-нибудь ослепляет и делает глухим. Уклонившись от пути верности, он с своими людьми выбрал дорогу бегства и ушел»¹⁷.

Как видим, при внимательном рассмотрении источников выясняется, что Идегей, Тимур-Кутлук и Кунче-оглан оставили Аксак Тимура в 1395 г. Если принять это, то не останется и тех противоречий, о которых мы говорили выше.

Исходя из всего вышесказанного, мы считаем, что Идегей и Тимур-Кутлук ушли от Тимура после сражения на Тереке. Весь 1396-1397 г. они собирали силы, занимались укреплением своего положения и только в 1398 г. смогли объявить Тимур-Кутлука ханом. С этого времени и начинается эпоха временщика Идегея, который, по словам Ибн Арабшаха, «водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел»¹⁸.

Примечания:

¹ Источником этого противоречия является вышеупомянутый дастан, имеющий много вариантов. — См.: *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. — Л.: Изд-во «Наука», 1974.

² *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С.361.

- ³ Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. — СПб., 1896. — С.490-491.
- ⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. — М.: «Инсан», 1996. — С.429.
- ⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т.1, — С.467-469.
- ⁶ Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. /Сост., обр. и подг. текста Р.Рахмангалиева. — М.: «Гураш», 1992. — С.370.
- ⁷ Тизенгаузен В.Г. СМИЗО. — Т.П. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С.188.
- ⁸ Там же. — С.118.
- ⁹ ПСРЛ. — Т.ХI. Патриаршая или Никоновская летопись. — М., «Наука», 1965. — С.167.
- ¹⁰ ПСРЛ. — Т.VI. Псковская и Софийская летописи. — СПб., 1851. — С.130.
- ¹¹ Марков А.К. Указ.соч. — С.492.
- ¹² Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимурь-Кутлука и Саадеть-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями. — Казань: Тип. Унив-та, 1861. — С.6, 9, 11.
- ¹³ Марков А.К. Указ.Соч. — С.491.
- ¹⁴ Березин И.Н. Ярлык Тохтамыш хана къ Ягайлу. Ханские ярлыки I. — Казань, 1850. — С.51.
- ¹⁵ Тамерлан... — С.341.
- ¹⁶ История Татарии в материалах и документах. — М.: Соцэкгиз, 1937. — С.80.
- ¹⁷ СМИЗО. — Т.П. — С.173.
- ¹⁸ СМИЗО. — Т.1. — С.472.

Б. Л. Хамидуллин
(Татарское книжное издательство)

Основные проблемы изучения истории государственности татарского народа

30 августа 2000 года суверенитету Республики Татарстан исполняется 10 лет. История государственности татарского народа богата и драматична. Она полна пережитиями «взлетов» и «падений». К большому сожалению, эта важная проблема до сих пор не изучена в должной мере, хотя работ, отражающих отдельные ее моменты, достаточно много — вспомним работы

Хусаина Фаизханова, Шигабутдина Марджани, Каюма Насыри, Гайнетдина Ахмерова, Хасана Габяши, Мурада Рамзи, Хади Атласи, Заки Валиди, Ризаэтдина Фахретдинова, Габдельбари Баттала и многих других. Однако в них, на наш взгляд, не отражена в целостном виде вся совокупность и многогранность этого вопроса. С 1917 г. (особенно — в русской историографии) в целом утвердилась довольно однобокая трактовка истории татар, сводившая их в категорию безликих, безгосударственных народов, обретших свою полноценную государственность лишь при советской власти. Несмотря на это существенным шагом вперед, на наш взгляд, явились работы Альфреда Хасановича Халикова, в которых, наряду с этнической историей волгоуральских татар, глубокое отражение нашла и история государственности татарского народа. Однако в связи со специализацией ученого упор в основном делался на историю Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов.

В настоящей работе хотелось бы затронуть две довольно сложные, как нам кажется, проблемы. Речь идет о хронологических и территориальных рамках, которые должны учитываться при изучении истории государственности татарского народа.

Хронологические рамки. Речь в данном случае идет о нижних хронологических рамках. Возникает вопрос: с какого периода нужно начинать изучение этой истории? В современной науке утвердились три основные, но кардинально противоположные точки зрения на проблему происхождения современного татарского народа¹. Первая — болгарская², согласно которой этническим костяком, основой современных татар являются болгары и, отчасти, кипчаки и тюркизированные финно-угорские этнические группы. В соответствии с этой концепцией, основные этнокультурные традиции современных татар сформировались в период домонгольской Волжской Булгарии, а в период Золотой Орды и пост-золотоордынских ханств (в первую очередь — Казанского ханства) особых этнокультурных изменений не претерпели. Эта концепция в основных чертах была сформулирована в начале XX в., т.е. еще до известного постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. (фактически запрещавшего объективное изучение истории Золотой

Орды³), в трудах Г.Ахмерова, Р.Фахретдинова, Н.Фирсова, М.Худякова и др. Позднее она разрабатывалась в трудах Х.Гимади, А.Смирнова, Н.Калинина, Г.Юсупова, А.Халикова и др.

Вторая концепция — тюрко-татарская⁴, согласно которой этнической основой современных татар являются татары Золотой Орды и пост-золотоордынских государств. Данная концепция — более «гибкая», т.к. не отрицает важной роли доордынских этнических компонентов (кипчаков [половцов], болгар, финно-угров, остатков хазарского и печенежского населения и т.д.) в этногенезе современных татар. Эта концепция в более конкретных чертах была сформулирована в начале XX в. в исследованиях Газиза Губайдуллина. Позднее ее поддержали М.Сафаргалиев, Ш.Мухамедьяров и др.

Третья концепция, в последние годы существенно утратившая свои позиции, — татаро-монгольская⁵. Она основывается на представлении о переселении в Восточную Европу центрально-азиатских и восточно-азиатских татаро-монгольских племен, которые, смешавшись с кипчаками, создали основу татарской государственности и культуры. Данная теория была сформулирована задолго до нашего столетия и, то «затухая», то вновь «вспыхивая», встречается в трудах русских, чувашских, башкирских и других исследователей. Необходимо также отметить наличие большого количества так называемых «пограничных» или «скользящих» теорий, в которых в той или иной степени отражены три вышеназванные концепции. Речь в них идет в основном о степени этнокультурного и этнополитического влияния древнетюркского, хазарского⁶, кимако-кипчакского и центрально-азиатского татарского⁷ компонентов на этногенез современного татарского народа.

Как видим, основные теории этногенеза татарского народа хронологически (условно) вбирают в себя период с IX-X вв. по XVI-XVIII вв. Исходя из этого логически вытекает, что и историю государственности татар следует начинать никак не ранее IX-X вв., т.к. до этого периода той этнической общности, о которой мы ведем речь, фактически не было. Эта, неформировавшаяся как единый этнос, общность, естественно, не могла выступать как государствообразующая (хотя ее отдельные этнические

предки таковыми являлись). Т.е., говоря о периоде, предшествующем IX в., мы должны подразумевать не **историю** государственности татарского народа, а его **предысторию**. При этом для так называемых «булгаристов» верхней границей предыстории должны являться X-XII в. (т.е. период формирования народности волжских болгар), а для так называемых «татаристов» — XIII-XIV в. и далее. Если кто-то хочет видеть в татарском этносе прямых потомков центрально-азиатских татар, хазар или болгар Кубрат-хана, то все равно не опустится ниже VI в. (первое упоминание об этнополитическом объединении центрально-азиатских татар относится к 552 году, а выделившиеся из состава Западно-Тюркского каганата Великая = Причерноморская Булгария Кубрат-хана и Хазария образовались в VII в.).

Таким образом, есть необходимость определить более ранние этапы начала этногенеза и этнополитической истории татарского народа. Вопрос: о каком же периоде должна идти речь? Ответ в той или иной степени отражен в исторической литературе, однако и здесь мы сталкиваемся с противоборством самых разных концепций. Речь идет о доскифском или скифском, или хуннском, или гуннском, или тюркском⁸ периодах. Нельзя забывать, что эти периоды разделены между собой многими столетиями. При этом, если у кого-то есть серьезные сомнения по поводу доскифского и скифского периодов (речь идет об оппонентах тюркской теории происхождения скифов и так называемой «скифской теории» происхождения тюрков), то аналогичные сомнения могут возникнуть и по поводу хуннского и гуннского периодов — известно стремление некоторых российских и зарубежных ученых называть хуннов и их потомков — гуннов — «не тюрками».

Таким образом, проблема хронологии как бы повисает в воздухе.

Географические рамки. Географические рамки исследования истории государственности татарского народа также неопределенны. Проблема вновь упирается в наличие нескольких концепций по вопросу его происхождения. Некоторые исследователи замыкаются лишь на истории Поволжья и Приуралья, другие пишут о сибирских и крымских татарах, но при этом

забывают польско-литовских татар. Сторонники «булгарской» концепции, хотя и признают, например, общность с сибирскими татарами, в то же время умалчивают об их центрально- и восточно-азиатских этнических компонентах. Аналогично обстоит дело и с их трактовкой этнополитической истории астраханских татар. Имеются противоречия у так называемых «татаристов». В данном случае, хотелось бы остановиться на польско-литовских и крымских татарах. Уже с периода середины XVI в. (эпоха завоевания Казанского и Астраханского ханств, чуть позднее — Сибирского ханства) крымские татары фактически живут своей обособленной этнополитической жизнью, более связанной с Турцией, нежели с Поволжьем, а тем более — с Сибирью. Не случайно, что позднее они сформировались как отдельная нация⁹. Еще более сложная ситуация обстоит с польско-литовскими татарами, имевшими в свое время мелкие государственные образования («княжества») на территории Литвы-Польши. В настоящее время они представляют собой довольно удаленную от нас в этническом и географическом плане субэтническую группу, сохранившуюся лишь в результате поддержания исламских традиций.

В заключение хотелось бы сказать следующее. На пороге новый век, новое тысячелетие. Вступая в него, хотелось бы, чтобы ученые хотя бы по основным позициям пришли к определенному консенсусу.

Примечания:

¹ Учитывая стремление некоторых казанских историков приписать себе какое-то «авторское право» на «открытие» условного трехчленного деления историографии по проблеме этногенеза современных татар, хочу заметить, что еще в 1968 г., выступая на VIII Конгрессе антропологов и этнологов в г.Токио (Япония), Ш.Ф.Мухамедьяров выделил 3 основных теоретических направления по названной проблеме в исторической литературе. См.: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIII-th Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. — Tokyo, 1968. — В.2. Culture, History. — P.53. Мухамедьяров лишь по-иному назвал эти 3 концепции (1. болгарская; 2. золотоордынская [современные татары — потомки татаро-монголов]; 3. кипчакская).

² По версии Ш.Ф.Мухамедьярова — «болгарская».

³ Однако, вспомним работы Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского, М.Г.Сафаргалиева, Г.А.Федорова-Давыдова, М.А.Усманова, В.Л.Егорова, А.Г.Мухамедиева и др., в которых дан серьезный фактологический материал по истории Золотой Орды.

⁴ По версии Ш.Ф.Мухамедьярова — «кипчакская».

⁵ По версии Ш.Ф.Мухамедьярова — «золотоордынская».

⁶ Уже многие годы «хазарско-булгаро-золотоордынскую» теорию отстаивает А.Г.Мухамедиев.

⁷ В последние годы эту точку зрения отстаивает Р.Г.Фахрутдинов.

⁸ В данном случае речь идет о Тюркском каганате, образовавшемся в 30-50-х годах VI века.

⁹ Кое-кто из «татаристов» (н-р, Р.Г.Фахрутдинов) может возразить, что «все татары сформировались в лоне Золотой Орды и поэтому мы все едины». Отвечаю вопросом: А почему мы тогда не признаем кровное этнополитическое родство с нами «кавказских татар» (тюрк Кавказа — азербайджанцев и др.), «среднеазиатских татар» (н-р, узбеков, казахов и др.) и не включаем их политическую историю после распада Золотой Орды в рамки истории государственности современного татарского народа?.. Если же говорить об этносоциальной идентичности и идентичности государственной структуры пост-золотоордынских татарских ханств, то можно, к примеру, возразить, указав на то, что Московская Русь, Казахское, Узбекское и другие ханства тоже фактически зародились как пост-золотоордынские государства, продолжающие традиции государственного строительства Джучиева Улуса в новых его вариациях. При этом ни для кого не секрет, что родовые подразделения узбеков и казахов напрямую восходят к этносоциальной структуре Золотой Орды.

*И. Р. Насыйбуллин
(Тарих институты)*

Казан ханлыгының сәяси географиясе (тарихи әдәбиятта чагылышы һәм тикшерү перспективалары)

Тарихи география — татар халкы, татар дәүләтләре тарихында иң аз өйрәнелгән өлкәләрнең берсе. Казан ханлыгының тарихи географиясе фундаменталь тарихи эшләрдә өстән генә

карап кителә, ә махсус әдәбиятта исә бу проблема теге яки бу халыкның Россия дәүләтенә кушылуы күзлегеннән чыгып кына яктыртыла.

Картадан күренгәнчә, төрле елларда тарихчылар Казан ханлыгының чикләрен билгеләргә тырышканнар. Алар моның өчен матди чыганаclar да, язма чыганаclar да кулланганнар. Ләкин тарихи әдәбиятта бу мәсьәлә буенча бердәм фикер тумаган. Мөгаен, моның төп сәбәбе чик төшенчәсен билгеләүнең үзгәргән үк ята. Чөнки дәүләт чиге төшенчәсенә бүгенге мәгънәсе урта гасырдагынан нык аерыла. Хәзерге сыйфатта дәүләт чиге төшенчәсе бары тик XVIII гасырда Көнбатыш Европада барлыкка килгән. Нәкъ менә шул чордан башлап кына, сәясәт-географик һәм хәрби төшенчә буларак чик бәйсез дәүләтнең аерылгысыз билгесенә әверелә. Урта гасырда исә бу төшенчә бик шартлы характерда булган һәм теге яки бу территориянең кайсы да булса бер дәүләткә каравы шунда яшәгән халыкның кайсы дәүләткә ясақ түләвеннән чыгып билгеләнгән. Һәм без Казан ханлыгының биләмәләрен, чикләрен ачыклаганда нәкъ менә аларның шушы шартлы характерыннан чыгып эш итәргә тиешбез, шуңа күрә беркайчан да бу чикләргә төп-төгәл итеп күрсәтә алмаячакбыз. Моңы бары тик хәзерге дәүләтләргә карата гына эшләп була.

Соңгы елларда Казан ханлыгына Урал буендагы Көнчыгыш районнары да кергән яңа тарихи эзләнүләр барлыкка килде. Мәсәлән, Д.М.Исхаков, рус елъязмаларына һәм пермь татарлары этнографиясен өйрәнүләргә нигезләнеп, Тулва, Сытва һәм Ирен елгасы бассейнында яшәгән халыклар да Казан ханлыгына буйсынган дип раслай.¹

Ханлыкның көньягында һәм көнчыгышында күчмә тормыш алып барган нугайлар һәм башкортлар яшәгән. Аларда исә дәүләт чиге дигән төшенчә бөтенләй булмаган диярлек. Шул шартны исәпкә алсаң, ни өчен нәкъ менә шушындагы чикләр турында тарихчылар арасында аеруча нык фикер каршылыklары булуы ачыклана. Бу — иң мөһим, концептуаль сәбәп. Ләкин, безнеңчә, бердәнбер түгел әле. Казан ханлыгының биләмәсе, нәкъ башка дәүләтләргә кебек үк, үзгәрә торган. Шуңа күрә, безнеңчә, тарихи әдәбиятта Казан ханлыгының

чикләре турындагы фикер каршылыklарының нигезендә һәрбер тарихчының бу чикләргә үз күз алдында тоткан вакытка карата билгеләве ята. Ләкин авторлар бу хронологик кысаны күрсәтмиләр. Нәтижәдә һәр очракта да бу билгеләмә урынның бөтен чорына карый кебек тоела. Без исә Казан ханлыгы чикләрен күрсәткәндә теге яки бу галимнең кайсы чорны күз алдында тотканлыгын ачыкларга тырыштык. Мөгаен, көнбатыш һәм төньяк чикләргә карата бу эш аеруча файдалы булыр, чөнки монда утрак тормыш алып барылган һәм, шартлы төстә булса да, чикләр тотрыклы сакланган.

М.Г.Худяков һәм Н.Ф.Калинин көнбатыш чикне Сура елгасы буйлап үткәргәннәр, Е.И.Чернышев исә аны Алатур елгасы тамагынан көнбатышка бора, Мукшының урта агымынан башта көньякка, аннары көнчыгышка таба Сурага алып чыга. Мукшы һәм Сура елгалары арасындагы бу жирләр Казан ханлыгына кайсы чорда кергән соң? Бер нәрсә ачык: бу шушында яшәгән мордва халкының кайсы дәүләткә ясақ түләве белән бәйле.

Мордва халкының Рус дәүләтенә кертелүенә багышланган махсус эшндә Г.Я.Меркушин болай дип яза: «Олуг Мөхәммәтнең жимергеч һөжүмнәре нәтижәсендә Казан ханлыгы карамагына көнчыгыш мордва гына түгел, ә Сура һәм Мукшыдан көнбатыштагылары да күчә»². Шунда ук тарихчы бу халыкның, ягъни шул жирләрнең Казан ханлыгына кергәнлеген исбатлап, болай ди: «Казан ханнары хакимлегенә эләккән мордва халкы, Алтын Урда чорындагы кебек, аларга зур ясақ түләргә мәжбүр ителде»³.

Димәк, Сура елгасынан көнбатыштагы жирләргә Казан ханлыгына кергән Е.И.Чернышев хақы булып чыга! Ләкин ахыргы нәтижәне чыгару өчен мордва халкының Рус дәүләте составына кертелү тарихын өйрәнүне дәвам итү зарур. Шул ук автордан менә нәрсәләр беләбез: «Рус дәүләтенә көнчыгыш чикләрен һәм монда үзенең сәясәт хакимиятен ныгыту өчен, XVI гасырның 1 яртысында рус хөкүмәте мордвалар яшәгән жирләрдә берничә шәһәр-кальгә төзи. XVI гасыр башында Мукшы елгасы буенда иске Наровчат шәһәре яңадан торгызыла. 1523 нче елда Сура елгасы тамагында яңа кальгә — Васильсурск төзелә. Сура елгасының түбәнге агымындагы

чикләрне ныгыту белән бергә, Рус дәүләте елганың суляк ярында Алатур елгасы буйлап кальгәләр төзү эшен жәелдерә. 1535 нче елда Мукшының югары агымында Мокшанск, тиздән Алатур елгасының Сурага койган урынында Алатур кальгәсе үсеп чыга. 1536 нчы елда Иске Төмән (Темников) шәһәрәннән бер аз югарырак Яңа Төмән кальгәсе төзелә. Яңа рус шәһәрләренә нигез салыну һәм анда рус гарнизоннары урнаштыру белән, бу якларда өстенлек итүче жирле татар кенәзләре бөек кенәз хакимлеген танырга мәжбүр булганнар. Шулай итеп, мордва жирләрнен күпчелеге Мәскәү кенәзлегенә кушылган».⁴

Моны 1517 һәм 1526 нчы елларда Рус дәүләтендә булып киткән алман илчесе Герберштейн мәгълүматлары да раслый: «Мукшы елгасыннан көнчыгышта һәм көньякта зур урманнар очрый, анда мордва халкы яши, алар аерым телдә сөйләшәләр һәм Мәскәү хакименә буйсыналар».⁵

Күргәнбезчә, бу жирләрне Рус дәүләтенекә дип санаган М.Г.Худяков һәм Н.Ф.Калинин да хаклы булып чыга! Табышмакның чишелеше шунда: бу жирләрдә яшәгән мордвалар билгеле бер чорда ясакны Казан ханлыгына бирсәләр, соңыннан Рус дәүләтенә түли башлаганнар. Безгә исә Казан казнасына ясак килгән аралыкны гына билгелесе кала. Ләкин бу — бик катлаулы һәм махсус эзләнүләр таләп итә торган мәсьәлә. Монда без, бу дәвер якынча 1445 нче елдан 1525 нче елга кадәр булгандыр, дигән фараз белән генә чикләнәбез.

М.Г.Худяковның һәм Е.И.Чернышевның Казан ханлыгына Нократ, Чепца, Воя елгалары арасындагы жирләрнен керү-көрмәвенә кагылышлы фикерләре капма-каршы килә.

Археология һәм язма чыганаклар күрсәткәнчә, бу жирләрне болгарларның үзләштерә башлавы XIV гасырда ук күзәтелә. Шул чорда Чепца елгасы бассейнында болгарлар яшәгән авыллар пәйда була⁶. Ләкин Чепца янында болгар авыллары салыну Нократ буенда Новгород һәм Устюг колонистлары тарафыннан рус шәһәрләре һәм авыллары (Никулицын, Хлынов, Котельнич) төзелү белән бер вакытка туры килә.⁷

Шул чордан башлап бу регионда рус кенәзләре һәм татар ханнарының мәнфәгатьләре бәрелешә башлый. XV гасырда Нократ төбәге Мәскәү һәм Казан арасындагы аяусыз сәяси

көрәш мәйданына әверелә. Төбәкнен киек жәнлек тиресенә бай булуы бу көрәшне тагын да кискенләштерә. Шуңа күрә бу сәяси генә түгел, ә икътисади мәнфәгатьләр бәрелеше дә була.

Ике дәүләтнен сәяси амбицияләре компромиссы төсендә, Нократ төбәгендә үзенчәлекле сәяси берләшмә — Нократ общинасы хасил була. Ул рус һәм татар колонистлары һәм жирле удмурт халкы конгломераты кебек оеша. Шулай булуга карамастан, һәр ике якта монда үз хакимлеген тулысынча урнаштыру уеннан кире кайтмый. Рус дәүләтендә дә, Казан ханлыгының да эчке һәм тышкы сәүдәсендә кыйммәтле жәнлек тиреләренә сорау арткан саен, бу көрәш һаман кискенләшә, һәм, ниһаять, 1467-1469 нчы елларда ике арада сугыш хәрәкәтләренә китереп житкәрә⁸.

Бу сугышта капма-каршы яклар Нократ общинасын үз мәнфәгатьләрендә файдаланырга омтылалар. Мәсәлән, 1468 нче елда нократлылар Мәскәү гаскәре сафында Казан ханлыгына каршы походка тартылганнар. Ләкин казанлыларның Нократка юнәлгәннәрен ишетеп, кире борылырга мәжбүр булганнар. Шулай да алар казанлылар һөжүмен кире кайтара алмыйлар, Нократ кирмәне (Хлынов) татарлар кулына күчә. Шушы уңышлы хәрби операция нәтижәсендә, Нократка хан вәкиле куела һәм бөтен Нократ общинасы Казан ханлыгы йогынтысына эләгә. Хокукый яктан бу нейтралитетны раслау рәвешендә генә булса да, чынлыкта, төбәк Казан ханлыгы составына кертелә.⁹

1469 нчы елда русларның Казанга яна походы оештырыла. Алдагы елда төзелгән килешү нигезендә нократлылар рус гаскәренә түгел, ә татар гаскәрләренә кушылалар. Львов елъязмасындагы мәгълүмат нәкъ менә шул вакыйгага карый: «Шул вакыт алар янына Казаннан әсир Коломнятин килде һәм Казан патшасы Ибраһим аларга каршы бөтен жире белән, Нократ һәм Сыплин, Костяк һәм Агыйдел, Вотяк һәм Башкорт жирләре белән чыга».¹⁰

«Бу чорда «Вотяк жире» Казан ханлыгына турыдан-туры буйсынган көньяк удмуртларны гына түгел, ә төньяк, нократ удмуртларын да берләштергән дип уйларга тулы хокукыбыз бар. Димәк, Нократ жирендә Казан ханлыгына вакытлыча бәйлелеге жирле халыкка да кагылган».¹¹

Күрәсен, безне кызыксындырган әлеге төньяк жирләрнен Казан ханлыгына буйсынуы 1487 нче елда Мәскәү гаскәренен Казан тәхетенә үз иярченнәре Мөхәммәтәминне утыртканчыга кадәр дәвам иткәндер. Соңыннан, көндәшенең вакытлыча көчсезләнүеннән файдаланып, 1489 нчы елда Иван III гаскәрләре Нократ общинасының башкаласын — Нократ шәһәрен (Хлынов, хәзерге Киров шәһәре) яулап ала һәм бөтен төбәкне Рус дәүләтенә тулысынча куша.¹²

Йомгаклап шуны әйтергә мөмкин, Казан ханлыгының сәяси географиясен өйрәнгән вакытта, башка дәүләтләрнеке кебек үк, аның да биләмәләре үзгәрәп торуын исәпкә алырга кирәк.

Без эшебездә шундый ике төбәкне билгели алдык. Бу — 1445-1525 нче елларда Казан ханлыгына караган Мукшы һәм Сура елгалары арасы һәм 1468-1487 нче елларда Казанга буйсынган Нократ общинасы жирләре.

Искәрмәләр:

¹ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность пермских татар в XVIII — нач. XX вв. // Историческая этнография татарского народа. — Казань, 1990. — Б.5-80.

² *Меркушин Г.Я.* Вхождение мордовского народа в состав Русского централизованного многонационального государства // Этногенез мордовского народа. — Саранск, 1965. — Б.79.

³ Шунда ук.

⁴ *Меркушин Г.Я.* Күрсәтелгән хезмәт. — Б.80.

⁵ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. — Саранск, 1940. — Т.1. — Б.183.

⁶ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. — Казань, 1972. — Б.181-187.

⁷ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. — 1990. — Б.20.

⁸ Шунда ук. — Б.38-41.

⁹ ПСРЛ. — Москва, 1962-1968. — Т.26. — Б.224.

¹⁰ ПСРЛ. — Т.20, Ч.1. — Б.281.

¹¹ 425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России. / М.В.Гришкина, М.Г.Иванова, Г.Н.Трефилов. — Ижевск, 1983. — Б.23-24.

¹² *Худяков М.Г.* Күрсәтелгән хезмәт. — Б.46-47.

Касимовское ханство: эволюция социально-политической ситуации (XV—XVI вв.)

Середина XV века является сложным временем начала ослабления одних государственных союзов и усиления других. Распавшаяся Золотая Орда еще долго будет косвенно влиять на исторические процессы, происходившие в Восточной Европе. Казанское ханство, образовавшееся около 1445 г., исходя из династических соображений, мнит себя преемником Золотой Орды. К тому же еще была сильна военная организация, оставшаяся в наследство от Орды и укрепившаяся в Казани. Но уже к середине 60-х гг. XV века усиливается другое государственное образование — Московское государство, вставшее во время правления Ивана III на путь централизации; оно демонстрирует свою растущую мощь на политической сцене. Казанское ханство в начале своего существования, несомненно, превосходило военным потенциалом своего более слабого в то время соседа, заставив его даже платить себе дань, как прежде платила Русь Золотой Орде. Однако продуманная и взвешенная политика Ивана III в 1462 г., вскоре после его восшествия на престол, приводит к тому, что в это время никакой речи о поборках с Русским государством уже быть не могло.

В такой сложной исторической обстановке в середине XV в. происходит рождение нового государства — Касимовского царства, просуществовавшего на политической карте без малого около 250 лет. Наиболее политически насыщенным периодом в его истории являются XV-XVI вв., когда Российское государство, на территории которого и располагалось это ханство, переживает феодальную раздробленность, «собирает земель» в одно целое, борьбу с удельной системой, завершившуюся к середине — концу XVI века созданием Русского единого государства. Во внешнеполитическом отношении — это время соперничества России с Казанским ханством, создания наиболее выгодных условий взаимодействия с Крымом, дипломатического лавирования в отношениях с Турцией. Как менялось положение

Касимовского ханства в связи с этими процессами, а также его роль и значение в политической жизни того времени? Как развивались взаимоотношения Касимовского ханства и России? Вот тот круг вопросов, которые мы попытаемся выяснить.

7 июля 1445 г., после поражения от сыновей Улу-Мухаммеда у Суздаля, московский великий князь Василий II был взят в плен¹. Приняв условия освобождения, он согласился дать за себя огромный выкуп². Поэтому ордынские знатные лица на тех или иных правах получили в собственность русские города. Одним из таких городов был так называемый Городец Мещерский (будущий Касимов), и достался он одному из сыновей Улу-Мухаммеда — царевичу Касиму. Таким образом, первоначальное выделение Касиму в удел Городка (и, соответственно, образование Касимовского ханства) не являлось добровольной мерой московского правительства. Ни о каких далеко идущих целях оно в 1445 году не помышляло. В замыслах Василия II не было стратегических планов по завоеванию Казанского ханства, а лишь желание откупиться от Улу-Мухаммеда. В пользу данной версии говорят данные договорных грамот³. В них касимовские царевичи предстают явно имеющими силу; московский великий князь в отношении них высказывает опасения, запрещая другим князьям «ссылаться» с ними. Касимовское царство, подобно Казанскому, Астраханскому, Сибирскому ханствам и Ногайской Орде, также представляет осколок Золотой Орды. В грамотах говорится о выплате дани в Касимов; разумеется, ее не платили равноправному партнеру.

Итак, с 1445 г., в начале своего пребывания в Русском государстве, Касим не мог быть пешкой в руках московского великого князя и получил Городец Мещерский по невыгодным для Русского государства условиям мирного договора 1445 г., заключенного между Улу-Мухаммедом и Василием II. Однако в дальнейшем, по мере усиления Русского государства и укрепления его международного положения, статус Касима и следовавших за ним правителей Касимовского царства изменился.

Изменение состояло в том, что с укреплением позиции зависимость Москвы от Казанского ханства прекратилась. Теперь не могло быть и речи о какой-либо зависимости от

касимовских царей и царевичей, как кормленщиков, помещенных в Русь по условиям указанного договора.

Вместе с тем необходимость использования касимовских царевичей в новом качестве вассалов великого князя московского заметно возросла с образованием в Среднем Поволжье Казанского ханства, представлявшего значительную стратегическую угрозу для южных и восточных земель Русского государства. Поэтому Московское государство стремилось всеми средствами нейтрализовать его влияние и силу. Одним из таких средств было выдвижение на казанский престол своего ставленника. Первой и неудачной попыткой такого, инициированного Москвой, выдвижения было желание посадить на освободившийся в 1467 г. казанский престол касимовского царевича Касима.⁴ Однако последующие касимовские правители, выдвинутые и поддержанные московским правительством — братья Шах-Али и Джан-Али — уже неоднократно сидели в Казани. Джан-Али правил в Казани в 1532-1536 гг.⁵; Шах-Али трижды (в 1519-1521 гг., 1546 г., 1551 г.)⁶ сидел в Казани «государевым жалованием», как указывают русские летописи. Оба брата являлись послушными проводниками промосковской политики в Казани, марионетками Москвы. Однако нельзя сказать, что такое их использование было вполне успешным — Джан-Али был убит в Казани, а Шах-Али трижды оттуда изгонялся.

Касимовские татары во главе со своими правителями использовали и в военных акциях. Так, сын Касима — Даньяр, вступивший во владение Касимовым в 1469 г., принимал участие в походе Ивана III на Новгород (1471 г.)⁷, выступал против хана Большой Орды Ахмеда (1472 г.)⁸, участвовал в окончательном падении Новгородской республики (1478 г.)⁹. Представители крымской династии — Нур-Даулет и его сыновья — Сатылган и Джанай — также не остались без дела, находясь в Московском государстве. Нур-Даулет принимал активное участие в изгнании Ахмед-хана с российской территории в 1480 г., в период «стояния на Угре»¹⁰. Сатылган в 1505 г. был послан с воеводой, князем В.Холмским, против казанского хана Мухаммед-Эмина¹¹; Джанай, его родной брат,

участвовал в походе против Казани в 1506 году¹², в умирении жителей города Торопца¹³. До этого он уже участвовал в военных действиях со своим братом Сатылганом.

Широкий поток эмигрантов из различных татарских ханств, который Москва принимала и зачастую поселяла именно в Касимовском царстве, не позволил (причем это была целенаправленная политика России) сформироваться династии касимовских царей и царевичей, как таковой. Для Русского государства это имело свои преимущества, так как ему предоставлялась возможность предъявлять свои претензии не только на казанский престол, но и, например, на крымский, ловко используя проживание в России того же Нур-Даулета, являвшегося старшим братом крымского хана Менгли-Гирея. Крымский правитель неоднократно просил Ивана III вернуть брата, опасаясь, чтобы он над ним «царства не хотел»¹⁴. Иван III, прекрасно осознавая все преимущества присутствия у себя на службе претендента на крымский престол (его совершенно не обязательно было реально пытаться посадить на него, сам факт такой постоянной угрозы заставлял Менгли-Гирея корректировать свои действия с линией московского государя), не отпускал Нур-Даулета из России в течение всей его жизни.

Вторая половина XVI века внесла новый — дипломатический акцент в существование Касимовского ханства. В 1552 г. была завоевана Казань, в 1556 г. — Астраханское ханство, Ногайская Орда попала в вассальную зависимость от России. Мусульманский мир терпит большие потери в сфере своего влияния. Этим чрезвычайно озабочены Турция и ее вассал — Крымское ханство. Эти государства неоднократно заявляли России о своей несогласии с ее политикой прямого присоединения исламских территорий. В такой непростой международной ситуации хорошим козырем во внешней политике Москвы становится Касимовское царство. Функции, характерные для первого этапа его существования (как «буферного государства» для защиты восточных границ Руси от набегов кочевников и «династического противовеса» — в первую очередь Казани, а также Крыму), в связи с решением этих

проблем теперь становятся ненужными правительству России. Москва использует Касимовское царство в сложной дипломатической игре с Крымом и особенно с Турцией. «Вакуум» всех покоренных Россией мусульманских государств, заполненный Касимовским царством, оказывается очень полезным Российскому государству. Теперь на все обвинения Турции о притеснении мусульман, разрушении их устоев, обычаев и веры, Москва может смело указывать (и делает это) на существование в пределах православной России мусульманского государства, жители которого свободно придерживаются своей веры и традиций. Так, в 1570 г. московский посол Новосильцев в Константинополе перед вельможами турецкого султана Селима привел в пример наличие в России Касимовского царства, как явного показателя ее веротерпимости¹⁵.

В 1584 г. московский посол Б.П.Благов также объявил в Константинополе султану Амурату, что в Касимове «мечети владеет ... магометанин Мустафалей»¹⁶.

Подводя итоги, можно отметить, что в период XV-XVI вв. Касимовское ханство в своем историческом развитии прошло путь от удела, созданного в Русском государстве по инициативе первого казанского хана Улу-Мухаммеда, напоминая россиянам о позоре суздальского поражения 1445 г., — до государства, являвшегося «династическим противовесом» Казани, своеобразным «питомником ханов» для казанского престола. Во второй половине XVI в. оно являлось дипломатическим козырем во внешней политике России в отношении исламских стран. Тем не менее, в течение всего указанного периода Касимовское ханство оставалось островком государственности татарского народа (хотя и имевшим своеобразный — вассальный характер); исламским государством в пределах православной России.

Примечания:

¹ Полное Собрание Русских Летописей (далее — ПСРЛ). — СПб., 1863. — Т.15. — Стб.492; М., 1965. — Т.30. — С.134; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). — М.-Л., 1950. — С.426.

² ПСРЛ. — М.-Л., 1959. — Т.26. — С.199; НПЛ. — М.-Л., 1950. — С.426.

- ³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. — М.-Л., 1950. — №76. — С.284-285; №74. — С.275; №90. — С.367; №89. — С.362; №101. — С.417, 419.
- ⁴ ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т.12. — С.118.
- ⁵ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.96-100.
- ⁶ Там же. — С.76-82; С.105-112; С.137-142.
- ⁷ ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т.6. — С.6, 192.
- ⁸ ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т.4. — С.151.
- ⁹ Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С.18-19.
- ¹⁰ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т.14. — С.15.
- ¹¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С.33.
- ¹² Разрядная книга 1475-1598 гг. — М., 1966. — С.37.
- ¹³ Там же. — С.41.
- ¹⁴ Сборник Русского Исторического Общества. — СПб., 1884. — Т.41. — №21. — С.75.
- ¹⁵ Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки. — М.-Л., 1954. — С.77.
- ¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М., 1989. — Т.7-8. — С.262.

Секция II.

Идея и формы реализации государственности татарского народа во второй половине XVI-XX вв.

И. К. Загидуллин
(Институт истории АНТ)

Периодизация татарской истории и государственность: постановка проблемы

Одной из назревших проблем современной исторической науки следует признать отсутствие общепризнанной периодизации истории татарского народа. Изучение татарской истории в концептуальном плане не как самостоятельного научного направления, а, скорее, как придатка российской истории, привело к тому, что советская татарская историческая наука успешно обходилась без этого важного критерия динамики общественно-культурного развития народа. Примечательно, что татарские историки конца XIX — начала XX вв., или те, кто эмигрировал за границу, хотя специально не исследовали данный вопрос, но в то же время и не игнорировали его.

Не вызывает сомнения, что история каждого народа имеет право на самостоятельное исследование с выявлением общих закономерностей и специфических особенностей. Периодизация позволяет в целом выстроить довольно целостную схему национальной истории, увидеть и оценить ее место в локальных и мировых процессах.

Для каждого этнического образования или государства эти периоды развития в целом могут быть общими, но в то же время строго индивидуальными. Это вытекает из целого комплекса

причин и факторов. Рассмотрим лишь некоторые моменты, требующие пояснения при выявлении этапов тюрко-татарской истории.

Начиная со средних веков, периодизация истории народов, населяющих Западную Европу и Россию, легко накладывается на этапы развития их государственных образований. Это обусловлено огромным значением государства, как формы организации общественных отношений в регулировании общественно-политических, социально-экономических и культурных процессов.

Российская историография, зародившаяся в имперском государстве, отождествляла государство с его титульной нацией. Однако данный методологический подход не всегда позволяет полноценно учитывать уровень и динамику социо-культурного развития так называемых «инородцев». Анализ данной проблемы позволяет поставить ряд вопросов, без решения которых практически невозможно объективно исследовать историю полиэтничного населения России. Указанная проблематика связана, по крайней мере, с тремя обстоятельствами: с уровнем развития коренного населения конкретных регионов до присоединения их к России, с особенностями развития страны и ее титульного народа в последующее время, а также с национальной политикой новых властей.

Советская историография в целом изучала общество, основываясь на общественно-экономических формациях: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и коммунизм (первая ступень — социализм, высшая — коммунизм). Однако данная схема не подходит для периодизации истории татарского народа хотя бы по двум следующим причинам.

Социалистическая система перестала существовать. Видимо, историкам нужно определенное время для переосмысления исторических этапов развития человеческого общества в XX в., когда произошли две мировые войны, распалась мировая система колониализма, свершилась научно-техническая революция, начался и неудачно завершился эксперимент по строительству коммунистического общества. Западноевропейская историография, например, склонна считать началом новейшего времени Первую мировую войну, а российская историческая наука пока придерживается прежних взглядов, обозначая его 1917 годом.

Известно, что деление истории на «древний», «средневековый» периоды и «Новое время» было предложено западными историками, имевшими в виду опыт развития народов, населяющих европейский континент. Этому способствовало важное значение западной культуры в социально-экономических и общественно-политических процессах Нового времени. В этих условиях кочевая цивилизация оказалась вне поля зрения историков. «Понятие средние века возникло и разрабатывалось исторической наукой на материале европейской истории; в отношении других народов этот термин применялся лишь тогда, когда их история переплеталась в средние века с историей европейских народов, если эти народы соприкасались с народами Европы»¹. При этом соотношение кочевой и оседлой культур освещалось тенденциозно, иными словами, «игнорировалось качество кочевой среды как самостоятельного исторического мира»².

Очевидно, что в указанную выше схему трудно втиснуть историю кочевого мира — древнетюркских народов и их государственных образований.

Прежде чем перейти к рассмотрению периодизации татарской национальной истории, целесообразно более подробно остановиться на последнем аспекте обозначенной проблемы. Для народов, этнические корни которых уходят в кочевой мир, этот вопрос, имеющий принципиальное значение, носит концептуальный и методологический характер. К сожалению, приходится констатировать неразработанность общих критериев выделения этапов эволюции кочевой цивилизации. Нелегко определить ее место и роль в развитии человеческого общества. Не вызывает сомнения, что общественные отношения древних тюрков выгодно отличаются от уровня развития первобытно-общинного строя других оседлых народов. Для первых характерна государственная организация, которая возникает только на определенном этапе развития общественных отношений, хотя в классическом, европейском аспекте института государства их общественно-политическая организация выглядит неполноценной. Как правило, исследователи пишут о начальном этапе феодализма у кочевников, отмечают преобладание среди них родоплеменных отношений.

Сложившаяся система эволюционных этапов предусматривает два возможных варианта «прихода» в феодализм: через рабовладельческое общество и «напрямую» — через разложившиеся первобытно-общинные отношения. При этом нередко предполагается, что уровень развития материальной и духовной культуры кочевников по всем параметрам ниже, чем в рабовладельческом обществе.

В мировой практике сложилась оценка феодального общества критериями оседлого образа жизни, основанного на земледельческом производстве. Это — рутинное состояние орудий труда, экономическая и неэкономическая зависимость крестьян от феодалов, и наличие двух основных классов: земледельцев и землевладельцев.

Насколько реально использование этой схемы для изучения кочевой цивилизации? Каковы особенности раннефеодальных отношений у кочевых народов? Эти вопросы ждут своих исследователей, способных аргументированно доказать мировой исторической науке свои выводы. Только специальное изучение влияния геополитических и природных условий на раннем этапе развития человеческого общества и выработка общих критериев периодизации позволят определить истинное место кочевой цивилизации в развитии мировых процессов. Тогда, кажется, будет возможно провести определенные параллели между этапами развития народов, представляющих кочевую и оседлую культуры. Иначе, отношение европейской исторической науки к кочевым народам, как к «варварам», останется без изменения.

Актуален также вопрос о том, какие хронологические рамки охватывает первобытно-общинный строй в общественном развитии кочевников? Каковы его особенности в степных условиях?

Историю татарского народа целесообразно рассматривать в общей периодизации, которая делится на древнейший и древний, средневековый периоды и новое время.

На наш взгляд, первобытно-общинный строй соответствует древнейшему периоду, а время древнетюркских народов и их государственных образований — древнему периоду. Сложные демографические, этно-политические процессы в древний период охватили всю Евразию. Дальнейшее изучение этногенеза тюрко-татар и древнетюркских государственных образований позво-

лит со временем выявить рубеж между древнейшим и древним периодами, между древним периодом и ранним средневековьем.

«Государственность Волжской Болгарии — наследие соответствующих атрибутов I и II Тюркских каганатов и Хазарии» (См. статью Е.П.Казакова в настоящем сборнике — *И.З.*). Очевидно, что болгары являлись правопреемниками материальной и духовной культуры и традиций общественных отношений этих государств. Исторической наукой Хазария официально признана первым раннефеодальным государством в Восточной Европе. Волжская Булгария (Болгария) была образована племенами, переселенными в Среднее Поволжье из центральных районов каганата. До распада Хазарии Волжская Булгария оставалась ее вассалом. Хазария, в свою очередь, как Великая Болгария, отделилась от Восточного Тюркского каганата. В этой связи правомерно поставить вопрос: насколько были развиты раннефеодальные отношения в тюркских каганатах и в какой степени они отразились в общественных отношениях их полиэтничного населения? Этот же вопрос уместно повторить относительно Хуннского и Гуннского каганатов.

Думается, что комплексное изучение этих сложных проблем позволит опустить планку начала раннефеодальных отношений предков татар на несколько столетий. Важно подчеркнуть, что в определении данного рубежа многое будет зависеть от степени изученности этногенеза татарского народа.

С учетом вышеизложенного мы склонны условно ограничить раннесредневековый период в истории татарского народа IX–XI столетиями. Нетрудно увидеть, что главным критерием начала данного этапа мы считаем появление на политической карте мира Волжской Болгарии. Этот период характеризуется генезисом феодальных отношений, развитием земледельческого производства, формированием болгарской народности, официальным принятием государством ислама и постепенным утверждением его законов в государственной идеологии, бытовой жизни и мировоззрении части подданных, включением Волжской Болгарии в международный мусульманский мир. Здесь следует особо подчеркнуть роль ислама в интеллектуальном скачке предков татар и принятии через культуру исламских стран достижений мировой культуры.

По нашему мнению, зрелый средневековый период охватывает XII-XVII вв. и состоит из двух этапов: «золотого периода», когда татары имели свою государственность (XII — вторая половина XVI вв.) и периода их существования в составе России. Первый этап зрелого средневекового периода стал важной вехой в формировании татарского народа.

В России положение татар в целом было подчинено темпам развития нового государства. Это очень точно подметил Дж. Валиди. Он писал о второй половине XVI-XVII вв. буквально следующее: «Татары не имели никаких национальных организаций и учреждений и духовно очень обеднели; о сближении их с западной культурой и речи не могло быть, тогда еще и русское население было далеко от приобщения к культурной Европе»³.

В результате карательных действий властей произошло резкое сокращение численности татар, серьезная деформация общественных отношений и социальных групп. Перешедшие на сторону московского правительства татарские феодалы представляли из себя больше военное сословие, нежели крупных или средних помещиков и специально расселялись среди русского населения. Это способствовало ослаблению корпоративных отношений между ними и разрыву постоянных связей с регионами компактного расселения татар. Именно в этот период татары, бывшие подданные Казанского ханства, не уступавшего в социально-экономическом отношении Московскому государству, были лишены естественного хода общественно-политического и культурно-экономического развития. Было ликвидировано профессиональное искусство и фактически наблюдался регресс во всех областях национальной культуры. Скоро явственно обозначилось выгодное отличие состояния титульного народа страны от татарского.

Большое значение в продолжительности зрелого средневекового периода сыграло превращение территории их расселения в провинцию Российского государства, в отношении которого исконно русские земли выступали в качестве метрополии.

Средневековые общественные отношения в России сыграли большую роль в осуществлении жестокого внутривластного курса правительства в отношении татар-мусульман. Русская

военно-феодалная колонизация Поволжья объективно негативно воспринималась местным полиэтничным населением, что нашло отражение в многочисленных выступлениях протеста. Борьба за равные права с русскими превратилась в один из главных лозунгов национально-освободительного движения татарского народа.

Поздний средневековый период охватывает XVIII в. Это также время серьезных испытаний. Татарский народ продолжил борьбу за выживание, сохранение своей идентичности. В первой четверти XVIII в. произошла юридическая ликвидация элиты в лице татарских служилых людей и мурз. Вследствие политики насильственной христианизации наблюдались серьезные демографические потрясения.

В экономическом отношении реформы Петра I впервые создали определенные условия для проявления предпринимательской деятельности «иностранцев». С развитием крепостнического мануфактурного производства в России татары создали свои предприятия, основанные на вольнонаемном труде. Правительству потребовалось внедриться в среднеазиатский рынок — с 1740-х гг. татарские торговцы получили возможность накопления здесь первоначального капитала. Постепенно налаживаются постоянные торговые и культурные связи с мусульманскими странами. Начался генезис капитализма в татарском обществе, торговцы включились во всероссийский рынок, проявилась тенденция формирования татарской нации.

В 1770-е гг. ислам был признан одной из «терпимых» религий в России, возникли условия для эволюции культуры. «Просвещенная монархия» Екатерины II оправдала себя, если вспомнить о предоставлении правительством бывшим мурзам и служилым татарам возможности реабилитации в дворянское сословие (в случае доказательства своего благородного происхождения (1784 г.)). Именно в последней четверти XVIII в. появились условия для формирования у татар-мусульман верноподданнических отношений к русскому монарху.

«Новое время» в истории татарского народа также подразделяется на несколько этапов. Мы солидарны с татарским историком Батталом Таймасом, определившим начало нового времени национальной истории как рубеж XVIII-XIX вв.⁴ На

наш взгляд, первый этап «Нового времени» для татар завершается 1905 годом. Именно в это время были заложены основы «интеллектуального взрыва» татарской культуры.

Как известно, в России во второй половине XVI-XVIII вв. татарское общество было превращено в «крестьянское население». Поэтому в XIX в. оно выделялось однородностью сословного состава. Это обстоятельство способствовало отсутствию среди татар классовых противоречий в классическом варианте и сыграло важную роль в консолидации разных социальных групп.

Петр I, используя всю мощь имперской государственной машины, за короткий срок сумел принудительно заложить в русское дворянство западноевропейскую основу и направить развитие страны по новому курсу. Дело Петра Великого продолжили его преемники. Таким образом, государство, несмотря на классовые противоречия, выступило в роли создателя, инициатора и катализатора этих процессов. Чтобы воспринять западноевропейские традиции, татарам необходимо было сначала возродить свою элиту, сильно деформированную или практически уничтоженную российскими властями, и, не имея государственных рычагов регулирования, основываясь прежде всего на личную и общественную инициативу, начать реформы в мусульманском обществе. Эта особенность наглядно демонстрирует большие потенциальные возможности татар по «самореализации» и в то же время — одну из главных причин существенного замедления, торможения этих процессов и отставания от русского общества. В качестве главных тормозов следует указать на отсутствие заботы о татарской культуре и ее государственного финансирования, запрет правительства на развитие светского национального общего и профессионального образования.

Финансирование национальной культуры было непосредственно связано с численностью и состоятельностью представителей привилегированных сословий. Незначительная численность дворянской прослойки, которая за несколько столетий значительно отделилась от простого народа, способствовала заполнению этого вакуума купцами и промышленниками — в большинстве своем выходцами из сельской местности, своим трудом и смекалкой добившихся

высокого социального положения и накопившими значительный капитал, а также мусульманскими духовными лицами.

Необходимо также подчеркнуть, что в XIX в. произошла либерализация российского законодательства в отношении казенного сельского податного сословия, главного источника формирования мещанского и купеческого сословий. Если в XVIII в. ясачные или казенные крестьяне по своим правам представляли практически один из разрядов крепостных крестьян, то после образования Министерства государственных имуществ наблюдается расширение их гражданских прав. В частности, с 1812 г. они получили право беспошлинно торговать в городах сельскохозяйственной продукцией, в 1817 г. было подтверждено их право продавать или закладывать приобретенные земельные участки. Знаковым для государственной деревни стал 1824 год, когда были созданы льготные условия для записи крестьян в мещанские и купеческие сословия. В 1827 г. была ликвидирована разница между крестьянскими и купеческими торговыми свидетельствами. Не случайно в основе реорганизации управления крестьянами после отмены крепостного права в 1861 г. в качестве образца была использована система управления государственной деревней.

В это время продолжается процесс накопления национального капитала, укрепляются социально-экономические и культурные связи с различными регионами расселения татар, а также с известными зарубежными исламскими центрами — Самаркандом, Бухарой и т.д. В татарскую деревню начинают проникать капиталистические отношения, наблюдается заметный процесс переселения татар в городскую местность и промышленные центры. Выходит на арену мусульманское реформаторство, просветительство и джадидизм. В начале XIX в. правительством создаются условия для массового татарского книгопечатания. Борьба против русификаторской политики правительства, в которой доминирующую роль играют казанские татары, способствует духовному единению и сплочению всех социальных и этнографических групп татар. Завершается формирование татарской нации. Таким образом, для развития своей нации элитная часть татарского населения прежде всего эффективней пользуется результатами либеральных реформ и капиталистическим развитием России.

Отмена крепостного права — по сути революционный законодательный акт царского правительства — непосредственно не коснулся татар. Либеральные реформы 1860-1870 гг. также предназначались для титульного народа империи. Поскольку абсолютное большинство татар было приписано к податному сословию, расселялось в сельской местности и не знало русскую грамоту, мусульмане не могли полноценно воспользоваться результатами этих преобразований. Уместно будет сказать и о том, что нововведения властей изначально во многом были половинчатыми. Вскоре они сменились контрреформами.

На втором этапе «Нового времени», охватывающем, по нашему мнению, период с 1905 г. до конца 1920-х гг. наблюдается возрождение национальной культуры, что стало возможным благодаря соответствующей меценатской поддержке татарской элиты и демократизации российского общества. Получает широкое развитие татарская периодика, происходит интенсивная европеизация содержания образования, интеллигенция осваивает новые виды искусств. Татары пробуют свои силы в политическом движении, организуют собственные партии или участвуют в работе российских партий. Смена политического строя в России позволила татарам поставить на повестку дня вопрос о создании собственного государства. Однако усилия большевиков и просчеты руководителей национального движения сорвали его реализацию.

Советское правительство первоначально продолжало финансировать национальную культуру не ниже дореволюционного уровня, а может и выше, потому что теперь средства шли из государственной казны. В силу отсутствия среди татар крупных землевладельцев и промышленников, национализация большевиками недвижимости не смогла подтолкнуть их к Гражданской войне. На основании «Декрета о земле» крестьяне получили прирезку к наделам. Известно, что татарский капитал традиционно выделялся своим торговым характером. В условиях НЭПа национальное предпринимательство получило дальнейшее развитие.

После Гражданской войны в местностях компактного проживания татар функционировали национально-культурные автономии, на волостном и сельском уровнях татарский язык

использовался как официальный, а в ТАССР он становится одним из государственных языков.

Третий этап «Нового времени» национальной истории охватывает период с конца 1920-х гг. до конца 1980 гг. В этот период произошла интернационализация общественно-культурной жизни полиэтничного населения страны. Главными явлениями этого времени можно назвать постепенное свертывание национальной культуры, подчинение жизни и быта татар-мусульман светским советским законам, двукратная замена алфавита: с арабской графики на латиницу, затем на кириллицу. Отсутствие частной собственности лишило татар возможности финансирования национальной культуры. Насильственная коллективизация в начале 30-х гг. привела к созданию колхозов, которые во многом ассоциировались с самой жестокой формой крепостного права в России — «месячиной» — когда помещик выдавал крестьянину только приусадебный участок, а в остальное время труженик обязан был трудиться на полях своего хозяина⁵. «Хозяином» в отношении колхозного крестьянства стало советское государство. Так продолжалось до второй половины 1950-х гг., когда колхозникам было разрешено выдавать паспорта и покидать деревню.

Создание Татарской АССР положительно проявилось в том, что когда начался процесс свертывания государственного финансирования татарской культуры в других союзных и автономных республиках и областях, на ее территории это явление не получило столь широкого распространения. Повсеместно происходило интенсивное обрусение татар, чему во многом способствовали имперская школьная политика правительства, запрет вероисповедания и межнациональные браки. Республика превратилась в единственный культурный центр татарского народа, творческая интеллигенция которого «подпитывалась» талантливой молодежью из регионов расселения татар. В разрушении корпоративного национального духа в городах свою роль сыграло рассеянное расселение татар в разных районах. В то же время статус автономной республики отвел татарам роль второсортного народа среди «равных» нерусских народов советской России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этот период существенно ослабли связи татар разных регионов. Татарская АССР не могла выполнить функцию консолидации нации. Руководство республики никогда и не ставило перед собой такой задачи. Вторая мировая война и репрессии привели к ликвидации значительной части национальной элиты и в целом татарского населения, ставшего заложником советской имперской тоталитарной системы. В этот период вырос новый привилегированный класс — партийные и государственные чиновники, руководители предприятий. Система воспитания и отбора кадров, законы советской страны сделали приоритетными космополитические принципы.

С конца 1980-х гг. начинается следующий — четвертый этап периода «Нового времени» истории татарского народа, который характеризуется генезисом рыночных отношений в экономике, активизацией национального движения (в нем участвовали практически все социальные группы татар), возрождением культуры и формированием договорных отношений Татарстана с федеративным центром, что позволило, главным образом, вернуть часть утраченного правового статуса Татарской АССР и несколько расширить свои права. Впервые население республики получило возможность выбора своего президента. Созданы условия для превращения Татарстана в консолидирующую силу татар, расселенных по всей Российской Федерации. Однако распад СССР привел к резкому ослаблению общественно-культурных связей между компактными группами татар, проживающих в бывших союзных республиках.

Превращение четвертого этапа «Нового времени» национальной истории в «Новейшее время» для татарской нации зависит от многих обстоятельств, прежде всего от стремления татар к сохранению и развитию традиций и возрождению своей культуры, государственности (при наличии возможностей для этого), от статуса Татарстана и позиции его руководства, от социально-экономического развития и общественно-политического устройства России в целом.

Примечания:

¹ Советская историческая энциклопедия. — Т.13. — М., 1971. — С.764-765.

² Савицкий П. О задачах кочевниковедения: (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) // Татарская археология. — 1998. — №2(3). — С.177.

³ Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар: До революции 1917 г. — М.-Пт., 1923. — С.10.

⁴ Баттал Габделбари. Казан төркиләре. — Казан, 1998. — С.95.

⁵ Пайнс Р. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1983. — С.34.

*С. Х. Алишев
(Тарих институты)*

Татарларда дәүләтчелек омтылышы

Казан ханлыгы жимерелсә дә дәүләтчелек идеяләре яшәүләрен дәвам итте. Бу русларның Идел буе татарлары өстеннән күп гасырлар дәвамында хакимлек итүе вакытында ачык күренә.

Билгеле булганча, 1552-1557 елларда социаль һәм милли изүне тормышка ашыручы рус феодалларына, яна хакимнәргә каршы халык сугышы алып барды. Рус полклары үзләрен тәртипләрен урнаштыру өчен жирле халыкка каршы сугышты. Авыл халкы хәрби отрядлар төзде, үзләренә житәкчеләрен сайлады һәм үз жирләре, үз миләкләре өчен гөмерләрен кызганмыйча көрәште. Алай гына да түгел, татарлар дәүләтләрен торгызырга тырышалар. Мисалга йөзбашы Мамич-Бердының нугайлардан Али Әкрамны Казан өязенә хан итеп чакыртуын китерергә мөмкин. Нугайларда үзләрен Чыңгызлар нәселеннән дип санаучы «варислар» күп була. 1555 елда Казан төбәгенә Али Әкрам килә. Ләкин югалткан дәүләтне торгызырлык көч калмаган: татар гаскәре Казан өчен кырык көн барган сугышларда тулысынча тар-мар ителгән, ә начар коралланган һәм бердәм эш итә алмаган авыл кешеләре дәүләтне торгызу бурычын үти алмый. Шулай да дәүләтчелек идеяләре аерым кешеләр аңында, халык массалары психологиясендә яшәвен дәвам итә. Бу турыда соңга таба булып узган вакыйгалар ачык сөйли.

XVI гасырның икенче яртысында — 1574-1576, 1582-1584, 1592 елларда татар, мари һәм башка халыклар хакимияткә каршы чыгалар. Баш күтәрүчеләр хөкүмәт гаскәрләре белән

«үзләренең яндырылган йорт-жирләре көле өстендә көнө-төнә»¹ сугышалар. Бу бәрелешләрдә катнашкан кайсы татар үзенең дәүләтчелеге өчен янмады икән?

XVI гасырның икенче яртысында кабер ташы язуларында Болгар патшалыгы белән Казан ханлыгы традицияләре дәвам итә — «шул ук тел, шундый ук почерк һәм шундый ук диярлек типологик элементлар»². Тагын бер мисал. Татар халкында матур гадәт — шәжәрә төзү булган. Хәзер ул кабат яңара. Гаилә яки коллектив шәжәрә төзүчеләр күп очракларда борынгы нәсел тамырларын 12-15 нче буынга кадәр житкереп, үзләренең морзалар, шәйх, эмир, солтан һәм хәтта хан нәселеннән икәнлекләрен расладылар. Бу шулай ук мәдәни традицияләр, шул исәптән дәүләтчелек культурасы традицияләре саклану турында сөйли. Соңгысы бигрәк тә халык хәрәкәте һәм восстаниеләре елларында ачык күренә.

XVII гасыр башында булган беренче зур крестьяннар сугышыннан соң хөкүмәт вакытлыча үзенең социаль һәм милли изү сәясәтен берникадәр йомшартты. Әмма ул тагын көчәйгәч, төбәк халыклары үзләренең жир биләмәләрен югалта башлагач, яңадан хәрәкәткә килә. Мәсәлән, яңа хәрби ныгытма — Минзәләгә нигез салыну халыкны чыгырыннан чыгара, һәм ул коралга ябыша. Баш күтәрүчеләр хәрби частыларны үз төбәкләреннән куарга, Минзәлә ныгытмасын юкка чыгарырга тырышалар һ.б. Аларның һөжүме бастырыла, ә житәкчеләре хөкем ителә. 1662-1664 елларда Башкортстан территориясендә зур восстание кабына. Анда татарлар актив катнаша. Эш шунда, 1552-1557 елларда Казан ханлыгы яулап алынганнан һәм XVI гасырның икенче яртысында баш күтәрүчеләр бастырылганнан соң татарлар зур төркемнәр белән ераккарак — башкорт жирләренә һәм Уралга качалар. XVII гасырда мондый күчәләр көчәя һәм татарлар башкортлар белән бергә халык хәрәкәтләрендә һәм аларны оештыруда катнашалар. Ерак өязләрдә яңа хакимиятнең көче үзәктәгегә караганда йомшаграк була. Н.В.Устюгов, Башкортстандагы 1662-1664 елгы баш күтәрүчеләргә тикшереп, «башкортлар Мәскәүгә буйсынудан баш тарталар һәм алар калмык тайшалары һәм Себернең Кучум варислары йөзәндә яңа фикер-

дәшләр таптылар», дип язды. Билгеле булганча, XVI гасырларда Урал арты башкортларының бер өлеше Себер ханлыгы, икенче өлеше Нугай морзалары (бу вакытта аларны калмыклар алыштыра) буйсынуында була. Алар XVII гасырда да үзләренең мөстәкыйль дәүләтләрен булдыруны максат итеп куймыйча, традиция буенча шушы юл белән баруларын дәвам итәләр.

1704-1711 елларда Башкортстан һәм Татарстан төбәгендә тагын бер зур восстание була. Баш күтәрүдә катнашкан, хөкүмәт гаскәрләре тарафыннан эсир ителгән татар Бүләк Акбулатов 1708 елның февралендә сорау алган вакытта сөйләгәннәрне писарь болай дип язып калдырган: «... начали мыслить к воровству тому четвертый год, чтобы им всем под рукой и под волею великого государя не быть... И положили Солтан Хозя з башкирцы, чтобы им вора́м башкирца́м и Казанского уезда татарам русских людей всех прирубить, и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить и иттить под Казань всеми людьми. И взяв де Казань, тому вору Солтан Хозе быть в Казани ханом»³. Андый шәхеснең (Солтан Хужа) булуы турында ул чордагы кешеләр дә, тарихи чыганаclar да раслыйлар. Бу инде дәүләтне — нәкъ менә Казан ханлыгын яңадан торгызуга омтылышы була. Дәүләтчелек идеяләрен тормышка ашырырга теләгән милли азатлык хәрәкәте Петр I гаскәрләре тарафыннан бастырыла. Әмма бу идея шул чор кешеләре аңында яшәвен дәвам итә. Моңа «1748 елдагы татар хәрәкәте» мисал булып тора. Шушы елда Казан губернасы татарлары үзләренең яшерен җыеннарында власть башында утыручыларга каршы күтәрелергә дигән карарга киләләр. Ләкин яшерен сөйләшүләре ачыла. Шикаять хатында мондый юллар бар: «...а ныне хотят воевать с головы, зачать с Казани, всех до малого ребенка перерубить и, разделя добычу, по ногам и по рукам итти, т.е. по уездам всех рубить»⁴. 1735-1740 еллардагы восстание вакытында да шундый ук вакыйга күтәрелә. 1738 елда восстание житәкчесе Уразай, казахлар янына барып, аннан баш күтәрүче халыкның солтаны итеп казах солтаны Шигаьны алып килә. Ә 1740 елда баш күтәрүчеләр үзләренең житәкчесе Карасакалны хан дип атыйлар.

Татар халкы хәтерэндәге дәүләтчелек фикере һәм аны тормышка ашыру омтылышы бигрәк тә XVIII гасырда ачык чагылыш тапты. Батырша (Абдулла Галиев — Мязгильдин), 1755 елда халыкны баш күтәргә чакырып: «Үзөбез белән идарә итү өчен белемле, лаеклы ир-егетләребезне сайлыйбыз һәм намус кушканча идарә итәчәкбез», — дип яза. Ул, дәүләт дәрәжәсендә фикерли торган шәхес буларак, эгәр дә без Оренбург линиясе ныгытмасын төзүгә юл куябыз икән, ул чагында руслар һөжүм итәчәк һәм тугандаш Урта Азия мөселманнарын буйсындырачаклар, дип кисәтә. Батыршаның алдан күрүчәнлегә йөз елдан артык вакыт узгач расланды.

Ул императрица Елизаветага юллаган хатында хакимиятнең гаделсезлегә турында яза, чиновник-феодалларның алдакчы һәм сатлык булуларын фаш итә, халыкның түзеп булмаслык авыр хәле турында әйтә.

1760 елларда Морат мулла үзенә фикерләрен халыкка житкәрә башлый. Ул, китап язып, аны халык арасында тарата. Аның тәгълиматы тезисларының берсендә: «Болгарны яңадан торгызу вакыты житә», — дип язылган була. Морат мулла да, Батырша кебек үк, Болгар патшалыгы шикелле мөстәкыйль дәүләт төзү турында сөйлә.

1773-1775 елларда булган Е.Пугачев житәкчелегендәге сугыш чорында крестьяннар туган төбәкләрендә үзидарә урнаштыру идеясен, анда социаль мотивлар милли мәсьәләләргә караганда өстенлек алган булса да, аз гына вакытка тормышка ашыруга ирешәләр.

Мәгърифәтчеләр XIX гасырда фикер үсешен үз кулларына ала. Монда инде халыкның дөньяга карашын, әхлак-этик һәм сәяси әзерлеген тагын да югарырак дәрәжәгә күтәргә кирәк була. Ижтимагый-сәяси чынбарлык, икътисади шартлар һәм халыкның мәдәни дәрәжәсе бу чорда дәүләтчелек идеясен тормышка ашыруга мөмкинлек бирми. Әмма халык күңелендә бу уй—фикер яшәвен дәвам итә. XIX гасырның икенче яртысында Баһаветдин Вәисев житәкчелегендәге вәисевчелек хәрәкәте рус хакимиятеннән аерылып чыгу (салымнар түләмәскә, рекрутлар бирмәскә, бернинди күрсәтмәләргә дә үтәмәскә һ.б.) һәм мөстәкыйль идарә төзү максатын куя.

Житмешенче еллар башында Ижау шәһәрндә бер карт миңа мондый вакыйга сөйләгән иде. Минзәләгә Сәидгалиев килә. Татарстан Республикасы беренче Халык Комиссарлары Советы рәисе кунарга туктаган йорт хужасына иртән иртүк берничә мужик килә һәм «Сәидгалиев ханны» күрүргә теләүләрен әйтәләр. Йорт хужасы: «Казанның Совет ханы әле тормады», — дип җавап бирә.

Гасырларны үтеп бүгенгә кадәр килеп житкән мөстәкыйль дәүләтчелек идеясе 1990 елларда татар милли-азатлык хәрәкәтендә ачык чагылыш тапты һәм Татарстанның мөстәкыйльлек өчен көрәшенә уңай йогынты ясады.

Искәрмәләр:

¹ Курбский А. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. — Т.XXXI. — СПб., 1913. — Б.58-60.

² Юсупов Г. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960. — Б.158-165.

³ Устюгов В.Н. Башкирские восстания 1662-1664 гг. // Исторические записки. — 1947. — №24. — Б.108.

⁴ Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. — Казань, 1973. — Б.61.

*С. М. Михайлова,
О. Н. Коршунова (КГУ)*

Идея государственности в национальном сознании татар (исторический экскурс)

Актуальность проблемы обусловлена как драматизмом истории отторжения пантюркизма, панисламизма и национализма в сталинские годы, так и на протяжении веков сложно складывавшейся судьбой реализации у татар идеи государственности. А.Герцен считал историческое поле с его «колосьями и плевелами» «непосредственной почвой народа, всей его нравственной жизни, всей его привычки и всем его утешением»¹. Это подтверждает история татар, для исторической памяти которых ключевое значение имели Волжская Булгария и Казанское ханство.

К «приметам прежнего величия Татарского царства» И.Г.Георги относил, в частности, охраняемые татарским населением

«остатки гробниц и валов, также замков или станов, с окопами и без оных, и другие древности». От «Чингиса, Батыя и других славных татарских владельцев» выводили свою родословную татарские князья. Воспоминания о былом государственном величии были свойственны не только татарской знати. Во всякой «несколько просвещенной Татарской голове бродят величия прежнего Татарского царства, а отчасти и желание к восстановлению онаго», — писал известный ученый и путешественник².

Спустя несколько десятилетий в серии очерков «Казань», опубликованных в журнале «Заволжский муравей», М.Рыбушкин признавал «воспоминания о древнем величии и славе» возможным источником «беспорядков в стране Казанской» после середины XVI века. Он писал о «новых покушениях отложиться от зависимости престолу Российскому»³. Такая устойчивость воспоминаний о периодах тюрко-татарской государственности, как видим, в XVIII-XIX веках была одним из важных компонентов национального сознания татар, прежде всего волжских. Апелляция к былому государственному величию базировалась на пластах достаточно развитого этнополитического сознания у болгар, а затем и казанских татар периода ханства.

Уже в период Волжской Булгарии этническое самосознание болгар вобрало в себя исторические традиции; сознание связи народа с правителями (правлящей династией); представление о «священности» территории своего государства; понимание своего места среди известных на то время народов. Происхождение правящей династии в Булгарии прямо связывалось с мусульманскими святыми и даже сподвижниками пророка Мухаммеда. Исторические произведения XVI-XVII вв. отражают самоидентификацию болгар среди тюркских народов. В последующие века тюркская генеалогия сменилась на исламскую. Ислам, таким образом, осознавался как рубежное историческое событие, оказавшее влияние на все стороны жизни социума.

С конца XVIII в. начинается этап складывания предпосылок татарской буржуазной нации. Сутью начавшейся тогда эпохи стало взаимодействие российского государства и татарского общества, а насильственная христианизация 40-х годов XVIII в.

сменилась достаточно автономным развитием татарского этноса в рамках Российского государства⁴.

В период господства имперской политики (XVIII-XIX вв.) завершается создание основ этнокультурной жизни, религии, традиций, эстетических образцов, имеющих важное значение для сохранения этничности. Сознание неразрывности таких символов, как территория (родная земля), язык (родная речь), жилище (очаг), религия («истинная» вера), семейно-родовое сообщество (местные традиции), по мнению современных исследователей, позволяет выделить данную этническую общность из других.

Идея государственности у татар тесно связана с судьбой и уровнем развития их культуры. В XVIII — начале XIX в. под влиянием городской профессиональной культуры казанских татар, опиравшейся на художественные культурные традиции Закавказья, в широком смысле формируется татарская национальная культура. Именно культура казанских татар стала объединяющим началом для татар Волго-Уральского и Западно-Сибирского ареалов, заложив, таким образом, основы общенациональной татарской культуры⁵.

Особой темой, связанной с идеей государственности в национальном сознании татар, является тема формирования правосознания, правовой культуры. На почве политических и правовых притеснений, попрания личного достоинства по национальному признаку у подданных Российской империи рождались настроения анти- и безгосударственности. Растлевающее влияние привилегированного положения православных перед законом пагубно сказывалось и на правовой культуре России в целом, и на повседневном существовании притесняемых мусульман.

Примечательны в этой связи предложения депутата от татарских слобод Казани С.Хальфина в Комиссию для подготовки новых правил управления губерниями (1767 г.). Сагит Хальфин предложил, чтобы «мухамеданин допускаем был в свидетельство во всяком случае наравне с христианами по приводе к Корану». Он настаивал, чтобы на суде «и христианского, так и прочих законов людей и мухамеданина к вере велеть в присягу включить, что он должен говорить сущую правду, что он слышал и не смотреть на то, что один из имеющих между собой тяжбу, один с ним одного, а другой — другого закона».

Мнение депутата от служилых татар Старой и Новой казанских слобод было принято в «Комиссию для составления нового уложения»⁶. «Мнение» С.Хальфина свидетельствует о формировании юридического мышления у татар. Сын Сагита — Исхак — в 1785 г. перевел на родной язык «Учреждения для управления губерний Российской империи». Просветители и преподаватели А.Вагапов и М.Махмудов от имени безграмотных составляли прошения и ходатайства в различные инстанции — просьбы о послаблениях от рекрутских наборов, об уменьшении подати. Это также развивало правосознание сородичей.

Согласно утверждению английского социолога Дж.Стюарта Милля, наиболее важными факторами существования нации являются политическая судьба, общая национальная история и, основанная на этом, общность воспоминания. Нация, как политическая категория, может быть определена только по отношению к государству, полагал М.Вебер. Однако этносы и геополитика национальных государств принимают самые разные формы и модификации.

В чем состоят особенности историко-геополитического характера татар Поволжья? Во-первых, в Казанской губернии, где жила наибольшая доля татар, правящий слой состоял преимущественно из русских. Составляя в 1897 г. 38,4% населения губернии, по данным Р.Фахрутдинова, они занимали 81,3% мест в органах государственного управления. Коренные нерусские народы (татары, мари, чувашаи) составляли 59,9% населения и всего 16,5% от общего числа лиц, занятых в системе государственного управления⁷.

Важной особенностью расселения и формирования национальных идеалов, сознания татар была дисперсность их расселения, усилившаяся к концу XIX в. в связи с экономической миграцией. Основная масса татар сосредоточивалась в четырех географических районах — Волго-Камском, Средне-Волжском, Приуральском и Волго-Окском — чересполосно с другими народами и этническими группами. Так, в Симбирской губернии в 1868 г. мордва, чувашаи и татары составляли 30,83% населения⁸.

На рубеже XIX-XX вв. особенностью складывания представлений о национальной государственности татар было то, что

они базировались на идеях татарских просветителей и отталкивались от проходивших в обществе дебатов по поводу национального образования и школы. На наш взгляд, расцвета национальных партий и программ, наблюдавшегося на старте XX в., не было бы без богатой предыстории национальной просветительской мысли у татар.

Известно, что просветители напрямую не ставили задач воссоздания татарской государственности, однако арсенал их идей, связанных с национальной идентификацией татарского народа, высокие требования и критерии к культуре и духовности, как к условиям прогресса этноса, имели прямое методологическое и идеологическое значение для разработки государственно-правовых проектов.

Лишив ореола божественности государственную власть, просветители утвердили мысль о первичности общественных интересов, которым государство и призвано служить. Идеологом формирующейся татарской нации «Нового времени» можно назвать Ш.Марджани. Одним из первых он осознал необходимость радикальных перемен в укладе татарского общества, в разработке идейной концепции национальной жизни, ориентированной на поиски новой идентичности в меняющемся мире, на разработку магистральных маршрутов татарского национального возрождения.

Лишь на первый взгляд парадоксальным предстает тезис Ш.Марджани о том, что «знание и просвещение не знают ни национальных, ни языковых границ». Сама постановка просветителями научно-исторических проблем, разрешение дилеммы между религиозным и светским компонентами национального сознания служили идее укрепления потенциала нации. Марджани считал принадлежность к нации приоритетнее конфессиональной.

Веру в свою Родину просветители связывали со знанием исторического прошлого. Книга Марджани «Мустафад алахбар...», названная Г.Ибрагимовым «набатным колоколом, своевременным предупреждением» для татар, касается не только истории, но и языка, нравов и обычаев жителей Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Для Марджани характерна апелляция к традициям Волжской Булгарии, как к связующей нити, духовно-интегрирующей основе

татарской истории. В первом томе «Мустафад ал-ахбар...», повествующем об эпохе государственной независимости мусульман Поволжья в X-XVI вв., первый из двух, посвященных этому бурному периоду разделов, занимает две пятых части книги, то есть примерно столько же, сколько все остальные вместе взятые.

История татар в целом неразрывно связана с историей России, а затем Европы, вступившей на путь демократизации и оформления институтов демократии. Национальные проблемы российских тюркских народов были обсуждены на праздновании двадцатилетия газеты «Тарджеман» осенью 1903 г. По оценке С.Максуди, отметившего пробуждение национального самосознания тюрок, после этого события, «собрания и съезды последовали одно за другим»⁹.

Известно, что на Мусульманском съезде, состоявшемся 10 апреля 1905 г. в Уфе с участием представителей интеллигенции, было решено довести до правительства не только религиозные, но и национальные требования тюрок. 15 августа в Нижнем Новгороде состоялся уже национальный съезд мусульман. А.Топчибашев расценил его, как «национальный праздник мусульман всей России»¹⁰.

В известной мере Первая российская революция в России сделала возможной саму постановку проблемы самоопределения угнетенных наций, не имевших своей государственности. Первоначально ее решение для татар связывалось с национальной автономией по западноевропейскому образцу. По вопросу государственности представители интеллектуальной и национальной элиты из татар разделились на сторонников унитаризма и культурно-национальной автономии. Социалистами-автономистами называли себя члены организации «Таңчылар», стремившиеся к преобразованию России в федерацию¹¹.

Важнейшей проблемой государственности для татар был также аспект их отношения с башкирским этносом. По мнению Г.Ибрагимова и его соратников, идея культурно-национальной автономии выступала в роли инструмента для реализации ложного тезиса о гегемонии татар в тюркском мире. Отстаивая идею единства татар и башкир, он предлагал создать национально-территориальную автономию в форме единой республики в

регионе Поволжья и Приуралья. К сожалению, идеи полного равноправия татар и башкир не нашли понимания у многих тогдашних национальных лидеров — как башкир, так и татар.

В XIX — начале XX вв. формами противостояния имперской политике и ассимиляции были тюркизм и панисламизм. Ислам долгое время выполнял роль постулирующей основы, доминанты татарской культуры, в его русле развивались общественно-философские, правовые и нравственные идеи. Вот почему исследование истории интеллигенции, просветительства и общественной мысли татар может быть осмыслено не только в рамках революционной парадигмы, формулы, свойственной прошлым десятилетиям, но и дополнено изучением эволюции в контексте влияния ислама.

Отношение к исламу и его истории в крае для волгоуральских татар сопряжено с ассоциациями и особенностями государственного сознания. Ликвидация Казанского ханства и конфессиональные притеснения придавали принадлежности к мусульманству особое значение. С эпохи империи мусульманские общины стали также испытывать ограничения в своих связях с зарубежными мусульманскими центрами.

История показала, что татары способны к адаптации в условиях новой эпохи, связанной с ростом буржуазных отношений, активизацией роли средств массовой информации, международных и межэтнических контактов и т.д. Приобщение к светскому образованию и русскому языку, развитие светских форм искусства и общественной жизни сочетались при этом с сохранением мусульманской самоидентификации.

С началом XX в. можно говорить о татарском национализме — преемнике и продолжателе предшествовавших форм этнической и национальной идентификации, общественного движения в среде татар. Национализм, по определению Э.Геллнера, «это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»¹².

Ведущей силой национального движения мусульманских народов в начале XX в. являлись общественно-политические деятели из татар. Уже до революции татарское национальное движение стало инициатором интеграционных процессов и акций среди мусульман России. В столицах, а также в Казани,

Уфе и Оренбурге возник ряд общественно-политических образований, из которых в 1917 г. оформились влиятельные общемусульманские структуры. Их не устраивала аморфность и инертность национальной политики Временного правительства, отвергавшего проекты автономного и федеративного устройства. Именно такие проекты выдвигали татарские национальные лидеры.

Идеологом национального единства мусульманских народов, как условия достижения ими равноправия, сторонником мирных методов реализации государственной идеи был С. Максуди. Он возражал против классового обрамления лозунгов государственности мусульманских народов, расходясь в этом, в частности, с И.Алкиным¹³. После 1917 г. этот поборник культурной автономии татар не отвергал и национально-территориальную автономию, идею национального самоопределения¹⁴. Вскоре после Октября 1917 г. Максуди писал: «Мы вместо их (Советов — С.М., О.К.) государства, построенного на гнилой основе, создадим государство на уровне цивилизации двадцатого века»¹⁵.

Необходимо заметить, что в начале века и накануне революции 1917 г. татарское общественно-политическое движение увязывало татарское национальное возрождение с демократизацией государственного устройства России в целом. Оно базировалось на лозунгах федерализации России, образования Волго-Уральского штата в рамках этой федерации, национально-культурной автономии для татар российских административных единиц.

Активизация государственного компонента в национальном сознании татар в XX в. опирается, таким образом, на богатое наследие предшествующей национальной мысли. Государство — важная предпосылка культурного развития, регулятора систем функционирования общества, хотя его судьба не всегда совпадает с динамикой культуры. Однако между этими феноменами существует несомненная связь. С одной стороны, государство обладает такими рычагами воздействия на культуру, как специальное законодательство, социальная политика, бюджетное финансирование, образование, средства массовой информации. Со своей стороны, традиции национальной культуры, ее потенциал выступают фактором, формирующим уровень цивилизованности, правовой природы государства.

Примечания:

- ¹ Герцен А. Собр.соч. в 30-ти тт. — Т.XX. — кн.2. — М., 1953. — С.589.
- ² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, верований и других достопримечательностей. — Ч.2. — СПб, 1799. — С.4-6.
- ³ Заволжский муравей. — 1832. — №2. — С.84-85.
- ⁴ Хабутдинов А. Рождение «миллета». Как начала формироваться татарская нация // Казань. — 1999. — №12. — С.24-28.
- ⁵ Заказанье: Проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.127.
- ⁶ Сборник Русского исторического общества. — Т.43. — СПб., 1875. — С.544.
- ⁷ Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX — начале XX века. — Казань, 1998. — С.26.
- ⁸ Симбирский сборник. — Ч.2. — Симбирск, 1870. — С.151.
- ⁹ Maksudi S. Dostum Yusuf Aksura // Turk kulturu. — 1977. — №174. — S.351.
- ¹⁰ Devlet N. Rusya Turklerinin Milli Mucadelesi tarihi. — Ankara, 1985. — S.92.
- ¹¹ Казань. — 1999. — №1-2. — С.50.
- ¹² Геллнер Эрнест. Нации и национализм. — М., 1991. — С.23.
- ¹³ Султанбеков Б. Ильяс Алкин: жизнь и судьба // Татарстан. — 1994. — №9-10. — С.26-27.
- ¹⁴ Амирханов Р. Многогранный талант // Научный Татарстан. — 1998. — №4. — С.60-15; Тормыш. — 1917. — 22 ноября.

А. Ю. Хабутдинов
(КЮИ МВД РФ)

«Милли Идарэ» как первое татарское правительство

19 июля 1917 г. накануне II Всероссийского мусульманского съезда в органе Казанского губернского «Милли Шура» — газете «Курултай» была опубликована статья Габдуллы Шнаси, педагога, близкого к руководству Уфимского «Милли Шура», под названием «Как провести в жизнь национально-культурную автономию мусульман Поволжья?». Автор утверждает, что

существуют две точки зрения об отношениях «Милли Шура» (Национального Совета) и Духовного Собрания. По одной из них «Милли Шура» должен существовать при Духовном Собрании, по другой Духовное Собрание должно представлять отдельную часть «Милли Шура». Шнаси предлагает включить в структуру «Милли Шура» следующие отделы: религиозный, юстиции (для надзора за судами), просвещения и печати (для воспитания светского духа в религиозной школе и издания учебной литературы), организации и пропаганды (для выборов в органы власти), финансов и вакфов, статистики и «Хэрби Шура».¹

Этот документ представляет большой интерес в том плане, что до последнего дня перед съездом не были реально решены вопросы структурирования органов автономии. Не был решен базовый вопрос о соотношении органов религиозной и светской автономии, а также о взаимоотношениях с «Хэрби Шура». Таким образом фактически подтверждается рассказ дочери Садри Максуди — Адиле Айда о том, что структура автономии и тип отношений с Духовным Собранием являются единоличным планом ее отца.²

Даже в заключительный день съезда развернулась дискуссия о порядке введения национально-культурной автономии. От имени данной секции съезда Габдулла Шнаси призвал к немедленному введению автономии. Его основными оппонентами выступили председатели Уфимского и Казанского губернских «Милли Шура» Гумер Терегулов и Фуад Туктаров и председатель «Хэрби Шура» Ильяс Алкин. Туктаров предложил передать вопросы финансов и просвещения местным «Милли Шура». Терегулов рекомендовал оставить решение о принятии автономии «Миллэт Мэжлесе». Позицию Шнаси поддержали Садри Максуди и Хасан-Гата Габяши. В результате данное решение было принято 95 голосами, при 2 против и 19 воздержавшихся.³

Три министерства автономии, образовавшие «Вакытлы Милли Идарэ» (Временное Национальное Правительство) представляли собой три наиболее могущественные профессиональные корпорации татарского мира. «Вакытлы Милли Идарэ» формируется в составе 3 назаратов (министерств): «Мэгариф» (Просвещения), «Малия» (Финансового) и «Диния» (Религиозного). «Диния

Назарэте» полностью сохраняет свою структуру. Два других назарата комплектуются из представителей: «Мэгариф» из «Бөтен Русия укытучылар жәмгыяте» («Всероссийского Общества учителей»), «Малия» — из буржуазии, представлявшей местные национальные фонды. 3 татарских центра: Казань, Уфа, Оренбург и Троицк имеют своих представителей в каждом из назаратов. Буржуазия и учителя осенью 1917 г. проводят свои съезды при соответствующих назаратах, о чем будет рассказано ниже. Тем самым национальная администрация еще не может создать новые кадры, а опирается на имеющиеся корпорации и коллегиальные формы. Политический и административный талант Максуди заключался в том, что он эффективно использовал имеющиеся органы для решения общенациональных задач и ставил их под контроль единого общенационального правительства.

«Милли Идарэ» является уникальным примером в тюркском мире. Существовали два основных варианта соотношения религиозной и светской властей. В первом — духовный лидер (муфтий) являлся и лидером светским. Таковы были крымское правительство Джихана Челеби и горское правительство Наджмутдина Гоцинского. Во втором случае духовная и светская власть существовали параллельно. Так обстояло дело в башкирском правительстве Валиди, Алаш-Орде, Кокандском правительстве Туркестана и правительстве Азербайджана (не забудем аналогичные режимы младотурок и Ататюрка).

Среди причин, по которым Максуди все больше склонялся к мнению о том, что институт «миллэтов» является пережитком средневековья и не может служить способом для создания нации «Нового времени», необходимо указать нижеследующие. Переход муфтията в руки провокатора и черносотенца Сафы Базитова в 1915 г. окончательно подорвал авторитет этого органа среди татар. Несмотря на реформаторские теории Ризы Фахретдина, Мусы Биги, Зыи Камали и братьев Буби большинство духовенства органически оказалось не в состоянии приспособиться к таким институтам, как парламент и органы местного самоуправления, новометодные школы, периодическая печать и благотворительные общества. Да и сам шестидесятилетний Галимджан Баруди после годов ссылки и репрессий

уже был слишком стар, чтобы объединить мусульман России. К 1917 г. светская элита мусульман России, окончившая иностранные и российские вузы, средние школы и военные училища, уже качественно превосходила религиозную элиту. Наиболее реформированная часть духовенства сама посылала своих детей в светские учебные заведения. В таких медресе, как «Галия» и «Буби», светские предметы по объему превосходили религиозные, доля последних постоянно уменьшалась и в других реформированных медресе. Мировая война сосредоточила наиболее активную часть молодежи в армии, ставшей мощным каналом социальной мобильности. В рядах армии практически не существовало мусульманского духовенства, поэтому военная молодежь все более отходила от идеи религиозного единства в пользу светского. Лидеры «Татар учагы», ставшие в 1917 г. лидерами «Хәрби Шура», представляют собой наиболее наглядный пример светской татарской доминанты в противовес более ранней тюркской доминанте, неразрывно связанной с идеей общемусульманского единства.

Вместе с тем, мечеть оставалась единственным органом, существовавшим во всех частях татарского мира, поэтому Максуди не мог выпустить религиозную элиту из-под своего контроля. Именно духовенство образовывало автономную структуру, на чьей основе была провозглашена национально-культурная автономия. Раскол мусульманской элиты России в 1917 г. заставил каждый из мусульманских этносов сосредоточиться на своих проблемах и образовать структуры, наиболее отвечающие социальному составу и роли элиты в каждом из этносов. Тем самым была фактически уничтожена общероссийская мусульманская элита, созданная в эпоху Гаспринского. Путем создания «Милли Идарэ» светской интеллигенции удалось сохранить свой контроль над жизнью нации. Максуди, с его дипломом Сорбонны и международным парламентским опытом, стал естественным лидером этой элиты.

В Коллегию по осуществлению автономии были избраны Садри Максуди, Ибниамин Ахтямов, Галимджан Шараф, Амина Мухетдинова, Фатих Карими, Камиль Каримов, Наджип Хальфин и Хади Атласи. Таким образом представительство геогра-

фически получили Казань, Уфа и Оренбург. Наряду с умеренными социалистами типа Ахтямова, Шарафа и Хальфина, туда вошла даже представительница Мусульманского Социалистического Комитета А.Мухетдинова. Таким образом, Коллегия объединяла либералов, умеренных и левых социалистов.⁴

В итоге казанские съезды июля 1917 г. (мусульманский, военный и духовенства) создали правительство культурно-национальной автономии, окончательно сформировали татарскую доминанту национального движения. Его наиболее активными центрами стали представительные и исполнительные органы национально-культурной автономии. Если в мае-июле 1917 г. религиозные и светские структуры параллельно сосуществовали, то в июле 1917 г. муфтият стал одним из назаратов (министерств) в правительстве автономии, что поставило духовную власть под контроль светской. Уступки были достигнуты путем отказа от ряда либеральных положений, и важнейшим из них стало ограничение женского равноправия. Так, светским лидерам удалось заключить альянс с большинством духовенства при сохранении устоев традиционной общины. Реальными органами власти стали «Вақытлы Милли Идарэ» (Временное Национальное Правительство) и «Милли Шуралар» (Национальные Советы) губерний и местные комитеты.

25 августа 1917 г. в Уфе состоялось первое заседание Коллегии по осуществлению автономии, на котором присутствовало большинство членов этой Коллегии и коллегий назаратов. С этого момента временное правительство автономии начинает практическую деятельность по выработке конституции и созданию структур автономии.⁵

20 ноября 1917 г. Садри Максуди торжественно открыл заседание «Милләт Мәжлесе». Основная часть его доклада была посвящена отчету Коллегии по осуществлению национально-культурной автономии. Максуди отметил, что съезд поручил Коллегии осуществление трех основных задач. Во-первых, «Воплощение автономии в жизнь и руководство новосозданными «Мәгариф» и «Малия Нәзарәте», «Милли Идарэ». Во-вторых, распространение среди населения идей автономии. В-третьих, созыв «Милләт Мәжлесе» для руководства национальной жиз-

ню. «Малия Нэзарэте» создал за это время «Милли Хэзинэ» (Национальная казна), в которой находилось более миллиона рублей. «Мэгариф Нэзарэте» вступил в контакт с земствами и официальными учреждениями. Сама Коллегия разработала ряд законопроектов для принятия их «Миллэт Мэжлесе». Комиссия распространила информацию об автономии через всех имамов.

В дальнейшей части речи Максуди обосновал роль «Миллэт Мэжлесе» и автономии для судеб нации. Он говорил, что после уничтожения государства его оставшиеся члены забыли о том, что они были нацией. «Теперь северные тюрко-татары объявляют всему миру о своем существовании». Завоевание Ивана Грозного Максуди откровенно называет угнетением, несмотря на которое «дети тюрко-татар сегодня опять становятся на ноги. Сегодня правители-тираны и угнетатели видят свой приговор. Они не только нам, но и своему племени не дали возможности свободно идти по пути прогресса. Сейчас их время ушло». Максуди напомнил собранию об исторической роли тюркских государств Газневидов, Чингиз-хана и Тамерлана. Оратор вступил в полемику с европейскими философами, утверждавшими, что время тюркских народов и особенно тюрков в Европе безвозвратно прошло.

Максуди изложил цель «Миллэт Мэжлесе» и всей нации: «Мы на месте их государства, построенного на гнилых основах, построим новые государства двадцатого века, основанные на культуре в истинном смысле».⁶

11 января 1918 г. первая сессия «Миллэт Мэжлесе» прекратила работу. «Милли Идарэ» было объявлено единственным высшим законным органом нации. В последний день произошло также избрание состава коллегий назаратов. Членами «Диния Нэзарэте» были избраны Риза казый Фахретдин, Салихджан казый Урманов, Кашшаф казый Тарджемани, Мухлиса казыя Буби, Габдулла казый Сулеймани, казый Хаджат аль-Хаким Махмудов. Пост председателя сохранил Галимджан Баруди. Реальная власть в «Диния Нэзарэте» сохранилась в руках деятелей ордена Накшбандия: шейха Баруди и его мюридов — Тарджемани и Сулеймани, то есть духовенства, связанного с буржуазией Казани, а также Фахретдина, связанного с буржуазной элитой Оренбур-

га. Членами «Мэгариф Нэзарэте» стали Закир Кадыри, Мардельгим Махмудов, Исмагил Утямышев, Гумер Терегулов, Гали Еникеев, Ибрагим Биккулов под председательством Наджиба Курбангалиева. Курбангалиев представлял Оренбург, четыре члена — Уфу; Утямышев и Биккулов — Казань. В «Малия Нэзарэте» вошли Салим-Гирей Джантюрин, Гариф Каримов, Гали Кураманаев, Латыф Яушев, Габдулла Буби, Наджип Хакимов под руководством Шайхуллы Алкина. В целом в «Малия Нэзарэте» большинство получила буржуазия Уфы, представленная Алкиным, Джантюриным и Хакимовым, Каримов представлял Оренбург, а Яушев — Троицк. В результате был окончательно сформирован состав «Милли Идарэ».

Была также избрана «Илчелэр хэяте» (Посольская комиссия), выполнявшая функции представительства при центральном правительстве. В комиссию вошли члены Центрального «Милли Шура» — Султанбек Мамлиев, Загид Шамиль и Гаяз Исхаки. Духовенство получило полный контроль над Контрольной (тэфтиш) комиссией, куда были избраны Зыя Камали, Джамалетдин Хурамшин и Хабибулла Ахтямов. Таким образом, структура исполнительной власти, образованная созданием трех назаратов, созданных в июле 1917 г., в январе 1918 г. была дополнена органом, выполняющим функции представительства при общероссийских органах и контрольным органом.⁷

Наряду с созданием центральных органов власти дальнейшим этапом централизации стала перестройка территориальной структуры органов автономии на местах. 26 февраля 1918 г. «Йолдыз» печатает статью «Создание национальных вилайатов». В ней утверждается, что тюрко-татары не могут реализовывать автономию в рамках территориальных единиц царской России. Единицами автономии должны стать «Милли вилайетлэр» (национальные регионы), возглавляемые «Вилайет Мэжлеслэре» (Советами вилайатов). Законопроект о «Милли вилайетлэр» был разработан Галимджаном Шарафом и должен был быть предложен на следующую сессию «Миллэт Мэжлесе». Газета опубликовала предварительный список вилайатов.⁸

Из-за практической невозможности созыва новой сессии «Миллэт Мэжлесе» Садри Максуди провозгласил создание «мил-

ли вилайтләр» от имени «Милли Идарэ». В окончательном варианте, опубликованном в официальном органе «Милли Идарэ» — журнале «Мөхтарият», было провозглашено создание 34 «милли вилайтләр». Казанская губерния делилась на четыре вилаята с центрами в Казани (Казанский, Царевококшайский, Свияжский и Цивильский уезды), Тетюшах (Тетюшский и Чебоксарский уезды), Мамадыше (Мамадышский и Лаишевский уезды) и Чистополе (Чистопольский и Спасский уезды). Уфимская губерния — на пять с центрами в Уфе (Уфимский и Златоустовский уезды), Стерлитамаке, Белебее, Бирске, Мензелинске (одноименные уезды). Пермская и Вятская губерния составляли по одному вилайту. В Оренбургской губернии выделялись четыре региона с центрами в Орске, Верхнеуральске (Троицкий, Верхнеуральский и часть уездов Тургайской области), Челябинске, и Оренбурге (Оренбургский и часть уездов Тургайской области). Отдельные вилаяты составляли Уральская область, Букеевская Орда, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Нижегородская и Тамбовская губернии. В Самарской губернии выделялись два вилаята с центрами в Бугульме и Самаре (остальная часть губернии). Центр Тамбовского вилаята размещался в ауле Азеево. В отдельный вилайт с центром в Москве были выделены губернии Центральной России: Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская, Курская, Рязанская, Тульская и Калужская. В северный вилайт с центром в Петрограде вошли Петроградская, Вологодская, Архангельская, Новгородская, Псковская губернии, Финляндия, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия. Южный вилайт с центром в Харькове образовали Харьковская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Херсонская, Подольская губернии, область войска Донского, Донбасс и Бессарабия. Особый вилайт составляла Тобольская губерния. Акмолинская область с центром в Петропавловске объединила также казахские районы Тобольской губернии. Другой центр степного вилаята располагался в Семипалатинске. В особый вилайт были выделены Томская и Енисейская губернии с центром в Томске. Байкальский вилайт имел центром Иркутск и охватывал Иркутскую губернию, Забайкальскую и Якутскую области. Амурский вилайт с центром в Благовещенске объединял Амурскую и Приморскую области.⁹

Показательной является корреляция вероятного наличия отделений «Милли Идарэ» и функционирования «милли вилайтләр» с представительством татар на II Всероссийском мусульманском съезде. Наряду с такими основными регионами, как Казань, Уфа и Оренбург, на съезде присутствовали представители от организаций в Астрахани, Нижнем Новгороде, Пензе, Архангельске, Петрограде, Тамбове, Харькове, Вятке, Симбирске, Перми, Саратове, Павлодаре, Екатеринославе, Воронеже, Вологде, Самаре, Томске, Тобольске, Петропавловске, Семипалатинске, Актюбинске, Уральске, Алма-Ате, Троицке, Омске, Туркестане и Таганроге (Донская область). Таким образом, распределение центров вилайтов действительно отражало наличие значительных мусульманских организаций на местах. Характерным является отсутствие мусульманских общин Туркестана, где татары приняли активное участие в работе местных органов автономии.¹⁰

В ответ на роспуск «Милли Идарэ» 25 (12) апреля 1918 г. газета «Тормыш» опубликовала обращение правительства автономии ко всем местным и аульным «Милли Идарэ». В обращении утверждается незаконность роспуска «Милли Идарэ», как не партийного, а общенационального органа. Местные «Милли Идарэ» призываются обеспечить выполнение функций религиозной, национальной и культурной жизни, благотворительности, сбора национального налога, представительство в земских и городских организациях соответственно с конституцией автономии. Деятели Мусульманского комиссариата объявляются правительственными чиновниками, незаконно вмешивающимися в сферы, которые должны относиться к компетенции всенародно избранных органов нации. Обращение подписали председатель «Милли Идарэ» Садри Максуди и председатели назаратов Галимджан Баруди, Наджип Курбангалиев и Шайхулла Алкин.¹¹

Один из деятелей группы Галимджана Ибрагимова, тогда работник мусульманского комиссариата в Уфе, Гасим Касимов оставил своеобразный отчет о деятельности ликвидационной комиссии, которая сконцентрировалась на конфискации средств «Милли Идарэ». По утверждению Касимова, расходы «Милли Идарэ» между октябрём 1917 г. и 23 апреля 1918 г. распределялись следующим образом. Медресе «Галия» и «Усмания»

получили 25.000 рублей, Коллегия Урало-Волжского Штата — 110.500 рублей, Казанское отделение «Диния нэзарэте» и журнал «Мөхтариат» — 22.604 рубля. Члены «Милләт Мәҗлесе», «Милли Идарә» и служащие получили 184.533 рубля. Всего было израсходовано 418.696 рублей. Ликвидационная комиссия конфисковала 496.489 рубля, которые быстро были израсходованы мусульманскими советскими органами.¹²

В настоящей статье мы дали только краткие, внешние очертания создания, кадрового состава и деятельности «Милли Идарә» — первого национального правительства, созданного по передовым образцам мировой цивилизации. Надеемся, что еще появятся статьи, монографии и сборники документов, посвященные этому уникальному явлению в истории татарского общества.

Примечания:

- ¹ Курултай — 1917. — №5. — 19 июля.
- ² Айда А. Садри Максуди Арсал. — М., 1996. — С.100-101.
- ³ Йолдыз. — 1917. — №1822. — 11 августа.
- ⁴ Курултай. — 1917. — №10. — 8 августа.
- ⁵ Тормыш. — 1917. — №707. — 27 августа.
- ⁶ Тормыш. — 1917. — 22 ноября. — №757.
- ⁷ Тормыш. — 1918. — 14 января. — №784.
- ⁸ Йолдыз. — 1918. — 26 (11) февраля. — №1875.
- ⁹ Йолдыз. — 1918. — 9 (22) апреля. — №1887.
- ¹⁰ Корынтай. — 1918. — 8 августа. — №10.
- ¹¹ Тормыш. — 1918. — №832. — 12 (25) апреля.
- ¹² Касыйми Г. Милли Идарәдә татар кадетлары нишләгәннәр? — Нәшире Мәркәз муселман комиссариатының матбугат шөгъбәсе, 1918. — С.43, 51.

Р. Ф. Мухамметдинов
(Институт истории АНТ)

Причины неосуществления штата «Идель-Урал»

Как известно, Национальное Управление Милли Меджлиса, провозгласившие создание штата «Идель-Урал», было закрыто большевиками в Уфе 13 апреля 1918 г. Чтобы понять причины подобного финала национального движения татар читатель должен прежде всего ясно представить последовательность политических

событий, происшедших как до, так и после вышеуказанной даты. Событий было много, и разворачивались они стремительно.

Итак:

1) **Апрель 1917 года** — возникновение Мусульманского социалистического комитета Муллаура Вахитова (Казань).

2) **1-11 мая 1917 года** — I-ый Всероссийский мусульманский съезд (Москва).

3) **22 июня 1917 года** — объединенное заседание трех съездов (мусульманского, военного и религиозных деятелей), где была провозглашена Культурно-национальная автономия тюрко-татар Внутренней России (Казань).

4) **20 октября 1917 года** — установление Советской власти в Казани так называемым Революционным комитетом, в который из татар вошли Вахитов, Якубов и другие (Казань).

5) **После 25 октября 1917 года** — большевики установили свою власть в Петрограде и Москве (Петроград)

6) **3 ноября 1917 года** — Декларация прав народов России (право народов на самоопределение вплоть до создания независимого государства) (Петроград)

7) **22 ноября 1917 года — 11 января 1918 года** — работа заседаний Национального Собрания (Милли Меджлиса) (Уфа).

8) **29 ноября 1917 года** — Национальное Собрание приняло решение о создании территориальной автономии тюрко-татар в виде Волжско-Уральского штата (штат «Идель-Урал»).

9) **6 января 1918 года** — разгон большевиками Учредительного Собрания России (Петроград).

10) **8 января 1918 года** — II-й Всероссийский военный мусульманский съезд (сторонники штата «Идель-Урал») (Казань).

11) **12 января 1918 года** — Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа III-го Всероссийского съезда Советов, по которой самоопределяться имели право не народы, а лишь рабочие и крестьяне каждого народа (Петроград).

12) **21-22 февраля 1918 года** — большевики приняли решение о самоопределении народов края в форме Урало-Волжской республики в составе РСФСР. Это была альтернатива штату «Идель-Урал» (Казань).

13) **28 февраля 1918 года** — арест большевиками лидеров «Хәрби Шура» (Военного Совета) штата «Идель-Урал» (Казань).

14) **3 марта 1918 года** — заключение Брест-Литовского договора, согласно которому Россия выходила из I-ой Мировой войны с потерей большой территории в пользу Германии (Брест-Литовск).

15) **28 марта 1918 года** — ликвидация большевиками «Забулачной республики» (Казань).

16) **13 апреля 1918 года** — Национальное Управление (правительство штата «Идель-Урал») было закрыто большевиками (Уфа).

17) **Июль 1918 года** — выступление белочехов против большевиков.

18) **Август 1918 года** — участие членов Национального Управления в создании общего правительства Комитета, членов Учредительного Собрания совместно с русскими демократами (Самара).

19) **10 сентября 1918 года** — Красная Армия вытесняет из Казани армию Самарского правительства и захватывает город (Казань).

20) **8-23 сентября 1918 года** — создание российскими демократическими партиями и лидерами мусульманских организаций (Национальным Советом) общероссийского правительства, так называемой уфимской «Директории» (Уфа).

21) **11 ноября 1918 года** — закончилась I-ая Мировая война.

22) **18 ноября 1918 года** — переворот в стане антибольшевистских сил. Лидером белого движения становится адмирал Колчак, сторонник единой и неделимой России (Омск).

«В намечаемый штат «Идель-Урал», — заметил Б.Ф.Султанбеков, — полностью входила территория Казанской и Уфимской губерний, а также отдельные территории Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской, Вятской губерний с преимущественно тюрко-татарским населением. Это было бы весьма крупное образование с населением около 7 миллионов человек, включая 3 миллиона 700 тысяч татар и башкир, более 2,7 миллиона русских, около 0,5 миллиона чувашей, мари и удмуртов.»¹ Судя

по этим данным, штат «Идель-Урал» в потенциале мог быть довольно мощным государственным образованием. Известно также, что для создания и работы Национального Собрания с населения было собрано более 1 миллиона рублей. Военные силы штата состояли из 10 тысяч войск, располагавшихся в Уфе, принесших присягу верности Национальному Собранию и получивших от него знамя.² Согласно мнению и высказываниям Мирсаида Султан-Галиева — участника и очевидца тех исторических событий, военный потенциал Национального Управления был намного больше. Речь идет о периоде конца февраля 1918 г., когда казанские большевики вошли в конфликт с казанским «Хәрби Шура» (Военным Советом штата «Идель-Урал»).

Мирсаид Султан-Галиев так писал об этом: «Войти в вооруженный конфликт мы бы (большевики) тогда не могли, так как, во-первых, у нас совершенно не было в Казани вооруженных сил, а во-вторых, «Хәрби Шура» путем мобилизации мог довести количество татарских солдат милиции до 60-80 тысяч в одной лишь Казани. Националисты могли немедленно снестись и поднять восстание в Уфе, Оренбурге (там было сконцентрировано по 10-12 тысяч татарских солдат)».³ Таким образом, получается, что в принципе на защиту штата «Идель-Урал» могло встать около 100 тысяч татарских солдат. Более того, Султан-Галиев считал, что «конфликт (большевиков) с татарами Поволжья был во много раз опаснее конфликтов с туземцами других окраин: они умели воевать и при необходимости могли в несколько дней выставить против нас несколько сот тысяч солдат»⁴.

Исследователь Тамурбек Давлетшин считал, что «Хәрби Шура» имело в своем распоряжении более 50 тысяч штыков, в том числе около 20 тысяч в Казани»⁵.

Сто тысяч солдат — много это или мало? Для сравнения укажем, что даже «90 тысяч человек соответствует численности 6 боеспособных дивизий или 2 армейских корпусов»⁶.

Кроме того, начиная с 22 ноября 1917 г., т.е. со времени начала работы Национального Собрания и до 13 апреля 1918 г., когда большевики запретили деятельность Национального Управления, политическая и военная обстановка для

создания инфраструктур штата «Идель-Урал» была вполне благоприятной. Большевики в этот период еще не господствовали на просторах Идель-Урала. Гаяз Исхаки писал, что «Национальное Управление и Военное Шуро еще долго вели борьбу с большевиками и до 12-го апреля 1918 года являлись фактическими хозяевами положения всего Идель-Урала»⁷.

Более того, даже после ликвидации большевиками Национального Управления их власть в Волжско-Уральском регионе не была устойчивой. Сначала большевиков изгнали белочехи, а затем армию Самарского правительства. Основательно закрепляться на территории региона большевики начали лишь после того, как оттуда начали отступать на восток части колчаковской армии.

Многое проясняют в этом вопросе воспоминания Джамала Валиди. Он писал: «От революции большинство татарской интеллигенции ждало разложения русской армии и спасения Турции от окончательного завоевания со стороны союзников... Мы тогда в большевиках видели единственную силу, которая способствовала этому... Но когда большевики взяли в свои руки власть, я увидел в них угрозу национальным чаяниям нерусских народов и силу, не признающую автономии и самоопределения окраин. Ведь большевики набросились на Украину и разгромили Национальную Раду, и в Туркестане захват власти большевиками напоминал борьбу русских против туземной автономии, и вот когда мы ждали спасения с Востока от Германии и Турции, русская революция им развязала руки. Такое положение продолжалось приблизительно год. С осени 1917 года до осени 1918 года. В конце 1918 года в моем уме, я думаю, и в уме многих других совершился некоторый перелом. Причиной этому было два события, совершившиеся одновременно: одно из них было внешнее, а другое — внутривнутриполитического характера. Я говорю о полном крушении германо-турецкой коалиции и о свершившемся в это же время перевороте Колчака, который ликвидировал правительство Учредительного собрания (в Уфе — Р.М.), объявил себя диктатором и Верховным правителем России и начал войну за неделимую Россию. После этого оказалось, что спасение Востока можно ждать только от большевиков, кроме них нет никакой силы»⁸.

В этих воспоминаниях большевики предстают непостоянной силой, которую вот-вот должна была сместить германская армия, с другой стороны большевикам угрожала армия Самарского правительства. Такое положение длилось год. Затем Германия и Учредительное Собрание («Директория») сходят с политической арены и остаются лишь две реальные силы: большевики и Колчак. Татарская интеллигенция в ноябре 1918 г. из этих двух зол выбирает первое.

Почему же Национальное Управление, имея 100 тысяч сочувствующих ему татарских солдат и свободу действий с 22 ноября 1917 г. по 13 апреля 1918 г., так и не смогло превратить штат «Идель-Урал» в реальную политическую и военную силу? Здесь свою роль сыграли многие факторы. Если допустить, что солдаты устали от войны и самовольно расходились по домам, то это не было главным в неудаче создания «Идель-Урала». В основном расходились русские солдаты, а татарские были патриотично настроены к идее национальной автономии. Надо признать, что большевики переиграли националистов в сфере пропаганды. «Большевистские агитаторы изо дня в день, с «Декларацией прав народов России», с «Обращением Совнаркома к мусульманам» и тому подобным в руках, внедряли в сознание, что Советское правительство несет национальную свободу татарскому и башкирскому народам... Не подлежит сомнению, что известие о решении Советского правительства образовать Татаро-Башкирскую республику имело решающий пропагандистский эффект и поколебало моральный дух воинов, которым не было смысла воевать за автономный Идель-Урал или Татарскую республику, если Советское правительство уже решило образовать Татаро-Башкирскую автономию, лишь под другим названием. Разобраться в существе их различия тогда могли лишь немногие. Контрпропаганда противников большевиков (то есть, националистов — Р.М.) о том, что Советское правительство недолго продержится у власти, делала войну, от которой все так устали, вообще излишней»⁹.

Лидеры националистов вместо того, чтобы вести активную наступательную пропаганду за превращение штата «Идель-Урал» в самостоятельную политическую и военную силу,

заняли выжидательную, пассивную позицию, уповая лишь на благоприятный исход дела.

Особую роль сыграла позиция Садри Максуди. С 22 ноября 1917 года он являлся главой законодательной и одновременно исполнительной власти национально-культурной автономии тюрко-татар России. К самой идее национально-территориальной автономии он относился критически и считал ее нереальной в сложившихся обстоятельствах.

Хотя сторонники национально-территориальной автономии составляли в «Милли Межлес» незначительное меньшинство, тем не менее, после жарких дискуссий «Милли Межлес» все же принял решение о создании национально-территориальной автономии в форме штата «Идель-Урал». Затем была избрана специальная комиссия, на которую и была возложена эта задача.

Так как «Милли Межлес» принял такое решение, С. Максуди, как его председатель, не должен был отстраняться от совместной работы с вышеуказанной комиссией. Как мы уже упоминали, момент был очень благоприятным, военный перевес был на стороне националистов, надо было отбросить групповые разногласия и полным ходом создавать именно национально-территориальную автономию. Но председатель «Милли Межлес» вместо конкретной организаторской работы в эти несколько судьбоносных месяцев (с января по апрель 1918 г.), занимает, мягко говоря, довольно странную позицию. Вот что пишет о Садри Максуди в тот период его дочь, профессор Адиле Айда: «Разгон большевиками 6 января 1918 года Учредительного Собрания произвел на Садри Максуди глубокое впечатление. Он почувствовал желание и необходимость поехать по стране, посетить главные политические центры, посмотреть поближе на происходящее. По его предложению Национальное Собрание приняло решение о временном прекращении работы до мая. Руководство Национальным Собранием и Национальным Управлением он доверил умному юристу Биньямину Ахтямову, оставил подробную инструкцию как поступать в том или ином случае, и уехал из Уфы.

Сначала Садри Максуди заехал в Казань, переговаривал там с людьми, которым доверял, встретился с родственниками,

провел там около месяца. Из Казани он направился в Москву...»¹⁰.

Если говорить прямо, действия Садри Максуди в этот решающий период сравнимы только с поступком капитана судна, который, увидев первые вражеские корабли на горизонте, первым покидает свое судно. Случай с Садри Максуди может служить яркой иллюстрацией к вопросу о роли личности в истории. С этой точки зрения, небезинтересно сопоставить деятельность лидеров двух революций: лидера русской социальной революции — В.И. Ленина и лидера тюрко-татарской национальной революции — Садри Максуди. Если Садри Максуди был теоретиком, публицистом и оратором, то Ленин — теоретиком и, вместе с тем, жестким практиком. Если Ленин во время революции 1917 г. приехал из Финляндии в Петроград, то Садри Максуди, наоборот, в разгар национально-революционных событий в Волжско-Уральском регионе покидает Уфу и Казань. Если Ленин задолго готовился вместе со своей партией к захвату власти в России, и к 1917 году у него уже была готова книга «Государство и революция», в которой он подробно расписал все механизмы захвата и укрепления этой власти, то со стороны Садри Максуди подобной работы проделано не было.

Из всех тогдашних лидеров национального движения наиболее подходящим по своим личностным качествам для роли практического руководителя национальной революции был, на наш взгляд, 22-летний офицер — Ильяс Алкин. Несомненно, во многом выдающаяся личность, он обладал решительностью и практической хваткой. Несмотря на молодость, был избран делегатом Учредительного Собрания, являлся руководителем Харби Шуро. Но для избрания председателем Национального Собрания или Национального Управления он, конечно же, был еще слишком молод и не имел того авторитета в народе, которым обладал, например, Садри Максуди.

Конечно, Ленин был вождем русского, то есть «азиатского» марксизма. В «азиатской» стране и методы Ленина были «азиатскими». Он «допускал все средства для борьбы, для

достижения целей революции, ... став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость»¹¹.

Садри Максуди, наоборот воспитывался в атмосфере мусульманского «адаба и кротости» традиционного татарского общества, затем в Париже получил западное образование и представление о свободе и демократии, впоследствии работал в Государственной Думе. Конечно, его трудно представить среди крови, грязи, казней и вероломств, без которых не может обойтись ни одна революция. В силу своего воспитания и как представитель угнетенного меньшинства Садри Максуди опирался в политике на такие категории, как справедливость, честь, порядочность, честность и так далее. Но с вероломными большевиками и их лидерами, наподобие Ленина, надо было, видимо, фанатично бороться их же жестокими «азиатскими» методами. Садри Максуди, естественно, к такой деятельности готов не был.

Кроме вышеперечисленных субъективных причин и неудач штата «Идель-Урал» были и объективные. Если сравнивать русский большевизм и татарский национализм, как идейно-политические течения того времени, то это явления разного порядка. У большевиков уже существовала своя определенная традиция, восходящая своими корнями к народникам. У них была многочисленная партия со своей прессой, дисциплиной, казной и боевыми группами, грабившими государственные банки для пополнения партийной кассы. У них были свои террористы и провокаторы.

У националистов же подобной партии не было, так как внутри татарского общества не было того жестокого социального антагонизма, который и породил в русском обществе большевистскую идею.

Именно эта организованность и слаженность действий большевиков помогла им в пропаганде своих идей.

Татарским же националистам, при всем их численном перевесе в военной силе над большевиками, не хватало опыта практической политики, которого они не могли набраться

ранее в силу сложившихся исторических и национальных условий жизни колониального народа.

Все вышеперечисленные причины и привели к неудаче идеи штата «Идель-Урал».

Примечания:

¹ *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г.* История Татарстана. XX век. 1917-1995 г.г. — Казань: Изд-во «Хэтер», 1998. — С.36.

² *Айда Адиле.* Садри Максуди Арсал. — М., 1996. — С.109-110.

³ *Султан-Галиев М.* Избранные труды. Составители: Гизатуллин И.Г., Шарафутдинов Д.Р. — Казань: Изд-во «Гасыр», 1998. — С.496.

⁴ Там же. — С.497.

⁵ *Давлетшин Т.* Советский Татарстан. — Мюнхен, 1974. — С.162.

⁶ *Гилязов И.Г.* На другой стороне. — Казань, 1998. — С.247.

⁷ *Исхаки Г.* Идель-Урал. — Казань, 1991. — С.51.

⁸ *Валиди Дж.* У меня разногласия с властью // «Эхо веков». — 1996. — №1/2. — С.156.

⁹ *Давлетшин Т.* Указанная работа. — С.162.

¹⁰ *Айда Адиле.* Указанная работа. — С.115.

¹¹ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: «Наука», 1990. — С.97.

Н. Ф. Фахрутдинов (ТГГИ)

Проблемы изучения и сохранения историко-культурного национального наследия в Татарстане в 20-е годы

На современном этапе национального возрождения несомненную важность и актуальность представляют проблемы изучения, сохранения и использования исторического и культурного наследия татарского народа. Особенно интересен в этой связи опыт 20-х годов — весьма сложного и во многом противоречивого периода поиска новых путей развития национальной культуры, науки и образования.

В эти годы татарской общественностью и научными силами республики уделялось пристальное внимание проблемам изучения и сохранения культурных памятников. Если до

революции работа в этой области велась исключительно энтузиастами, то теперь она получила поддержку со стороны органов государственной власти. Особенно следует отметить роль Академического центра Татнаркомпроса, координировавшего всю работу в области культуры и науки.

В 1922 г. Татнаркомпросом были выделены средства на организацию археологических экспедиций профессора Ф.В.Баллода в районы золотоордынских городищ в Нижнем Поволжье. Проведенные раскопки дали ценнейшие результаты, позволившие развеять легенды о Золотой Орде как о диком и варварском государстве.¹ Часть собранных коллекций в 1925 г. была передана через Академцентр в Центральный Музей Татарской Республики.

В марте 1923 г. Академцентром было проведено совещание, на котором разбирались докладная записка профессора Ф.В.Баллода о памятниках татарской старины и, в частности, о золотоордынских городищах. Ввиду опасности их быстрого разрушения и исчезновения Ф.В.Баллод предлагал организовать исследовательский Институт татароведения, который бы руководил охраной и изучением памятников национальной культуры. Идея была поддержана, и участники совещания, приняв решение о необходимости создания подобного Института, выбрали организационную комиссию, включившую в состав Али Рахима, Г.Максудова, Г.Губайдуллина, Г.Шарафа, Н.Воробьева, М.Худякова и Н.Н.Фирсова². Кроме того, было внесено предложение ходатайствовать об объявлении золотоордынских городищ заповедником и о выделении средств на продолжение здесь археологических раскопок.

Затем начинается работа по созданию нового Института. Нужно заметить, что еще в начале 1923 г. Всероссийская научная ассоциация востоковедения предложила создать в Казани Комиссию по изучению татарской культуры. В мае 1923 г. предполагалось проведение совещания, посвященного вопросам изучения татарской культуры³. Однако Институт татароведения в то время организован не был.

В мае 1923 г. при Академцентре создается Научное общество татароведения, основой которому послужило Общество востоковедения, с 1922 г. функционировавшее при Восточной Академии.

Общество татароведения своей целью ставило «объединение в ТССР лиц, научно работающих в области всестороннего изучения татар и татарской культуры, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Общества в общественной среде».⁴

Все годы существования Общества бессменным его руководителем был Н.Н.Фирсов — один из крупнейших историков Поволжья, одновременно возглавлявший Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В состав правления общества в разные годы входили: Али Рахим, Дж. Валиди, Н.И.Воробьев, Г.С.Губайдуллин, В.В.Егерев, Г.Г.Ибрагимов, М.Х.Курбангалеев, Г.Г.Максудов, Г.Г.Сагди, В.Ф.Смолин, М.Х.Тагиров, М.Г.Худяков, Е.И.Чернышев и Г.Ш.Шараф.

Материальные средства Общества составлялись из членских взносов, поступлений от продажи его изданий, регулярной субсидии Татнаркомпроса и некоторых случайных дотаций местных и центральных органов.

Общество татароведения основное внимание в своей работе уделяло разработке вопросов истории, археологии, этнографии, лингвистики и искусства татарского народа. Одной из форм деятельности Общества являлись общие собрания, на которых обсуждались научные доклады и сообщения. За весь период существования состоялась 39 таких собраний, 7 из которых были проведены совместно с Обществом археологии, истории и этнографии.

С 1924 по 1929 г. Обществом татароведения было организовано семь научных экспедиций с целью изучения и сбора исторических, этнографических и лингвистических материалов: в 1924 г. состоялась экспедиция под руководством Н.И.Воробьева в Арский кантон, в 1925 г. — комплексная экспедиция в составе Н.И.Воробьева, К. и М.Губайдуллиных и С.Г.Вахидова в Мамадышский кантон, в 1926 г. — экспедиция под руководством Н.И.Воробьева в закамские кантоны, в 1927 г. — экспедиция во главе с Н.И.Воробьевым в Заволжские районы, в 1928 г. — экспедиция в составе Али Рахима и П.М.Дульского по Арскому кантону, в 1929 г. — поездка П.М.Дульского в Рыбно-Слободский кантон, в том же году была реализована экспедиция

Н.И.Воробьева и Дж.Валиди в места компактного проживания татар в Вятской губернии и Вотской области.

Значительная часть материалов, выявленных в результате этих экспедиций, была опубликована на страницах «Вестника Научного Общества татароведения». Наиболее полно они отражены в статьях: Н.И.Воробьева «Жилища и поселения казанских татар Арского кантона ТССР» (№4), «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Чистопольского кантона ТССР» (№7), «Ткачество глазовских татар» (№9-10); В.В.Егерев «Самобытное расселение народностей Казанского края» (№8); А.К.Булич «Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТССР» (№4); В.Ф.Смолина «Клад восточных золотых предметов из болгарского городища Джуке-тау» (№3), «Археологические заметки» (№4) и др. Всего в «Вестнике» опубликовано 70 научных статей и 75 различных заметок и рецензий.

Особое внимание Обществом татароведения уделялось сбору и изучению письменных источников. Для их разыскания члены Общества специально выезжали в кантоны республики, а также в архивохранилища Москвы и Ленинграда. В октябре 1928 г. по инициативе профессора Н.Н.Фирсова при Обществе была создана Археографическая комиссия «с целью приведения в известность, собрания и издания документов по татарской истории, рассеянных в архивах и в частных руках»⁵. В состав этой комиссии вошли С.Бикбулатов (председатель), М.Пинегин, Али Рахим, В.Егерев, Е.Чернышев, С.Вахидов, Н.Н.Фирсов, Г.Губайдуллин.

Большая работа в этом направлении была проделана известным татарским ученым-археографом Саидом Вахидовым, собравшим в ходе научных экспедиций богатый источниковый материал. Именно им был найден, научно обработан и опубликован уникальный исторический источник периода Казанского ханства — ярлык Сахиб-Гирей хана. В 1925 г. С.Вахидов передал через Академцентр в Центральный Музей Татарской Республики 210 рукописей на татарском и арабском языках. В 1926 г. он возглавил созданный при Музее Отдел восточных рукописей. В последующие годы С.Вахидовым было передано в библиотеки научных учреждений Казани и Академии Наук

СССР уже около трех тысяч рукописей, в том числе и три списка рукописей памятника XIV в. «Нахдж ал-Фарadis».

В мае 1925 г. при Академцентре было создано Бюро краеведения, которое возглавил Г.Ибрагимов. Бюро направляло и учитывало всю краеведческую работу в Татарстане, проводило краеведческие конференции, способствовало становлению экскурсионного дела, оказывало помощь в организации экспедиций. К началу 1926 г. в республике было создано более 20 краеведческих организаций. Вся деятельность Бюро краеведения была увязана с местными научными обществами, вузами, государственными учреждениями, а также с Центральным Бюро краеведения при АН СССР.

Летом 1928 г. Бюро краеведения было реорганизовано в «Общество изучения Татарстана». Своей основной задачей оно ставило всестороннее изучение республики, т.е. ее «природы, населения, быта, истории, культуры, производительных сил». В ноябре 1929 г. в состав секции культуры и быта этого Общества в качестве отдельной подсекции было включено Общество татароведения. Оба общества с 1928 г. являлись подразделениями Дома Татарской Культуры, объединившего все организации, занимавшиеся исследованием в этой области. Уже в марте 1930 г., однако, функции Общества изучения Татарстана и Дома Татарской культуры были переданы открывшемуся Татарскому научно-исследовательскому экономическому институту.

В 20-е годы серьезное внимание уделялось не только изучению, но и сохранению национальных памятников истории и культуры. Органом, руководившим работами в этом направлении, являлся Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академцентре (сокращенно — Музейный отдел ТНКП), существовавший с августа 1919 г.

На протяжении 20-х гг. Отдел пережил ряд структурных изменений и сокращений. Первым его председателем был профессор Б.Ф.Адлер, внесший существенный вклад в культурное строительство молодой Татарской Республики. В работе Отдела активное участие принимали Н.И.Воробьев, В.В.Егерев, П.Е.Корнилов, П.М.Дульский, М.Г.Худяков и др. Они неоднократно выезжали в кантоны для выявления указанных памятников, обследования их состояния и сохранности.

Летом 1926 г. были проведены ремонтно-реставрационные работы в Болгарах, направленные, главным образом, на предотвращение дальнейшего разрушения. Были укреплены Черная палата, Белая палата, Ханская усыпальница, Никольская церковь и Монастырский погреб. В том же году были проведены небольшие ремонтные работы в Казанском кремле и Свияжске.

В 1927 г. были восстановлены разрушившиеся стены Казанского кремля. Тогда же перед Спасской башней была разобрана часовня (пристрой начала XX в.), которая портила общий архитектурный ансамбль Кремля.

Летом 1928 г. на территории республики работала Объединенная экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры, организованная Домом татарской культуры, Обществом татароведения, Обществом археологии, истории и этнографии, Музейным отделом, Центральным музеем под руководством Академцентра и Института народов Востока РАНИОН и Научной ассоциации востоковедения ЦИК СССР. Средства на проведение экспедиции были выделены Музейным отделом ТНКП (1000 р.) и Институтом народов Востока (1000 р.).

Экспедиция провела разведки и рекогносцировочные раскопки на территории болгарских городищ Биляр и Иски-Казань под руководством А.С.Башкирова, в Казанском кремле под руководством И.Н.Бороздина.

В 1929 г. в течение месяца в республике работала группа научных работников Государственной Академии истории материальной культуры. Они, совместно с работниками Отдела по делам музеев В.В.Егеревым и П.Е.Корниловым, произвели детальный осмотр свыше восьмидесяти памятников в Казани, Болгарах и Свияжске, провели обмеры Ханской усыпальницы в Болгарах и ряда памятников XVI-XIX вв. в Казани.⁶

Результаты проведенных исследований публиковались в «Материалах по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР», который издавал Музейный отдел ТНКП. С 1927 по 1930 г. было издано четыре выпуска «Материалов...».

В апреле 1929 г. Музейный отдел подготовил альбом «Памятники искусства и старины ТССР», в который вошла серия снимков памятников Болгара, Елабуги и Казани. В ноябре того же года была изготовлена вторая серия с 20 снимками

памятников Казани XVI-XIX вв., многие из которых вскоре были уничтожены, в том числе и памятник Г.Державину.⁷

Таким образом, в 20-е годы, несмотря на идеологические ограничения и материальные трудности, в деле изучения и сохранения историко-культурного наследия были достигнуты если не кардинальные, то достаточно заметные успехи. Однако многое из намеченного осуществить не удалось.

С начала 30-х годов условия для дальнейшей работы резко ухудшаются. В 1932 г. был ликвидирован Академцентр, в 1933 г. Музейный отдел ТНКП. Та же участь постигла научные и краеведческие общества, которые стали рассматриваться как «убежища всякого рода ученого хлама, ни в какой мере не желающего служить социалистическому строительству».⁸

Примечания:

¹ Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. — Казань, 1923. — 62 с.

² НА РТ. — Ф.3682. — оп.1. — д.488. — л.6.

³ Абдраштова И.М. Из истории Научного Общества татароведения (1923-1929 гг.) // УЗ КГПИ. — 1975. — Вып.150. — С.101.

⁴ Вестник научного общества татароведения. — 1925. — №1-2. — С.69.

⁵ Вестник научного общества татароведения. — 1930. — №9-10. — С.205.

⁶ Корнилов П.Е. Работа отдела в 1929 году. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. — Казань, 1930. — Вып.IV. — С.11.

⁷ Там же. — С.13.

⁸ ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — оп.2. — д.1224. — л.63 об.

А. Ш. Кабирова
(Институт истории АН РТ)

Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941-1945 гг.

Последние годы XX века были ознаменованы бурным всплеском интереса всех народов, составлявших некогда «единый и могучий» Советский Союз, к своему прошлому, к этнической истории. Шлюзы, открывшиеся после распада крупнейшей державы, дали возможность ученым и публицистам писать о наблевшем, не опасаясь грозного окрика со стороны Идеологического отдела бывшего Центрального комитета КПСС, до последнего времени неустанно отслеживавшего все публикации на общественно-политические темы.

Татарский народ, также как, впрочем, и другие, вплоть до середины 80-х гг. был обречен на строго дозированное изучение своей истории в рамках официальной идеологии. Именно поэтому вне поля зрения ученых оставались вопросы этногенеза татарского народа, некоторые аспекты истории Казанского ханства, Золотой Орды и др. В настоящее время идет активный процесс воссоздания подлинной истории татарского народа. Наряду с разработкой ранее запрещенных тем ученые переосмысливают и канонизированные периоды истории, при освещении которых существовали жесткие идеологические штампы и стереотипы. К таким относится и период войны 1941-1945 гг.

В данной статье предпринята попытка с новых позиций рассмотреть один из максимально политизированных в советское время вопросов военной темы, а именно воздействие властных структур на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в этот период.

Смертельная угроза, нависшая над страной, заставила руководящие государственные органы пересмотреть многие аспекты идеологической работы, проводившейся среди населения в довоенный период. Жесткий диктат и контроль становились теперь неприемлемыми. Особенно это было актуально для национальных регионов.

Жизнь в условиях тоталитарного режима, с его жестокостью, безнравственностью и подозрительностью, не могла пройти для них бесследно. Люди хорошо помнили проведенную «бешеными темпами» индустриализацию, насильственную коллективизацию, с большим размахом осуществленную ликвидацию «врагов народа».

Начало войны, отмеченное крупными поражениями Красной Армии, явственно показало, что необходим новый патриотический подъем у населения страны, который заставил бы граждан забыть об обидах и мобилизовал бы силы для общей борьбы против фашизма. В условиях, когда речь фактически шла уже о самом существовании государства как такового, сталинское руководство решило поступиться некоторыми принципами и принять ряд мер во имя достижения благой цели. Предпринятые шаги в целом можно было бы охарактеризовать даже как ослабление идеологического и политического контроля в стране. Определенная эволюция режима наблюдалась во всех сферах, но особенно наглядно она проявилась в общественно-политической и культурной жизни народов.

Достаточно сказать, что в военные годы большое значение стало придаваться росту национальных кадров во всех учреждениях советской системы, повышенное внимание уделялось продвижению лиц коренной национальности в руководящие структуры. Так, именно в военный период (в 1944 г.) впервые в истории Татарстана первым должностным лицом республики стал татарин — З.И.Муратов, хотя ранее место первого секретаря Татарского Обкома ВКП(б) по традиции оставалось за русскими.

Высшая законодательная и исполнительная власть также была представлена лицами татарской национальности. Председателем Президиума Верховного Совета ТАССР все годы войны являлся Г.А.Динмухаметов. В должности председателя СНК ТАССР работали С.Х.Гафиятуллин и С.Шарафеев.

Другой аспект изменения вектора идеологической направленности в государстве отчетливо проявился в области религиозной политики. Он состоял в сближении с русской православной церковью, а также в урегулировании отношений с исламским духовенством. Для татарского народа последнее имело особо важное значение. Мусульманскому населению

республики было позволено ходить в мечети, проводить необходимые ритуалы, отправлять религиозные потребности. В Национальном архиве Республики Татарстан хранится значительное количество документов, в которых жители татарских деревень обращаются к руководящим органам с просьбой разрешить открытие зданий мечетей, переставших функционировать в разгар атеистической кампании. С подобным ходатайством к Г.А.Динмухаметову обратились, например, старики дер.Старое Ибрайкино Аксубаевского района, дер.Кулмаксы Н.Шешминского района, дер.Н.Челны Алькеевского района и др.¹

Смягчение форм идеологического контроля наиболее благоприятно отразилось на деятельности татарской интеллигенции. Многие писатели, поэты, композиторы, которые до войны вынуждены были писать в стол, получили возможность публиковаться. Главным и единственным критерием для них стала патриотическая направленность произведений. Литераторы с официального разрешения властей вспомнили о «давно забытых» пластах истории, в том числе о периоде существования могущественного государства Золотая Орда, возродили героический образ Идегея, сохраненный в сокровищнице татарского народа. Использование неразрешенных ранее тем и сюжетов выражало стремление национальной интеллигенции найти в них новое звучание для темы патриотизма.

Однако не следует абсолютизировать условия для самореализации, предоставленные в военные годы татарским деятелям культуры и искусства. В идеологическом контексте «священной войны» преобладающими все же оставались ценности русской культуры, и воспитание советского патриотизма осуществлялось в большей степени на примерах из русской истории. Уходящие на фронт войска должны были вдохновляться образами Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова и др. В речах Сталина и всего политического руководства страны доминировала мысль, что именно русский народ является первым среди равных и потому несет на себе основную тяжесть военных действий. В этой связи для национальных регионов более предпочтительными считались темы, раскрывавшие истори-

ческие связи русского и других народов, их совместную борьбу против угнетателей или чужеземных захватчиков.

В то же время ослабление идеологического контроля вовсе не означало реального «отпущения вожжей». Вопросы агитационной, пропагандистской работы не сходили с повесток дня заседаний партийных и советских органов. К тому же, инициированные самим руководством попытки «свободного творчества» татарской интеллигенции уже к концу войны были сведены к нулю.

В целом, сосуществование противоположных, противоречащих друг другу тенденций в культурной жизни народов накладывало своеобразный отпечаток на деятельность национальных писателей, художников, композиторов. Наряду с произведениями т.н. «высокой» идеологической направленности, в годы войны смогли пробить себе дорогу работы, подвергшиеся запрету в послевоенный период усиления сталинской цензуры. Явления относительной, дозированной «свободы» в культуре и искусстве, абсолютно не типичные для советского режима, с его установками строгого контроля за всем и вся, продолжали сохраняться вплоть до 1944 года, когда окончательно стало ясно, что ход войны переломился в пользу Советского Союза.

Рассмотрим проявления указанных тенденций на конкретных примерах.

Война тяжело отразилась на литературной жизни татарского народа. Система бронирования могла бы позволить сохранить лучшие творческие силы. Однако сталинское руководство не обременяло себя подобными заботами. Весь цвет татарской интеллигенции был призван на фронты войны. Только в течение первого года войны половина состава Союза писателей Татарстана — 25 человек из 53 — были мобилизованы.² В жестокой военной мясорубке погибли М.Джалиль, Ф.Карим, Н.Баян, А.Алиш, М.Мустафин, Г.Нигмати, А.Баттал и многие другие.

Большая группа татарских писателей — около 15 человек — в 1942-1943 гг. работали в редакциях татарских фронтовых газет, ежеминутно рискуя быть убитыми. Литсотрудниками газеты Северо-Западного фронта «Ватан өчен» («За Роди-

ну») являлись Х.Усманов, Ш.Мударрис; газеты Калининского фронта «Алга, дошман өстенә» («Вперед, на врага») — Ш.Маннур, А.Шамов; в составе редакции газеты 1-го Украинского фронта «Ватан намусы өчен» («За честь Родины») работали А.Ерикей, Р.Ишмурат, М.Садри.³

Писателям, оставшимся в тылу — К.Наджми, Т.Гиззату, Ф.Хусни и др., вменялось в обязанность расширять связи с массами, выезжать в районы, устраивать литературно-художественные вечера, читательские конференции, выступать в печати и по радио. Кроме того, следовало заниматься и собственно литературным трудом, создавая произведения пропагандистского характера.

Для татарской прозы военных лет характерны малые формы: очерки, рассказы. Значительное развитие получил жанр боевой публицистики. Наибольшей известностью в годы войны пользовались рассказы «Артиллерист Сөлейман» К.Наджми, «Сержант Хайруллин» Г.Баширова, «Кычкы төндә» («В зимнюю ночь») И.Гази, «Марат» Ш.Камала; повести «Разведчик язмалары» («Записки разведчика») Ф.Карима, «Рөстәм мажаралары» («Приключения Рустема») А.Кутуя, «Ялкынлы йөрәк» («Пламенное сердце») Х.Усманова.

Татарская поэзия в военный период была представлена такими произведениями, как «Идел егете» («Сын Волги»), «Партизан хатыны» («Жена партизана») Ф.Карима, «Артиллерист Вагап» Ш.Мударриса, «Хәят апа» К.Наджми.

В области драматургии также был создан ряд новых пьес, самой популярной из которых была работа М.Амира «Миңнекамал», посвященная труду колхозников в годы военного лихолетья.

Таким образом, писатели создавали произведения, в которых, в первую очередь, показывался героизм советских людей на фронте и их самоотверженный труд в тылу. Другие сюжеты военного времени были не востребованы сталинской пропагандой и, более того, чреватые последствиями для самих писателей. А потому оставались за бортом трагические страницы войны, страдания и лишения людей, судьбы военнопленных и т.д. Проявлять творческую инициативу разрешалось только до определенных пределов. Вместе с тем, если бы не было

упомянутой эволюции в идеологической сфере, в военные годы не могли бы появиться такие произведения, как «Идегэй», «Тартар иле» («Страна Тартар») Ш.Маннура, «Йөзек кашы» («Перстень») Ф.Хусни и др., за создание которых татарские писатели вынуждены были расплачиваться впоследствии.

Символом татарской литературы военных лет сегодня по праву считается поэт-герой Муса Джалиль, прославивший себя и татарский народ в цикле стихов «Моабит дәфтәре» («Моабитская тетрадь»), написанном в фашистских застенках. Между тем, вплоть до 1953 г. М.Джалиль и его соратники по борьбе были занесены в «черные списки». К ним были прикреплены ярлыки изменников и предателей. Только после тщательной проверки имени героев были реабилитированы.

К идеологической пропаганде в годы войны было сведено и национальное искусство. Роль художников в развертывании наглядной агитации была весьма велика. Им была поручена работа над политическими плакатами и выпуск «Окон сатиры», которые должны были стать важными факторами идейного воздействия на широкие слои населения. Татарские художники активно участвовали в этой работе. Во многих учреждениях и агитпунктах висели плакаты Б.М.Альменова «Фашизма кровавого сатрапы», «Хлеб — фронту» и др. Художник Р.Ф.Сайфуллин больше работал в сатирическом жанре, создавая плакаты, высмеивавшие фашистских главарей — Гитлера, Геринга, Геббельса. Кроме того, члены объединения «Татхудожник» привлекались к маскировке военных объектов, к работе по оформлению мобилизационных пунктов, госпиталей, художественных выставок.

Продолжалось в военные годы и оттачивание мастерства татарских художников через создание новых полотен. Но, повинаясь велению времени, они писали свои произведения преимущественно на военные темы. Д.Г.Булат создал картину «Подразделение героя Советского Союза Батыршина в штыковой атаке», Г.А.Рахманкулова — «Портрет Саразеевой, матери фронтовиков». В станковой скульптуре работал известный татарский мастер С.С.Ахун, выполнивший две значительные скульптурные композиции «Ләгънәт!» («Проклятье!») и «Жиңу»

(«Победа»). Баки Урманче, в военные годы проживавший в г.Алма-Ата, написал такие полотна, как «Возвращайтесь с Победой», «В госпитале», «Портрет снайпера Афанасьева».

Следует отметить, что, несмотря на отдельные попытки татарских художников не потерять своего лица и продолжить заложенные в предвоенные годы традиции, татарское изобразительное искусство пострадало в военный период весьма ощутимо. Не вернулись с поля боя уже сформировавшиеся мастера и молодежь, только начавшая свой путь в искусстве и потому полная творческих планов. В годы войны погибли на фронтах Н.К.Валиуллин, Г.Я.Мусин, Р.Абзалиев, Л.Зиятдинов, Ф.Сайтов и многие другие. Военная тема надолго стала определяющей в творчестве тех художников кому посчастливилось остаться в живых — Х.А.Якупова, М.У.Усманова, Л.А.Фаттахова. Лишь по прошествии некоторого времени они смогли обратиться к другим сюжетам. Из всех видов искусств, пожалуй, именно татарское изобразительное искусство дольше других не могло оправиться и встать на путь дальнейшего развития. Во многом, это было связано с кадровой проблемой.

Татарское музыкальное искусство в военные годы также было призвано выполнять социальный заказ, воодушевляя людей на новые ратные и трудовые подвиги. Часть татарских композиторов сразу же была мобилизована. На фронтах войны сражались Х.Абдулменов, Х.Валиуллин, М.Латыпов, И.Шамсутдинов, Ф.Яруллин. Оставшиеся в тылу создавали произведения на оборонную тематику.

Как и в других видах искусства, в начальный период войны композиторы больше внимания уделяли малым формам, песням и маршам. Часто исполнялись такие песни, как «Ватан өчен» («За Родину!»), «Сугышка, иптэшләр» («На войну, товарищи») на музыку М.Музафарова; «Канга кан» («Кровь за кровь!») Дж.Файзи. Большую популярность в военные годы приобрели марш «Родина» для симфонического оркестра и Суворовский марш для духового оркестра С.Сайдашева; походный марш Дж.Файзи; марш для симфонического оркестра М.Музафарова.

Военные годы, тем не менее, не вызвали застоя в творчестве татарских композиторов. Их деятельность отличало разнообра-

зие жанров, обращение к крупным музыкальным формам. В годы войны были написаны оперы Н.Жиганова «Илдар», «Түләк»; М.Музафарова — «Зөлхәбирә»; балеты Н.Жиганова «Фатыйх», «Зөһрә». Более того, в этот период татарская музыка была озаменована появлением нового жанра — музыкальной комедии. Композитор Дж.Файзи создал две музыкальные комедии: «Башмагым» в 1942 г. по либретто Т.Гиззата и «Акчарлаклар» («Чайки») в 1944 г. по либретто А.Файзи. Первая из них до сих пор присутствует в репертуаре оперного театра.

В политической мобилизации на отпор врагу руководящими структурами были задействованы все возможности культурно-просветительных и зрелищных учреждений. Музеи, библиотеки, дома культуры проводили выставки, тематические вечера. Радио и кино делали передачи патриотического характера. С большой нагрузкой работали театральные коллективы. На спектаклях Татарского академического театра зрители сопереживали героям, пытались забыть о своих собственных проблемах и тревогах. В этих условиях партийным органам оставалось лишь бдительно следить за репертуаром театров, умело направляя игру артистов в нужное русло.

А репертуар татарского театра в первый период был весьма далек от того, что желали бы видеть аппаратчики. Актуальных пьес на тему Великой Отечественной войны не было. Для глубокого осмысления происходящих событий необходимо было время. Тогда театр стал возрождать довоенные постановки на оборонные темы. Только в январе 1943 г. в Татарском академическом театре была подготовлена и поставлена первая татарская пьеса на тему Отечественной войны — «Мэрьям» Н.Исанбета (режиссер Ш.Шамильский), рассказывающая о героизме советских людей на фронтах войны. Через год, в апреле 1944 г., татарский театр поставил пьесу «Миңнекамал» М.Амира (режиссер Х. Уразиков).

Патриотическая тема стала преобладающей и в Театре оперы и балета. В военные годы были поставлены оперы татарского композитора Н.Жиганова «Илдар» (либретто М.Джалиля), «Алтынчәч» (либретто М.Джалиля) и «Түләк» (либретто Н.Исанбета).

Одним из самых знаменательных событий в истории Театра оперы и балета явилась премьера 12 марта 1945 г. первого татарского балета «Шүрәле» Ф.Яруллина (либретто А.Файзи), готовившегося к постановке еще перед войной. Первый национальный балет до сих пор является лучшим произведением этого жанра в татарской музыке.

Требованием времени в военный период стало продолжение работы по подготовке новых национальных кадров для татарских театров. Необходимость растить новую смену была слишком очевидной. Поэтому в 1944 г. при поддержке партийных органов был возобновлен прием студентов в Казанский театральный техникум, открыты татарская студия при Московском институте театрального искусства им. Луначарского, студия вокалистов для татарской оперной группы при Московской консерватории им. П.И.Чайковского, студия хореографии при Татарском театре оперы и балета.

Большую заинтересованность партийное и советское руководство страны проявляло к работе ученых-гуманитариев и преподавателей вузов. Именно здесь открывалось широкое поле деятельности для идеологической пропаганды. Согласно предписанным установкам, татарские историки и филологи в своих устных и печатных выступлениях должны были поднимать моральный дух советских людей, вселять в них уверенность в победе, показывать славные исторические традиции русского и других народов. Но, к сожалению, вышеобозначенные традиции по-разному понимались учеными и представителями руководящих структур. А потому татарским историкам в годы войны были поставлены в вину «ошибки националистического характера».

В системе высшего образования большое внимание уделялось политическому воспитанию юношей и девушек в «правильном» направлении. С этой целью в программу обучения был включен курс «Великая Отечественная война Советского Союза», введено преподавание политической экономии.

Всего в военные годы в Татарстане насчитывалось 13 вузов. В 1943 г. в них обучалось 9355 человек, причем татар — только 914, что составляло 10% от общего числа студентов.⁴ Низкий процент татарской молодежи, поступавшей в

высшие учебные заведения, вызывал неудовольствие Татарского обкома ВКП(б). На одном из заседаний бюро, рассматривавшего состояние высшего образования в республике, отмечалось, что малое количество татар среди студентов является «следствием безответственного отношения директоров вузов к набору татарской молодежи, предоставивших это дело самотеку. Директора вузов добиваются выполнения плана набора вообще, не приняв специальных мер к привлечению татарской молодежи.»⁵ В заключение обком требовал усилить профориентационную работу среди татар.

Видимо, такого рода решения призваны были скорее поднять авторитет местных партийных органов, проявляющих показную заботу о росте национальных кадров, чем рассчитаны на реальное изменение ситуации. И, тем не менее, впервые за советское время, в военные годы, а именно в 1944 г., в составе историко-филологического факультета КГУ было открыто специальное отделение татарского языка и литературы.

Вместе с тем, идеологические послабления, имевшие место в годы войны, оказались весьма непродолжительны. Как только впереди забрезжила Победа, власти с прежним рвением взялись за «закручивание гаек». В отношении татарского народа явственно проявилась жесткая линия, направленная на его духовное порабощение, уничтожение национальной истории и культуры. Она нашла свое отражение в принятом Центральным Комитетом ВКП(б) постановлении 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нем местные партийные органы фактически были обвинены в преувеличенном внимании к национальному фактору, выразившемуся, согласно документу, в том, что «Татарский обком передоверил идеологическую работу в области истории Татарскому институту языка, литературы и истории, неудовлетворительно руководил работой писателей и деятелей искусства, не организовал работы по идейно-политическому воспитанию интеллигенции» и т.п.

В критической форме в постановлении предписывалось «организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьез-

ные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Эдигее)...»⁶.

Таким образом, под запретом оказались целые пласты истории и культуры татарского народа. Из программ вузов, средних школ в срочном порядке были изъяты упоминания о Золотой Орде и эпосе «Идегей». Малейшие попытки отклонения татарской интеллигенции от официальной идеологии сразу же объявлялись национализмом и жестоко карались.

Примечания:

¹ НА РТ. — Ф.Р-3610. — Оп.5. — Д.5. — Лл.1, 7, 12.

² Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. — Казань, 1977. — С.222.

³ Айнутдинов А.К. Летопись подвига: Исторический очерк по страницам фронтовых газет. — Казань, 1974. — С.8.

⁴ ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — Оп.5. — Д.717. — Л.72.

⁵ Там же. — Л.73.

⁶ Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.): Документы и материалы. — М., 1961. — С.226.

*А. Г. Галямова
(Институт истории АНТ)*

К вопросу об истоках борьбы за повышение государственного статуса ТАССР в 50-70-е гг. XX в.

В период хрущевской оттепели стало очевидным, что попытки сталинского руководства привить социальный иммунитет национальной интеллигенции репрессивными методами оказались тщетными: «националистические пережитки» были среди них весьма живучи. Определенная либерализация политической жизни страны оживила надежды татарской общественности на смягчение национальной политики. Многие ее представители стали активно выражать обеспокоенность за судьбу развития культуры татар.

Наиболее радикальные требования были связаны с необходимостью повышения государственного статуса ТАССР, и исходили

они от представителей татарской интеллигенции. Как известно, еще до XX съезда группа творческих деятелей республики направила письмо в ЦК КПСС, в котором наряду с вопросами культурного возрождения татар ставилась проблема предоставления Татарстану статуса союзной республики¹. После разоблачительной критики культа личности Сталина, прозвучавшей с трибуны съезда, выступления интеллигенции умножились и усилились.

В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района г. Казани писатель Г.Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику». В 1957 г. писатель Н.Фаттах отправил письма первым лицам государства, включая Н.С.Хрущева, с требованием реорганизации Татарской автономной республики в союзную республику.² Прежде он уже обращался с этим вопросом в высшие инстанции республики, но его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии говорилось в письме Г.Энверова и Ш.Фахрульисламова, написанном также 1957 г. «Литературную газету». В своем послании, под названием «О будущем татарской нации», в одно из самых популярных изданий того времени они, в частности, пишут: «Из-за такого второстепенного признака», как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках».³

Характерно, что во всех упомянутых обращениях, вопрос о повышении статуса республики напрямую связывался с языковой проблемой. Общественность республики прежде всего тревожилась о судьбе татарского языка. Это и понятно, в 50-е г. сфера его применения стремительно сужалась. Быстрые темпы роста промышленного развития приводили к соответствующему росту городского населения в республике. В городах же средством общения на производстве, в учреждениях все чаще становился русский язык.

Во времена хрущевской «оттепели» татарская интеллигенция все громче заявляла о необходимости изменить такое положение

ние. Ради спасения татарского языка многие ее представители предлагали уже в детских садах создать отдельные татарские и русские группы. Популярной в среде татарской творческой элиты была и идея восстановления существовавших в 20-30-е гг. коренизированных групп в вузах, где преподавание осуществлялось бы на татарском языке. Наиболее радикальные представители татарской интеллигенции, в частности Н.Фаттах, предлагали запретить татарам учиться в русских школах.

В атмосфере усиления либеральных тенденций и под воздействием все более настоятельных выступлений интеллигенции в конце 50-х гг. руководство республики принимает ряд мер, направленных на создание более благоприятных условий для развития татарского языка и национальной культуры в целом. В этой связи в первую очередь необходимо сказать о майском 1958 года Пленуме обкома КПСС, на котором было всесторонне рассмотрено состояние развития национальной школы. Пленуму предшествовала тщательная работа подготовительной комиссии, в состав которой входили представители ЦК КПСС. Пленум признал ненормальной тенденцию стремительного сокращения национальных школ. Да и как было это не признать, ведь в 1958 г. в Казани работало только 3 татарских и 17 смешанных школ, 83 % детей татар обучалось в русских школах.⁴ В столице республики татарская школа стала терять свою популярность уже с начала 50-х гг. К концу 50-х гг. значение национальной школы стало быстро снижаться и в других городах и районных центрах республики. Количество детей, обучавшихся в татарских школах, в целом по республике сократилось в несколько раз.

Это очевидно, т.к. взрослое поколение городов, большинство из которых составляли недавние сельчане, испытывавшее немалые трудности из-за плохого знания русского языка, хотело оградить своих детей от подобных проблем. Видя бесперспективность совершенного знания татарского языка, даже многие представители татарской творческой интеллигенции стали обучать своих детей в русских школах. Об этом со всей прямотой сказал К.Ф.Фасеев на известном Пленуме 1958 г., посвященном языковой ситуации в республике. «Получается

интересная картина, — отмечал он, — учителя сами работают в татарских школах, уговаривают других отдавать своих детей в татарские школы, а своих детей учат в русских школах». В подтверждение своих слов он привел пример одной из Агрызских школ, в которой из 39 учителей-татар только двое обучали своих детей в татарской школе.⁵

В период хрущевской оттепели творческая интеллигенция стремилась сполна воспользоваться возможностями, открытыми XX съездом, для возрождения и дальнейшего развития татарской культуры. Пожалуй, наибольшую активность в этом проявляли писатели. Уже в мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Главная тревога писателей выражалась в том, что, как отмечалось в его постановлении, «Таткнигоиздат» за последние годы начинает терять свое лицо, как национальное издательство». План его изданий был пересмотрен в сторону увеличения выпуска литературы татарских писателей.⁶

В писательской среде прямо ставился вопрос о необходимости большей свободы для творчества. Протестуя против его политической инструментализации, известный татарский писатель А.Еники в одном из своих публичных выступлений, подвергнувшись официальному осуждению, высказался против опеки творческих деятелей со стороны партийных органов. «Там, где есть принуждение, искусство погибнет», — утверждал он.⁷ Настойчивыми были в этот период попытки писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи⁸. Его отсутствие напрямую связывалось с неполноценным государственным статусом Татарской республики.

Немаловажным фактором оппозиционных настроений являлось и понимание более низких жизненных стандартов в автономии по сравнению с союзными республиками. Так, заместитель председателя Союза писателей Татарской АССР С.Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение неоправданного ущемления прав местных писателей. «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, — писал он, — гонорар оплачи-

вается на 25 % ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения — ниже на 50 %».⁹

Необходимо отметить, что возможности открыто выражать оппозиционные настроения у советских людей были весьма ограничены даже в период так называемой «оттепели». В частности, те высказывания, которые мы приводили, немедленно вызвали если не негативную реакцию, то, во всяком случае, пристальное и настороженное внимание со стороны властей. К примеру, в письме С.Г.Батыева на имя Н.С.Хрущева по поводу действий, предпринимаемых со стороны Н.Фаттаха, последний характеризуется как общественно пассивный, замкнутый и недостаточно зрелый человек.¹⁰ Подобные характеристики имели вполне определенное влияние на продвижение человека по ступеням профессиональной лестницы, ограничивали его возможности для реализации творческого потенциала.

К началу 60-х гг. по мере того, как все четче проявлялась ограниченность либеральных преобразований в стране, творческих деятелей республики все чаще одергивали «за нездоровые суждения об ущемлении интересов татарского народа», требовали от них демонстративных проявлений приверженности коммунистической идеологии. Так, из докладной КГБ при Совете Министров ТАССР, направленной в 1960 году секретарю Татарского обкома КПСС С.П.Игнатьеву, говорится: «Многие татарские писатели слабо занимаются вопросами овладения марксистско-ленинским мировоззрением, мало проявляют участия в общественных мероприятиях. ... Как деталь, характерно отметить, что в демонстрации трудящихся 7 ноября 1959 года из Союза писателей участвовало всего 3 человека».¹¹ Из приведенной цитаты видно, что активность интеллигенции поощрялась, но только если она вписывалась в рамки коммунистической идеологии. Впрочем, это условие распространялось и на все общество.

Процесс угасания либеральных тенденций отчетливо проявился в республике в 1960 г., когда по настоянию Москвы постановление Пленума обкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ» (май 1958 г.) было признано ошибочным. Новый поворот в развитии национальной культуры со всей очевидностью просматривался в

выступлении Ф.А.Табеева, ставшего в том же году Первым секретарем Татарского обкома КПСС. В связи с отменой постановления он сказал: «Проведение в жизнь этого ошибочного решения могло привести к национальной ограниченности, замкнутости, к снижению требовательности в работе татарских школ относительно глубокого изучения русского языка».¹²

В начале 60-х гг. была свернута работа Терминологической комиссии, активно работавшей в конце 50-х гг. по усовершенствованию татарского алфавита с целью приблизить его к нормам татарского языка. В этот же период был предпринят ряд других мер, направленных против деятельности языковедов, журналистов, боровшихся за чистоту татарского языка, пытавшихся противостоять процессу его искусственного обеднения за счет подмены имевшихся в нем понятий русскими и иностранными терминами. Руководством республики, некоторыми приближенными к нему лингвистами этот процесс расценивался как прогрессивный, своевременный, необходимый для осуществлявшегося в период строительства коммунизма сближения наций.

Однако официальные установки на принижение национального в угоду интернациональному не могли заглушить интереса татар к своей культуре, истории. Об этом свидетельствовали многочисленные письма, обращения в руководящие органы, средства массовой информации. Полное обиды на Казанское телевидение письмо направил в Татарский обком КПСС житель поселка Бавлы С.В.Рахимов. «Мы, телезрители, — пишет он, — не можем утвердительно сказать, что татарская телестудия есть, так как мы не видим никакой ее работы...»¹³. Г.Ширгазин из Казани пишет в «Советскую Татарию»: «Мне 22 года. Люблю культуру своего народа. Почему бы не выпускать художественные фильмы на татарском языке?». А.Сабилов из Набережных Челнов с упреком указывает на то, что национальное музыкальное искусство обречено на забвение. «Другие нации с раннего детства воспитывают у детей любовь к своей музыке», — замечает он.¹⁴ С просьбой о создании газеты «Литература и искусство» и татарской киностудии обращается к властям рабочий Химэнергостроя Г.Хусниев.¹⁵

Имелись и факты недовольства языковой ситуацией в республике. Так, учащиеся Усадского сельскохозяйственного училища в 1961 г. обратились с коллективным письмом в обком КПСС, в котором написали о негативном влиянии перехода к обучению на русском языке на возможность получения татарами специальности. «Желающих учиться на татарском языке зачисляют в русские группы, зачисленные в русские группы товарищи вынуждены бывают бросить учиться и уехать домой... Недопустимо то положение, что человек только из-за незнания русского языка остался неквалифицированным. Этого раньше у нас не было. Только с осени 1960 г. начались такие порядки».¹⁶ Между тем, из письма А.Кацюбы, написанного гораздо позже в газету «Вечерняя Казань», становится понятным, что потребность в знании татарского языка, несмотря на проводившуюся политику, существовала не только у татар, но удовлетворить ее было почти невозможно. «Я прожила в Казани большую часть жизни, — пишет А.Кацюба, — но не умею говорить по-татарски. С величайшим трудом мне удалось раздобыть самоучитель Р.С.Газизова, изданный в 1960 году тиражом 6 тысяч экземпляров. ...С его помощью я усвоила грамматический строй татарского языка, набрала определенный запас слов»¹⁷. Далее читательница просит организовать какие-нибудь курсы, так как, пишет она, «в своем желании научиться говорить по-татарски я далеко не одинока».

Хотя обращения людей в вышестоящие инстанции, официальные органы представляли собой протестную модель поведения, но свидетельствовали о готовности общества к диалогу с властями. Всякий раз, когда появлялась надежда на возможность реальных изменений, особенно заметную активность проявляла татарская интеллигенция. Смена политического руководства в стране в 1964 г. возродила в ней надежду на возможность повышения государственного статуса республики. Татарские писатели вновь стали настойчиво обращаться с этим вопросом в самые различные инстанции. Этот вопрос возник и в связи с принятием Конституции СССР (1977 г.), РСФСР и ТАССР (1978 г.). Однако ни в середине 60-х гг.,

ни тем более в конце 70-х гг., когда брежневско-сусловский консерватизм достиг своего апогея, вопрос о преобразовании ТАССР в союзную республику властями даже не ставился на повестку дня. Взаимоотношения руководства республики и интеллигенции по этому вопросу мастерски показаны в произведении А.Еники «Перед закатом», где он описывает свой диалог с С.Г.Батыевым по поводу целесообразности отправки письма Л.И.Брежневу относительно статуса Татарской республики.¹⁸ В этом фрагменте хорошо видно, что власти республики придерживались позиции профанации, нереагирования на попытки национальной интеллигенции поставить и решить назревшие этнополитические проблемы.

По мере того, как тональность официальной трактовки достижений национальной политики становилась все более радушной, оппозиционные настроения в обществе росли. Правда, они все больше обретали так называемый «катакомбный» характер. Интеллигенция все дальше дистанцировалась от властей, в ее среде складывались неформальные общественные группы со своими, независимыми оценками явлений, культурными пристрастиями, внутренними связями.

Официально утверждалось, что национальный вопрос в Татарстане, как и в целом по СССР, раз и навсегда решен. В развитии межнациональных отношений наибольшей степенью благополучия считалась усилившаяся интернационализация общества. Так, на одном из собраний партийного актива Ф.А.Табеев отмечал: «Хорошая основа для интернационального воспитания в республике имеется. ... У нас каждый производственный коллектив многонациональный, нет обособления по национальной принадлежности, по месту жительства, дети разных национальностей воспитываются в единых детских садах, а посмотрите, сколько у нас межнациональных браков». Расценивание роста многонациональных коллективов, межнациональных браков, как отрадных явлений, было по сути дела признанием прогрессивности русификации нерусских народов. Вот как об этом говорилось в уже упомянутом докладе: «Без великого русского языка мы не могли бы

приобщиться к передовым достижениям науки, техники, решать экономические вопросы на уровне современных требований».¹⁹

В этот же период о национальных проблемах, которые продолжали волновать татарскую интеллигенцию, много и совсем в ином свете говорилось на литературных вечерах, кружках, съездах творческих работников, во время неформальных встреч в кругу единомышленников. В 60-е годы популярными были поездки творческой интеллигенции в Булгар, где у древних святынь острота наболевших проблем ощущалась по-особому, здесь они обсуждались с большей откровенностью. Представители татарской интеллигенции не только говорили об этих проблемах, но и пытались действовать. Так, в 1964-1965 гг. в республике активно действовала неформальная группа, стремившаяся поддерживать национальное самосознание татар, живших за пределами республики, снабжая их татарской литературой, республиканскими газетами и журналами.²⁰

Оппозиционность имела и опосредованный характер, проявлявшийся также в противостоянии многих представителей татарской интеллигенции конформизму в своем творчестве. К примеру, редакция журнала «Казан утлары» часто давала публикации, темы которых не вполне поощрялись властями. В области гуманитарных наук татарские ученые не оставляли своих исследований по проблемам происхождения татар, по воссозданию подлинной картины их исторического прошлого, хотя официально предпочтение отдавалось исследованиям по советской истории и не татар, а Татарской автономной республики.

Как показывает анализ архивных документов, уже само обращение к дореволюционной тематике являлось гражданским поступком, так как вызывало неодобрительное отношение и пристальное внимание соответствующих органов. Так, в одной из справок, составленных на основе проверки тематики исследований в КГУ, говорится: «По имеющимся у нас данным, наряду с положительными моментами, здесь имеются недостатки, особенно в постановке научно-исследовательской деятельности студентов. ... Как выяснилось, значительная часть дипломных работ, выполняемых студентами, относится к иссле-

дованиям дореволюционного периода. Работая над этими темами, студенты самостоятельно изучают статьи из дореволюционных периодических изданий и книги того периода, в которых высказывается немало реакционных, националистических взглядов. Чтение такой литературы при еще недостаточной политической подготовке студентов отрицательно влияет на формирование их научно-политических воззрений».²¹ В справке приводится список студентов, работавших по дореволюционной проблематике, с подробными сведениями о прочитанной ими литературе, а также преподавателей, отличившихся «отрицательными суждениями националистического, антирусского толка». Среди них имена ныне известных в республике ученых Р.Нафигова, А.Каримуллина, Х.Курбатова.

Негативное отношение со стороны властей вызывало даже обращение студентов и исследователей к досоветской тематике, требующей изучения прошлого татарского народа по дореволюционным журналам и книгам, в которых содержались трактовки «чуждого нам мировоззрения». В тот период от гуманистических требовали однозначного показа дружбы народов, прогрессивного влияния роли русского народа, советского патриотизма. Национальный фактор, во многом благодаря творческой интеллигенции не угасавший в общественной жизни республики даже при самых неблагоприятных политических условиях, стал активно использоваться официальными кругами только в конце 80-х гг., когда появилась реальная возможность внести коррективы в отношения с Москвой. Впрочем, эта тема уже иного исторического сюжета... .

Примечания:

¹ Д.М.Исхаков. Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. — Казань, 1997. — С.34.

² ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — О.38. — Ед.хр.196. — Лл.111.

³ Там же. — Ед.хр.191. — Лл.65-67.

⁴ Там же. — О.39а. — Ед.хр.77. — Л.44.

⁵ Там же. — О.39. — Ед.хр.141. — Л.33.

⁶ Там же. — О.38. — Ед.хр.473. — Л.38.

⁷ Там же. — Л.162.

⁸ Там же. — Л.94.

- ⁹ Там же. — О.37. — Ед.хр.378. — Л.53.
¹⁰ Там же. — Ед.хр.196. — Л.112, 113.
¹¹ Там же. — О.41. — Ед.хр.21. — Л.7.
¹² Там же. — Ед.хр.129. — Л.7.
¹³ Там же. — О.7. — Ед.хр.644. — Л.22.
¹⁴ Там же. — Ед.хр.1184. — Лл.14, 16.
¹⁵ Там же. — О.41. — Ед.хр.221. — Л.12-12об.
¹⁶ Там же. — О.42. — Ед.хр.20. — Л.14, 14 об.
¹⁷ Вечерняя Казань. — 1981. — 20 января.
¹⁸ А.Еники. Перед закатом. — Казань, 1996. — С.119-121 (На татар. языке).
¹⁹ ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — О.7. — Ед.хр.4528. — Лл.23, 25.
²⁰ А.Галлямова. Социальный облик Татарстана в 40-80-е гг. // Ислам в татарском мире: история и современность. — Казань, 1997. — С.202.
²¹ ЦГА ИПД РТ. — Ф.15. — О.41. — Ед.хр.21. — Лл.100-102.

Л. В. Сагитова
(Институт истории АНТ)

Идея государственности в интерпретации партии власти и национального движения в Татарстане в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Ключевую роль в процессе восстановления универсума выполняет идеология. Для нас важна исходная позиция авторов теории социального конструирования П.Бергера и Т.Лукмана, которые вслед за К.Мангеймом, утверждают, что «ни одно человеческое мышление не свободно от идеологизирующего влияния социального контекста»¹. Понятие идеологии в нашем исследовании мы используем в его общепринятом значении², которое созвучно утверждению Бергера и Лукмана о том, что «отличительные признаки идеологии скорее обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум³ интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе»⁴.

Русское и татарское общество сосуществовали в течение 70-ти лет в условиях одного общесоветского универсума. Объединение было достигнуто путем отказа от основных

мировоззренческих основ — православия и ислама, общность была обусловлена сложившимся единым экономическим и политическим пространством и функционированием общесоветской «высокой культуры».

Процесс демократизации общества, начавшийся с середины 1980-х гг., способствовал тому, что различные социальные группы получили возможность заявить о своих интересах. В контексте нашего исследования мы выделяем следующие:

- интересы, связанные с переделом властных ресурсов;
- интересы, связанные с переделом государственной собственности;
- интересы, связанные с необходимостью сохранения этнической и культурной самобытности общности;
- социальные интересы: повышение уровня жизни, политическая и экономическая стабильность, реализация гражданских прав.

Все названные группы интересов находятся в сложной системе взаимосвязей. Мозаика взаимосвязей во многом зависит как от характеристик самого общества и его культуры, так и от конкретной политической ситуации, обусловленной взаимодействием различных групп общества.

Как известно, стабильность и прогресс общества зависят от того, насколько властная элита способна сочетать свои собственные интересы, которые не всегда совпадают с общественными, с интересами и потребностями большинства населения. Именно такой разумный баланс помогает обеспечить лояльность граждан своему правительству. Значимую роль в этом процессе играют идеологии, поскольку именно через них артикулируются интересы тех или иных групп. Поэтому по характеру взаимодействия официальной идеологии и других, существующих в обществе, можно судить о степени его демократичности. В плюралистическом обществе конфликт между идеологиями может быть заменен различной степенью терпимости и даже кооперации⁵.

Наряду с выявлением содержания наиболее влиятельных идеологий в Татарстане важно рассмотреть следующие вопросы: какие группы в обществе формулируют эти идеологии? Какова сфера их интересов, и как они транслируются в

зависимости от политической ситуации? Какие социальные группы сочувствуют той или иной идеологии?

Идеологическая жизнь в Татарстане конца 1980-х — начала 1990-х гг. была представлена в основном двумя направлениями: государственной идеологией партии власти и идеологией ее оппозиции, выработанной лидерами татарского национального движения, которое подразделяется на центристское — Всетатарский Общественный Центр (ВТОЦ) и радикальное — партия «Иттифак».

Государственная идеология властной элиты формировалась в борьбе за перераспределение властных полномочий с федеральным центром. Политолог Фарукшин М.Х. выделяет три периода этого процесса:

1. 1990-1991 гг. — повышение политико-правового статуса Татарской АССР до статуса союзной республики;

2. 1992 — октябрь 1993 г. — закрепление особого статуса Татарстана — провозглашение Республики Татарстан субъектом международного права;

3. октябрь 1993 г. — установление шаткого равновесия в отношениях между политической элитой Татарстана и федеральной властью в результате подписания Договора между РТ и РФ 15 февраля 1994 г.⁶

Политический курс партии власти в новых условиях начался с требований большей экономической самостоятельности. Однако с 1988 г. этнический фактор начинает играть перво-степенную роль в качестве аргумента в требованиях большей независимости для республики. Эти требования находили поддержку в широких слоях населения, особенно у представителей титульной национальности. Так, Д.М.Исхаков описывал, как «под давлением «улицы» на октябрьской сессии Верховного Совета было принято Постановление «Об Акте о государственной независимости Республики Татарстан»⁷. Таким образом, часть титульного населения и национальные движения не только поддерживали, но и требовали большей решительности от власти в движении к независимости. Однако объективные условия (интегрированность РТ в экономическое, финансовое, социокультурное пространство России); интересы русских, со-

ставляющих половину населения республики; позиция российского правительства заставляли властную элиту лавировать между унитаристски-настроенным Центром и местными национальными движениями, интерпретировавшими суверенитет как полную внутреннюю и внешнюю независимость государства от России. Эти обстоятельства, наряду с быстро меняющимся политическим контекстом, обусловили формирование идеологии оперативного реагирования. Политический дискурс власти выразился в формуле, высказанной Президентом Татарстана М.Шаймиевым: «В соответствии с Конституцией РТ мы строим полиэтничное, поликультурное сообщество, в котором приоритетным является гражданство, а не этническая принадлежность»⁸.

Двойственность позиции партии власти, выбравшей краеугольным камнем государственного самоутверждения в 1990 г. этнический фактор, получила закрепление в самом первом официальном документе независимого государства — «Декларации о суверенитете», в сформулированном в ней положении о реализации «неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение»⁹.

Зерно противоречий, посеянное де-юре, заявляет о себе де-факто, когда идеологический императив переходит в область выработки практических стратегий дальнейшего развития республики. Глубокий анализ данного противоречия, осуществленный этнологом Д.М.Исхаковым, показал сложность создания единой «высокой культуры»¹⁰ для всего татарстанского общества, не определившего для себя этнического приоритета¹¹. Основной спор возник вокруг определения качественных характеристик сообщества, ограниченного рамками нового государства. Автор статьи считает, что в единое целое его объединяет определенная культура, которая в своей основе имеет культуру этническую, в противовес мнению видного идеолога от партии власти Р.С.Хакимова, полагающего, что именно государство «превращает какую-либо общность людей в нацию», хотя и оговаривает при этом, что «нация и соответствующее государство могут возникнуть только на базе определенной этнической культуры»¹².

По сути противоречие сводится к вопросу: какая же культура — русская или татарская — должна лежать в основании «высокой культуры», являющейся показателем самодостаточности государства как политической единицы (по Э.Геллеру)? Д.М.Исхаков считает, что именно татарская культура способна придать Татарстану свое этнокультурное «измерение», найти свое лицо¹³. Декларируемый официальной идеологией паритетный подход оставляет этот вопрос открытым.

Преимущества идеологии партии власти — в ее быстром реагировании на вызовы времени. Не случайно в период подъема национализма в республике был принят Закон «О языках народов РТ», разработана государственная символика на этнической основе, проведен I Всемирный Конгресс татар, начата разработка концепции национального образования. Эти акции отвечали интересам национальной интеллигенции, титульного населения и с пониманием воспринимались русскими в республике.

После спада национального движения, когда на первый план выдвинулись экономические проблемы, партия власти широко декларировала дистанцированность от российской стратегии «шоковой терапии», проводя политику «мягкого вхождения в рынок». Она находила поддержку среди населения республики. Не случайно уровень его доверия к высшим руководителям Татарстана по данным мониторинговых опросов увеличился с 36,7% (1992 г.) до 41,6% (1994 г.)¹⁴.

Была разработана государственная «Программа экономического и социального прогресса РТ» под руководством Первого заместителя Премьер-министра РТ Р.Муратова. Именно эта Программа в 1996 г. трактовалась некоторыми государственными чиновниками как республиканская идеология¹⁵. Экономические интересы были выделены в качестве главенствующих в идеологиях различных групп элиты в республике, а также депутатом Госсовета РТ, сопредседателем партии Татарстана «Единство и прогресс» — А.А.Колесником. Говоря о том, что единой идеологии в Татарстане, как и в России, не существует, последний характеризовал действующие сегодня идеологии как стратегии интересов различных групп¹⁶. Однако, если принять во внимание его замечание о том, что оппозиционные

правительству партии не способны выполнять роль инструмента в политике именно в силу своей экономической слабости, то основными авторами политической жизни остаются группы в границах властной элиты. Проблема многообразия идеологий сводится к их дифференцированности в рамках одной группы — партии власти. В связи с этим возникает вопрос: насколько интересы данной группы будут соотноситься с интересами широких слоев населения республики?

Стабильность межэтнических отношений на фоне кавказских событий обеспечивает лояльность большинства населения Президенту республики. Но при ухудшении экономической ситуации, как справедливо отметил Фарукшин М.Х., социальная база поддержки властной элиты может сократиться¹⁷.

Уязвимость властной элиты¹⁸ в качестве стратега внутривластной жизни республики политологи связывают с ее номенклатурным происхождением, когда сохраняются традиции по отбору кадров, стилю принятия решений, нетерпимость к инакомыслию. Так, по данным М.Х.Фарукшина, представители бывшей номенклатуры в правящей элите Татарстана составляют 92%¹⁹. По данным Г.М.Мансуровой, проанализировавшей более широкий круг политической элиты республики, их число составляет 59,5%²⁰.

Влияние элиты на национальное возрождение татар представляется интеллигенции и национальных движений оценивается как минимальное, несмотря на то, что 78,1% ее составляют татары²¹. Подчеркивая приверженность своим, корпоративным интересам, Д.М.Исхаков называет ее «вненациональной»²².

Основу содержания национальной идеологии, продолжившей основные принципы идеологических течений (в особенности реформаторского движения «Эсул Джаидит»), татарских интеллектуалов конца XIX — начала XX вв., составили три фундаментальных духовных фактора ее формирования. Это — исламизм, тюркизм и национализм, которые один из современных идеологов татарского национального движения Р.М.Амирханов представляет как «исторические ступени кристаллизации национальной идеи от общемусульманских и общетюркских корней к политизированной форме собственно национального самосознания»²³.

Важнейшей функцией ислама является заполнение идейного вакуума, образовавшегося в результате кризиса советской идеологии. Ислам призван вернуть народу веру в духовные ценности и на их основе воспитывать новое поколение. Тюркизм получает воплощение в единении и солидаризации братских народов вокруг общих интересов и целей. Поэтому татарская национальная идеология включает в себя общетюркские и культурные приоритеты. Конечная цель современной национальной идеологии — реальное наполнение суверенитета татарской нации, которое реализуется в форме государственного суверенитета республики. «Стратегическая цель такого государства, смысл его образования и функционирования — в возрождении и развитии татарской нации, в возвращении татарину чувства полноценности, воспитании национальной гордости»²⁴.

Преимственность современной национальной идеологии и джадидизма проявляется в возобновившемся споре о месте мусульманского Востока и Запада в идентичности современного татарского общества. Проведя анализ программных документов ВТОЦа, «Иттифака» и Милли Меджлиса с точки зрения восприятия Востока и Запада татарскими идеологами, Д.М.Исхаков показал несколько уровней культурных границ. Во-первых, им выделена историческая роль татар в качестве «посредника» между Востоком и Западом. Другая граница проходит внутри самой нации: а) между мусульманами и крещеными татарами; б) между татарами, ведущими западный образ жизни (политическая и интеллектуальная элита, горожане) и теми, что «живут опираясь на Коран, Сунну, Хадисы, законы шариата». Близкая к последней граница обозначена выделением своей формы ислама — «татарский ислам» (евроислам). Еще одна граница — славянский и тюркский мир в рамках евразийской концепции²⁵.

Автор приходит к выводу, что культурные границы реально существуют. Он показывает конструктивистскую роль идеологов в обозначении этих границ, замечая при этом, что они «не в состоянии выйти за пределы граней, заданных культуре исторически. ... Татарские идеологи предпочитают связывать

свой вариант как с тюркским, так и с исламским миром, не забывая в одном случае повернуться лицом к Западу, а в другом к мусульманскому Востоку»²⁶.

Результаты массовых опросов показывают, что деятельность национальных идеологов в какой-то мере выстраивается в соответствии с ориентациями, распространенными в массовом сознании.

По результатам этносоциологических опросов²⁷, в целом татары декларировали ориентацию на восточную культуру чаще, чем на европейскую. А.Д.Коростелев, исследуя культурно-ценностные ориентации, выявил связь культурных ориентаций с социальными характеристиками. Так, существенной оказалась зависимость ориентации на европейскую культуру от уровня образования респондентов, от величины дохода. У татар с получением высшего образования увеличивается ориентация на обе культуры и при этом возрастает доля «направленных на европейскую культуру». Среди молодых респондентов падает доля «направленных на восточную культуру»²⁸. Автор также выявляет связь между типами культурной ориентации и установками респондентов на различные политические ценности. Так, русское население республики с западными культурными ориентациями имеет установки на либеральные политические ценности, в то время как татары с такими же установками ориентированы в равной мере как на восточную, так и на западную культуры. Региональное самосознание сильнее выражено у татар с восточной ориентацией: они в большей степени чувствуют себя гражданами республики и выражают согласие с утверждением — «распоряжение землей, природными ресурсами должно находиться в исключительном ведении республики»²⁹. По данным автора, татары, ориентированные на восточную культуру, чаще высказываются против принятия специальных мер для развития русской культуры в Татарстане (36% по сравнению с 19% среди тех, кто придерживается других культурных ориентаций)³⁰.

Сравнение теоретических оснований двух идеологий помогает увидеть суть их различий. Они находятся в плоскости

определения идентичности Татарстана. Об этом достаточно точно высказался французский исследователь Ж.-Р.Равио: законная политическая власть видит цель в построении «политической (в форме государства) общности, отличающейся от всей России, до сих пор находящейся под влиянием советской модели. Национальные движения нацелены, в основном, на политическое воссоздание татарского общества»³¹. В связи с этим этнический фактор для властвующей элиты являлся средством достижения цели, в то время как оппозиция воспринимала его как самоцель.

Активный состав национальных движений образовала национальная творческая и гуманитарная интеллигенция. Она выступила как слой, способный сформулировать и выразить потребности титульного населения республики в сохранении и развитии национальной самобытности и культуры. Как показывает анализ идеологии и программ национальных партий, этническая элита пытается восстановить преемственность современного татарского общества с дореволюционным и продолжить стратегию интеллектуалов конца XIX — начала XX вв., направленную на достижение самодостаточности татарской нации. Однако существует несколько обстоятельств, мешающих этому стремлению. Первое связано с проблемой функционирования национальной культуры в индустриальном обществе. Индустриализация в советском государстве проходила в условиях господства общесоветской «высокой культуры». Это обстоятельство привело к двум последствиям: 1. Национальная культура остановилась в своем развитии, лишившись функциональной значимости в обществе. 2. Наиболее мобильная часть татар, интегрированная в индустриальные сферы, является в большинстве русскоязычной и для нее затруднен доступ к национальной культуре. По результатам социологического исследования, проведенного в вузах Татарстана, свыше 65% студентов-татар считают, что они знают язык своей нации только на уровне разговорного языка, либо не владеют им вообще; 74,2% студентов-татар редко или никогда не читают литературу и периодику на родном языке³².

Другая сторона проблемы связана с изменением социально-экономических и политических условий. Если до революции татарское общество состояло из локальных традиционных общин, представлявших собой замкнутую социальную структуру, то сегодня это — преимущественно индустриальное общество, с богатой мозаикой советских, западных, этнических ценностей. Политические реалии таковы, что Татарстан, обретая суверенность и оформившись как самостоятельное государство, получил в качестве сограждан и тех русских, что проживают на его территории. Следовательно, государство обязано учитывать и их интересы.

Именно эти ключевые моменты — изменившиеся характеристики татарского общества и интересы русских — не в полной мере учитываются идеологами радикальных национальных движений, сконцентрированных в большей мере на этнокультурных проблемах татарского общества.

Идеология партии власти пробуксовывает в поиске основания для объявленной ею «татарстанской нации». С другой стороны, объективная невозможность быстрой реанимации национальной культуры, восстановление которой требует как финансовых, интеллектуальных затрат, так и продолжительного времени, мало принимается в расчет национальной интеллигенцией, упрекающей властную элиту в равнодушии к национальным проблемам.

Одним из направлений нашего исследования было рассмотрение того, как показанный выше спектр идей находит отражение в республиканской прессе, какие темы и образы наиболее близки читательской аудитории. Результаты контент-анализа показали, что идеологемы национального движения были представлены в СМИ намного интенсивнее, чем идеология власти. Идеи равенства русских и татар в республике, необходимости построения взаимовыгодных отношений Татарстана с Центром, подчеркивание роли Татарстана в утверждении принципов федерализма в противовес унитаристским тенденциям в России, роли «некоего локомотива для российской демократии»³³ звучали, как правило, со страниц газет в выступлениях представителей власти, приуроченных к различным датам: Дню респуб-

лики, Дню Конституции РТ, дате подписания Договора о разграничении полномочий между РТ и РФ.

Круг тем, выносимых на обсуждение национальной интеллигенцией, намного шире и богаче по содержанию. Соединение рационального, эмоционального, логического и психологического начал несло в себе большой потенциал убеждающего воздействия на аудиторию.

По-разному определяемая партией власти и национальными движениями государственность Татарстана получила отражение в конкуренции символов. Учрежденный правительством День Республики воспринимается лидерами национальных движений как продолжение советской традиции официальных празднований, в то время как члены правительства РТ трактуют его как символ достижения независимости Татарстана³⁴. День памяти погибшим защитникам Казани при завоевании Казанского ханства Иваном Грозным, учрежденный татарским национальным движением, стал своего рода альтернативой, демонстрирующей истинность интересов татар, стремящихся к независимости.

Для нас было важным узнать отношение к этим датам наших респондентов (опрос 1997 г.)³⁵. На вопрос об отношении к Дню республики 77% татар отметили, что это нужный праздник, причем одна часть воспринимала его просто как выходной день, другая же — как символ самостоятельности республики. 13% — ответили, что им «все равно» (в основном, это сельчане, которые не отдыхают, так как этот день, — 30 августа приходится на период страды). И 10% ответили, что этот праздник не нужен. У русских, соответственно, ответили — 54%, 37% и 9%. Основной аргумент несогласных состоял в том, что сегодня общество переживает трудные времена и необходимо быть экономнее.

Чтобы определить отношение респондентов к Дню памяти, мы спрашивали татар, испытывают ли они чувство сожаления по поводу утраты их предками государственности в 1552 г. Это чувство испытывают 33% опрошенных, 43% — не испытывают сожаления, 15% — не задумывались об этом. Среди воспринимающих потерю государственности татарами

как утрату большая часть — социально-активные сельчане и горожане первого поколения.

Вопрос о желательности восстановления компактного проживания татар должен был выявить ориентацию на изоляционизм. Надо отметить, что такой опыт проживания у татар был до революции 1917 года. Утвердительно ответили 3% татар, 88% — не согласились, причем одна часть объясняла свое мнение объективными условиями: сегодня это сделать невозможно, даже если бы и хотелось; часть татар чувствует себя вполне комфортно и в существующих условиях; часть опрошенных расценила такую форму как сегрегацию; 3% ответивших — безразличны к этой проблеме.

Проводя исследование, наряду с разграничительными факторами мы ставили задачи выявить точки совпадения в установках и ориентациях русских и татар, проживающих в Республике.

Опрос респондентов показал значимость такого фактора, как стабильность в регионе. Представители двух этнических групп оценивают личность Президента М.Шаймиева как гаранта межнационального согласия в Республике. 93% татар и 92% русских высказали мнение, что политика Президента Республики выражает интересы и русских, и татар. Эти данные коррелируют с результатами этносоциологического опроса «НИК». Несмотря на общую тенденцию недоверия властным структурам, сопоставление степени доверия к Президенту РФ и Президенту РТ показало, что 42,1% русских в Республике считают, что М.Шаймиев лучше других выражает интересы народа, 11,6% — назвали Б.Ельцина. 63,4% татар отдали предпочтение татарстанскому Президенту, 3,5% — российскому³⁶.

Осознание региональных интересов также стало объединяющим моментом для русских и татар Республики. За высокую степень децентрализации (в опросе 1997 г.) высказались 66% татар и 50% русских. За сильное централизованное российское правительство, соответственно 12% и 26%.

Идеологии, как теоретически сформулированные стратегии общественного развития, являются значимыми составляющими

жизни общества. Становясь частью объективной реальности, они показывают влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Анализ взаимовлияния новых идеологий и общественного сознания в изменяющемся татарстанском обществе показал, что детерминанта разделения или консолидации основных этнических групп (русских и татар) складывается из множества факторов.

Исследование показывает, что наибольший потенциал разобщения несет национальная идеология в своем крайнем, радикальном выражении (идеологемы партии «Иттифак», радикальных лидеров национальных движений, направленные на изоляционизм). Объединяющими идеями для русских и татар республики стали: стратегия партии власти и национальных движений центристского направления на мирный диалог с Москвой и межэтническое согласие в Татарстане; понимание русскими необходимости возрождения национального языка и культуры татар.

Примечания:

- ¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М.: «Медиум», 1995. — С.22.
- ² Под идеологией понимается система взглядов, идей, выражающих коренные интересы больших общественных групп: народов, классов, обществ, социальных движений. См.: Энциклопедический социологический словарь /Общая редакция Г.В.Осипова. — М., 1995. — С.207.
- ³ «Универсум» — понятие, используемое П.Бергером и Т.Лукманом, — включает в себя как систему знания в рамках одного общества, так и его институциональный порядок. См.: Социальное конструирование реальности. — М.: «Медиум», 1995. — С.80, 151-170.
- ⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. — С.201.
- ⁵ Там же. — С.203.
- ⁶ Фарушкин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. — 1994. — № 6. — С.76.
- ⁷ Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997. — С.153.
- ⁸ Доклад Президента РТ М.Шаймиева на сессии Государственного Совета РТ «Татарстан на пути политических и экономических

реформ. Итоги и перспективы» // Республика Татарстан. — 8.08.96.

- ⁹ Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990-1993 гг. — Казань, 1993. — С.4.
- ¹⁰ Термин, используемый Э.Геллером, обозначает обладающую своей письменностью, основанную на образовании, гарантированную государством культуру. См.: Геллер Э. Нации и национализм. — М.: «Прогресс», 1991. — С.23.
- ¹¹ Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. — 1995. — №1-2.
- ¹² Там же. — №1. — С.55-56.
- ¹³ Там же. — №1. — С.57.
- ¹⁴ Фарушкин М.Х. Указ. соч. — С.74.
- ¹⁵ Из экспертного интервью, взятого автором у заведующего сектором межнациональных отношений при Аппарате Президента РТ Фокина А.В. 10.02.97.
- ¹⁶ Из экспертного интервью, взятого автором у депутата Госсовета РТ Колесника А.А. 4.02.97.
- ¹⁷ Фарушкин М.Х. Указ. соч. — С.74.
- ¹⁸ Под властной элитой (партия власти) мы понимаем ту часть политической элиты, которая непосредственно влияет на принятие политико-управленческих решений.
- ¹⁹ Фарушкин М.Х. Указанное сочинение. — С.70.
- ²⁰ Мансурова Г.М. Динамика ротации политических элит РФ и РТ (начало 90-х г.г.) // Республиканская научно-практическая конференция «Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия». — Казань, 1995. — С.52.
- ²¹ Фарушкин М.Х. Указ. соч. — С.69.
- ²² Исхаков Д.М. Проблема становления... — С.140.
- ²³ Амирханов Р.М. Татарская национальная идеология: история и современность // Панорама-форум. — Казань. — №1. — 1996. — С.27.
- ²⁴ Там же. — С.28-29.
- ²⁵ Исхаков Д.М. Проблемы становления ... — С.178-189.
- ²⁶ Там же. — С.188.
- ²⁷ Коростелев А.Д. Европейские и восточные культурные ориентации. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М., 1997. — С.121, 123.
- ²⁸ Коростелев А.Д. Указ. соч. — С.121, 123.
- ²⁹ Там же. — С.124-127.
- ³⁰ Там же. — С.129.
- ³¹ Равио Ж.-Р. Национализм в Татарстане: его типы // Идель. — 1994. — №7-8. — С.50-51.

³² Фарушкин М.Х. Указ. соч. — С.72

³³ Республика Татарстан, 6.11.96.

³⁴ Казанские ведомости, 9.08.96; 10.08.96.; 28.08.96.

³⁵ Авторский проект «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане» (1996-1998 гг.), осуществляемый при поддержке Фонда Дж. и К.Маккартуров.

³⁶ Мусина Р.Н. Республика Татарстан: межэтнические отношения, этничность, государственность // Суверенитет и этническое самознание: идеология и практика. — М., 1995. — С.166.

Я. С. Вайда

(Институт истории АНТ)

Договорное регулирование федеративных отношений между Россией и Татарстаном

В последнее время неоднократно стали звучать обвинения в адрес договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в том, что их заключение якобы грозит целостности России и превращает ее в конфедерацию, что они являются неконституционными.

Между тем, возможность заключения таких договоров прямо предусмотрена Конституцией Российской Федерации. Часть 3 статьи 5 Конституции РФ предусматривает, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов, равноправии и самоопределении населяющих ее народов. Часть 3 статьи 11 Конституции РФ указывает на то, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договора-

ми о разграничении предметов ведения и полномочий. Конституционное разграничение предметов ведения и полномочий осуществлено статьями 71 и 72 Конституции Российской Федерации. В этих статьях установлены перечни предметов исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Статья 73 Конституции РФ определяет, что по всем остальным предметам ведения субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Помимо всего вышесказанного, процесс разграничения полномочий основывается также и на других статьях Конституции Российской Федерации — ст.66 ч.4, 5; ст.76; ст.78 ч.2, 3; ст.85 ч.1; ст.125 ч.3.¹

Заключение договоров и соглашений — это не нововведение России. В мировой практике существует множество государств, которые строят взаимоотношения со своими субъектами на основе договоров (соглашений). Заключение договоров (соглашений) предусмотрено конституциями Австралии, Австрии, Германии, Канады, Мексики. Так, например, статья 91b Конституции ФРГ устанавливает, что федерация и земли могут действовать сообща на основе соглашений о планировании образования, а также поддерживать учреждения и проекты в сфере научных исследований, значение которых выходит за региональные рамки. Распределение расходов регулируется соглашением.² Конституция России закрепляет, на наш взгляд, более гибкую систему взаимной передачи осуществления части полномочий, которая впервые была использована в Федеративном договоре. Она обеспечивает реальное разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами, а также возможность оперативного регулирования федеративных отношений посредством договоров. Договоры о разграничении предметов ведения и полномочий внесли огромный вклад в развитие и совершенствование федеративных отношений в Российской Федерации и в обеспечение государственного единства и территориальной целостности.

Первым таким договором стал Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан. Он заметно отличается

от последовавших договоров.³ Это связано с тем, что Республика Татарстан не подписала Федеративный договор, и референдум по принятию Конституции Российской Федерации на территории Татарстана не был поддержан населением республики — в нем приняло участие всего менее 15% избирателей. Фактически республика оказалась вне правового поля России.

Статья I Договора указывает на приоритет Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан и Договора. К ведению органов государственной власти Республики Татарстан, в отличие от других республик, отнесено осуществление помилования лиц, осужденных судами Республики Татарстан. Органы государственной власти Российской Федерации осуществляют единое правовое регулирование по всем остальным вопросам.

Статья III Договора отличается от статьи 72 Конституции Российской Федерации, регулирующей совместное ведение органов государственной власти России и Татарстана. Так, к совместному ведению отнесены следующие вопросы: защита суверенитета и территориальной целостности; общие и коллизионные вопросы гражданства; координация ценовой политики; проведение денежной политики; координация деятельности по вопросам геодезии, метеорологической службы, исчисления времени; арбитраж; координация управления общими: энергетической системой, магистральным железнодорожным, трубопроводным, воздушным и водным транспортом, связью, информационными системами.⁴

Рассматриваемый Договор уникален, он имеет свои особенности, выделяющие его из массы других договоров. В этом документе речь идет не о передаче полномочий федеральным центром республике сверху вниз, а об их разграничении. Он, как и российско-башкортостанский договор, является межгосударственным, предусматривает не только разграничение полномочий, но и их делегирование. Указанные договоры носят учредительный характер. Необычность российско-татарстанского состоит также в том, что в нем закрепляются ассоциированные (объединенные) отношения Российской Федерации и Республики Татарстан.⁵

Договор между Россией и Татарстаном направлен на дальнейшее развитие федеративных отношений в России. Не нарушая принципа равноправия субъектов Федерации, такие договоры могут способствовать сближению и усилению сотрудничества двух ветвей власти — федеральной и региональной.

Следует признать, что в Договоре был заложен компромисс, который снял напряжение в отношениях РФ и РТ, дав пример цивилизованного решения проблем государственного строительства. Особенно важно то, что он не закрывал дорогу к совершенствованию подобных отношений.

Согласно Договору, Татарстан правомочен устанавливать отношения с субъектами Российской Федерации, самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность, участвовать в международных отношениях и в деятельности международных организаций.⁶ Он положил конец многолетней дискуссии, суть которой заключалась в вопросе — могут ли субъекты Российской Федерации быть представлены в качестве самостоятельных субъектов международных отношений? Многолетний опыт зарубежных стран показывает, что это довольно-таки распространенное явление в международной практике.

Республика Татарстан обладает ограниченной международной правосубъектностью. Тем не менее, республика имеет большие права на выход на международную арену, что очень важно для развития ее экономики и культуры.

В Договоре между РФ и РТ имеются свои недостатки, выражающиеся в противоречивости отдельных положений, юридических коллизиях. Так, например, подписавшие Договор должностные лица руководствовались, как сказано в преамбуле, Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан, иначе говоря двумя противоположными по своей направленности Основными Законами. Еще более одиозно звучит статья I, согласно которой «разграничение предметов ведения и взаимное делегирование полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан осуществляются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и настоящим Договором». Парадокс состоит в том,

что обе Конституции по-разному разграничивают предметы ведения, и в этом отношении опираться сразу на оба эти документа равносильно сидению на двух стульях.⁷

Отдельные положения Договора также выходят за рамки конституционного законодательства Республики Татарстан и Российской Федерации, что само по себе затрудняет оценку конкретных нормативных актов.⁸

Особо следует отметить юридически неграмотные попытки поставить Договор между РФ и РТ от 15 февраля 1994 г., который был заключен между представителями исполнительной власти, выше Конституции РФ, Конституции РТ, а также федерального и республиканского законодательства.

Слабой стороной подписанных между представителями исполнительной власти федерального центра и Республики Татарстан Договора и соглашений является и то, что они в определенной части не выполняются. Так, например, по Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Татарстан о разграничении полномочий в области внешнеэкономических связей к исключительному ведению Республики Татарстан отнесено создание свободных экономических зон на территории республики. Но как создавать такие зоны, если важнейшие вопросы, связанные с их организацией (освобождение не только от республиканских, но и федеральных налогов, таможенное и валютное регулирование, визовый режим и др.), относятся к компетенции федеральной власти?⁹

Несмотря на вышесказанное, Договор снимал все противоречия и остроту ситуации во взаимоотношениях между Россией и Татарстаном. Если бы он не был подписан, то ситуация в Татарстане могла бы развиваться по чеченскому сценарию.

Опыт осуществления Договора между Российской Федерацией и Республикой Татарстан доказал свой прагматизм, способность влиять на прогрессивное развитие Федерации в целом и конкретного, экономически и политически подготовленного к этому региона. Потенциал заложенных в Договоре политических и правовых норм, свобод и обязательств весьма значителен.

Заключение столь масштабного договора по коренным проблемам обустройства Федерации, подобных которому не было в истории России, доказало принципиальную возможность цивилизованного решения противоречий между Центром и регионами. Татарстаном были предложены действенные способы децентрализации управления экономикой на основе 12 подписанных соглашений, регулирующих межгосударственные отношения в различных областях общественной жизни. В соответствии с Договором, к числу предметов ведения республики был отнесен широкий круг полномочий.

Тем не менее, на уровне как федеральной, так и региональной власти, в научных кругах и в средствах массовой информации не прекращаются споры о роли и месте двусторонних договоров в строительстве новой российской государственности. Неоднозначность суждений и оценок политических деятелей и ученых во многом проистекает из разного понимания сути происходящих процессов. Одни видят в договорной практике средства углубления конструктивного сотрудничества различных уровней и ветвей власти, реализации базовых интересов сторон, эффективный способ учета особенностей и различий регионов во взаимодействии с федеральным центром. Другие усматривают в этом препятствие для строительства демократического правового государства, реальную опасность, а то и неизбежность распада Федерации, или превращения ее в конфедерацию.

По нашему глубокому убеждению, договорный процесс выступает мощным фактором, стабилизирующим ситуацию в российском обществе. Он способствует созданию федеративных отношений в соответствии с интересами ее субъектов.

Опыт взаимодействия федеральных и татарстанских органов государственной власти на основе Конституции РФ, Конституции РТ, на базе действующего между ними Договора, при всех его недостатках, противоречивости отдельных положений, юридических коллизиях договорной практики, позитивен, так как опирается на объективные тенденции развития современного федерализма — ответственность субъектов, их солидарность,

обеспечение территориальной целостности, общего экономического и политико-правового пространства, соблюдения и гарантирования основных прав и свобод человека и гражданина, уважения прав народов и наций, этнических меньшинств, других групп населения.

Заключенные республиками договоры работают, укрепляют согласие и единство сторон. Лишь на их базе можно сформировать такое правовое пространство, которое будет укреплять целостность Российской Федерации. Поэтому вопрос о денонсации договоров или об отказе от них, на наш взгляд, означает не что иное, как возврат к прошлому, к унитарному устройству России.

Примечания:

- ¹ Конституция Российской Федерации. — М., 1997.
- ² Современные зарубежные конституции. — М.: МЮИ, 1992. — 286 с.
- ³ Федеральное конституционное право России // Основные источники. — М.: Изд-во «НОРМА», 1996.
- ⁴ Белая книга Татарстана: Путь к суверенитету. 1990-1995. — Казань, 1996.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Фарушкин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. — Казань: Изд-во КГУ, 1998. — С.159-160.
- ⁸ Правовой статус Республики Татарстан. — Казань, 1996. — С.23-24.
- ⁹ Фарушкин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. — Казань: Изд-во КГУ, 1998. — С.162-163.

Секция III.

Отражение идеи государственности в татарском народном творчестве и литературе.

Р. М. Надиев (КДУ)

Әкиятләрдә татар дәүләтчелеге тарихы

Татар әкиятләре «йомак», «хикәя» дип тә аталган. Бу сүзләр әкиятләренң тулы төшенчәсенә аңлатма бирәләр: «йомак» сүзе табышмак мәгънәсен белдерә. Икенче төрле әйткәндә, әкияттәге мәгънәне уйлап ачып бирергә кирәк; «хикәя» сүзе булган хәлне белдерә (урис телендә дә «әкият» сүзе «сказки — булган хәл» дип әйтелә). Әкияттә истә калдырылган вакыйганы да ачарга мөмкинчелек калдырыла дигән сүз.

Әкиятләрдә чагылып калган, татар дәүләтчелегенә кагылышы тарихи вакыйгаларны ачыклап карыйк.

1. Кобрат ханга багышланган әкияттә хакимдар, үлем алдынан себерке алып: «Сез аерым яшәсәгез, себеркенең чыбыгы сыман жиңел генә сындырылачаксыз. Ә себеркенең бөтенен сындырып булмый», — дип улларына әйткән. Ягъни «аерылганны аю ашар» хакындагы фикерне житкерә.

2. Төрки-татар дөньясында картларны ихтирам итеп, «аксакал» дип атыйлар. Чөнки далада яшәп, тормышта жыелган тәжрибәне истә калдырып барган, зәгыйфьләнгән аксакал, гыйлемен яшь буынга сөйләп, акыл өйрәткән.

Янәшә утрак тормыш алып барган күрше халыкларда белемне китапларга теркәп бару мөмкинчелеге булганга, картларга ихтирам күрсәтеп тормыйлар. Мәсәлән, урыс халкы

«бабай тебя заберет» дип балаларын куркыта, ә фарсы әкиятләрендә атасын үтерү гамәле дә тасвирлана, телендәге төшенчәләргә игътибар итсәк, аңлатма сүзлекләрдә андый гамәл «педар коши» дип шәрехләнә.

Фарсы халкы кайбер чорларда төркиләр белән идарә итеп, үз гамәлен индергән. Бу гамәл һәр төрки халыкның әкиятендә чагылыш тапкан. Шунда падишаһ бер заман: «Картлар жәмгыятькә кирәкми, аларны үтерергә кирәк», — дип боера. Ләкин берәү, үз әтисен үтермичә, аның киңәше белән күп кенә мәсьәләләр чишә. Бу хәл ачыклангач падишаһ, хатасын танып, боерыгынан баш тарта. Шулай итеп төркиләр әкият аша яшьләргә, нинди генә сәясәт булмасын, картларга карата ихтирам индерә.

Төркиләр арасында фарсыларга иң якын булган үзбәкләр, ачыктан-ачык бу фикерне уздыра алмыйча, әкиятен икенче төрләрәк тәмамлый. Әкиятнең соңгы өлешендә, гәүһәр ташын судан алып биргәндә, егет агач башына менә. Патша: «Син ниңә агачка менәсең?» — дигәч, ул: «Тирәнрәк чумарга», — дип жавап кайтара. Егет, атасының тормыш тәҗрибәсенә таянып, өстенлеген күрсәтеп, патшаны үтереп, үзе түрәлеккә утыра. Бу әкиятләрдә төрки-үзбәкләр үз нәселеннән булган картларга гына ихтирам тәрбияли.

3. Иванушка белән Василиса әкиятләрендә (урис халык иҗатында) татар белән урис халкы аралашуы чагылып бара [3, 5]. Монда Василиса «Вәсилә» исемле татар кызы булып чыга.

1) Кощей әкиятендә өчәү катнаша: Иван, Кощей һәм Василиса. Билгеле булганча, урис телендәге «щей-чей»га кушымчалы сүзләр төркидән кергән (мәсәлән: кощей, казначей, кормчий, зодчий). Кощей-кошчы мәгънәсен тикшереп алыяк¹. Урис әкиятендә дә Кощей — дәүләт башлыгы. Шулай итеп, бу версиядә Кощей татар ханы була. Аны тергезеп карыйк. Мәсәлән, 18 яшендәге бер татар егете урис авылына яsak җыярга килгән, ди... Бөтен авыл дер калтырап, шул егетне сүгеп, булган малын аннан качырып йөри. Янындагы 5-10 яшьтәге, тормышны эзрәк аңлый башлаган урис баласында бик көчле тәэсир калдыра. Бу бала аны дөньяның хужасы итеп күрә башлый. Соңыннан инде бу татар егетенең дәрәжәсе

Э.Турнерелли гравюраларынан

Казан суда язгы ташу

Елан тау монастыре.

үсеп, ул тәэсир ныгый бара. 45-ләрдә шул урыс үлеп бара, ди, ә теге яsak җыярга килгән татар егет кенә әле². Чыннан да, бу урысның баласына инде 20-25 яшьләр була, Иван исемле оныгы туа, ә татар түрәсенә 55 яшьләр. Ул алар өчен мәнге яшәүче булып күренә башлый (Кощей Бессмертный).

20-25 яшьлек Иван-онык ир-ат булып житешкәндә Кощей-кошчы-хан «мәнге яши торган» 70 яшьлек карт була. Иван, Кощейга каршы чыгып аны үтергәндә, башта сандыгын вата. Кощейны төрки-татар итеп күрсәк, Иван аны байлыгынан мәхрүм итә. Аннары Иван кошны үтерә — Кощейны эш коралыннан мәхрүм итә. Кошчы карт, гомере узып барганга, бу югалтуларга әлләни игътибар итми. Шуннан Иван, йомырканы ватып, түрәнең нәселен корыта кыра. Монда инде Кошчы, нәселе кырылып баруына борчылып, сәбәбен эзли башлый һәм соңарып кына таба. Бу дөньяда мескен картны мохите генә саклый. Иван әкияттә игла-әнәне сындыра. Татарның «өн» дигән сүзе «игла — тимер энә» генә түгел, ул татарның «рухи кабы» мәгънәсендә дә кулланыла. Шулай Иван картның өнен-рухын сындырып, бетерәм, дип уйлый. Бу каралган версиянең иң көчле йомгаклау ноктасы булып чыга.

2) XVI гасырда татарга кагылышлы булган сәясәи вакыйгаларны «Иванушка-дурачок» әкиятләрендә күзәтеп була. Шунда күренгәнчә, патша Юләр-Иванны төрле сәяхәтләргә жиберә. Юләр-Иван алдалапмы, урлапмы, талапмы, очраклы рәвештә

түрәлеккә утыра. Монда Касыйм ханлыгының түрәсе Шаһгали белән Явыз Иванның уртаклыгы күзәтелә.

а) Төрле чорда татар халкы түрәлеккә ханнарны чакыртып куйган да, куып та чыгарган. Шуңа ике арада бәкләр шурасы идарә иткән. Берәр бәкне үтергәндә, калганнары дошманга каршы сугыш алып барган. Үтерелгән ыруг башлыгы яңадан сайланган. Шуңа күрә Казан халкын урыс күп башлы Елан Тау дип күргән.

Урыс дәүләтенң гербларына күз салсак, анда Казан белән Мәскәү үзара сугышта булганы күрсәтелә: Казан гербы — аждаһа, Мәскәү — Георгий Победоносец аждаһаны үтерә. Урыс дәүләте Казанны «Змей Горыныч-Елан Тау» итеп күрсәтә.

«Елан-Тау»га каршы сугыш урыс әкиятендә күзәтелә. Бу әкиятләрдә сугыш су буенда, тау башында торучы Елан-Тау сарае янында була. Көнбатышта Казан янында Казан-суда Елан-Тау (Зилантова гора) бар. Казан каласы бөтен яктан күлләр һәм елгалар белән сакланган. Язгы ташуларда, йә Идел буйлап баскыннар Казанга килгәндә казанлылар Казансу аша булган жинел күперләргә сүтеп куйган. Бер генә, йөк ташый торган калын сәүдәгәрләр күпергә кала торган булган. Шуңа күпергә һәм юлны Елан тау саклаган. Дошман сугышны «калын күпер-калинов мост» янында Елан тауда башлаган.

«Три царства: медное, серебряное, золотое» дигән урыс әкиятендә бакыр дәүләткә жир асты аша кергән чагылып китә. Тарихта билгеле булганча, Казанны алганда жир астынан казып кереп диварларын шартлатканнар. Шулай ук, Казан ханлыгы бакыр дәүләт булган. Казан ханлыгында бакыр эшкәрткәннәр. Урыс патшалары-кенәзләре, төрки дәүләтләргә каршы сугыш алып барып, Алтын Урда дәүләтенә дә ия була.

Иван Грозныйның көч белән Казанны жиңә алмаганы билгеле. Алдалап, суны бозган. «Змей Горыныч» әкиятендә дә, суны алмаштырып, Елан Тауны көчсез калдырып кына жиңә алган. Соңыннан, каланы яулагач, Иванушка Елантаудагы сарайны йомарлап куеп, үзенң баш каласында аны тергезә (Явыз Иван, Казанны алгач, хан сараен бөтереп, Мәскәүдә Василий Блаженный соборын төзи), Вәсиләне дә алып китә (татар телендәге «Сөембикә» гарәпчә «Вәсилә» була).

б) Татар бу тарихи вакыйгаларны Чура батыр бәетендә саклап калдырган. Анда Казанның отылуына ике сәбәп әйтелә:

— Дивар шартлап ишелгәч, Чура батыр Казансуга ташланып батып үлә (Румын татарлары версиясендә);

— Чура батырны жиңә алмыйча, урысларның янына маржаны жибәрәп, Чура батырдан бала тудырлар да Казанга каршы гаскәр белән жибәрәләр. Чура батыр, баласына каршы чыга алмыйча, суга ташланып батып үлә («Чура батыр» // Идел журналы, №12, 1994).

в) 1552 елны өч көч бәрелеше булды:

— Казанны саклаган мөселман татарлары;

— керәшен урыс гаскәрләре;

— тәңгрече касыйм татарлары.

Алда атап чыккан истәлекләрдә ике көчнәң генә уйлары чагылып бара. Кая соң Касыйм ханлыгы, нугай-бәк татарларының истәлекләре?

Урыс гаскәрләре белән бер сафта булган тәңгречеләр истәлекләргә бер төрләрәк күргәндер. Димәк, татар телендә булган «Змей Горыныч»ка охшаган әкиятләргә игътибар итәргә кирәк.

«Таң батыр» әкиятендә «Змей Горыныч» әкиятендә кабатлана:

— өч ханлык карала (Бакыр — Казан, Көмеш — Көмеш татар дөнъясында киң таралган булган, Алтын — Алтын Урда, Дәште-кыпчак);

— Таң батыр жир астынан Бакыр ханлыкка килеп керә;

— хан кызын алып китә (Сөембикәне);

— Казанны көч белән жиңә алмыйча, халкын агулап баса;

— бер туганнары алдалый («урис-гүсе» дигән сүз латын телендә «хәйләкәр, алдакчы» була).

Искәрмәләр:

¹ Төрки ханнар-әмирләр кош белән йөргән. Түрә бөркетне һавадан ауда да, яуда да хужага хәбәр биргән. Шуңа күрә урыслар патша тажына да ике башлы бөркетне куйганнар.

² Татар-урис әкиятләрендә игътибар иткәнчә, урысның гомер озынлыгы 40-45 яшь, татарның — 70 тән артык.

Әдәбият:

- ¹ Русско-персидский словарь «ШАРАФ» /Сост. Шарафетдин Кахремани. — Тип. «ЭГДАМ», 1932. — С.718.
- ² Персидские сказки. — М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
- ³ Русские народные сказки. — М.: Изд-во «Худ. Литература», 1990.
- ⁴ Самтаров Г. Татар исемнәре сүзлеге. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1991.
- ⁵ Хадиев Р.М. Народные сказки — алгоритмы в жизни // Международная конференция. Языки, духовность, культура и история тюрков: традиция и современность. 9-13 июня 1992 г. — Т.2. — С.152-155.
- ⁶ Татар халык әкиятләре. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1994.

Р. Ф. Исламов

(Тел, әдәбият һәм сәнгать институты)

Алтын-Урда һәм мәмлүк-кыпчак Мисыры: мәдәни багланышлар

Урта дингез бассейнында барлыкка килгән мәгълүм тарихи вакыйгаларга бәйле рәвештә XIII йөзгә икенче яртысында мәмлүк-кыпчак Мисыры һәм Алтын Урда дәүләтләре арасында дипломатик мөнәсәбәтләр урнаштырыла¹. Нил буе хөкемдарлары тәкъдиме белән башланган әлеге якынаю ике мәмлүкәтнең сәяси тормышына гына түгел, ә андагы халыкның матди һәм рухани хәятларына да сизелерлек тәэсир-йогынты ясаган.

Ибне әл-Форат һәм әл-Мәкьризи язганча, солтан әл-Калаун Кырымда (Солхатта) мәхет төзү чыгымнарына 2000 динар акча, анда үзенең дәрәжәләрен ташка уеп язучы өчен остасын һәм буялулар жибәрә². Алтын Урдага сәяхәтте вакытында Ибне Батутта әлеге корылмаларны күреп, анда туктала³. Шунысын да билгеләп үтәргә кирәк, бинаның төп ишеге өстендәге язулар — соңга таба Шәрәкь белгечләренең өйрәнү объекты⁴.

Кыпчак даласында туган, соңыннан Мисыр хөкемдары булган солтан Бәйбарс, үзенең исемен мәңгеләштерү һәм асыл ватанының данын күтәрү ниятеннән, хан рөхсәте белән, Кырымда зиннәтле мәчет төзетә⁵.

Үз чиратында Алтын Урдадагылар да бурычлы булып калмаса тырышканнар. Әл-Гъәйни язмаларыннан күренгәнчә,

андагы мөхтәрәм шәех һәм табиб Галәддин ән-Ногман Йөрсәлимгә барып гыйбадәтханә кордырырга теләк белдерә. Әлеге гамәлне тормышка ашыру өчен, Үзбәк хан аңа күп кенә микъдарда алтын бирә. Ләкин бу изге ният бик үк уңышлы тәмамланмый⁶.

А.Ю.Якубовский, үзе археологик казыну эшләре вакытында юлыккан табылдыкларга аерым алганда керамиканың кайбер төрләренә нигезләнеп, Сарай шәһәрәндә башка төбәкләр белән беррәттән Мисырдан да осталар килеп хезмәт куйганлыкларын раслый⁷.

Татар гамәли сәнгате белгече Ф.Х.Вәлиев билгеләгәнчә, Болгардагы Алтын урда чоры корылмаларында мәмлүк-кыпчак архитектурасы чалымнарын табарга мөмкин⁸. Шундый ук кызыклы фикерләр Н.Г.Халитов хезмәтләрендә да бар.⁹

Ике ил арасында зур дәрәжәдә гаилә элементләре урнаштыруга ирешү фактлары да игътибарга лаеклы. Мәсәлән, Бәркә хан үзенең кызын солтан Бәйбарска кияүгә бирә. Соңгысының улы, ягъни тәхет варисы Сәгыйд Мөхәммәд әнисе ягыннан булган бабасы хөрмәтенә янә Насыреддин Бәркә хан исеме белән дә мәгълүм¹⁰. Алтын Урда житәкчеләге әлеге мәсьәләдә тагын бер адым ясыя. Алар солтан әл-Мәлик ән-Насыйр Мөхәммәдкә Чыңгыз хан нәселеннән булган Тулынби исемле кызын ярәшәләр һәм аларны өйләндерүгә ирешәләр. Дөрес, әлеге вакыйганың азагы бик үк күңелле булмый.

1338 елда Алтын Урдадан Мисырга барган илчелек аркылы Үзбәк хан шул ук ән-Насыйр Мөхәммәдтән кызын үзенең бирүен сорап хат күндерә. Ләкин солтанның гаилә кору яшендәге кызы булмау сәбәпле, ул эш башкарылмый калына.¹¹

Чыганақлардан күренгәнчә, мәмлүкләр асыл ватаннарыннан Мисырга үзләренең горейф-гадәтләрен дә алып килгәннәр. Мәсәлән, идарәчеләр берәр сәбәп белән халык алдына яки сәйранга чыккан вакытларда сакчы гвардия һәм музыкантлар магул традицияләре нигезендә төзелгәннәр; чалма урынына түбәтәй, өскә озынча жилән кию гадәти күренешкә әверелә.

Алтын Урдада Мисырдагы кебек чалма һәм киң чапаннан йөри башлыйлар¹². Гарәп тарихчыларының язмаларында Искәндәрия шәһәре фабрикаларында эшләнгән затлы тукумаларның булуына аеручы басым ясала¹³.

Туклану мәсьәләсенә килгәндә исә, Нил буенда ризык сыйфатында ат ите куллану, кымыз эчә башлау шулай ук Идел ягыннан килеп керә¹⁴.

1069-1070 елларда караханилар дәүләтендә Йосыф Хас Хажиб Баласагуни тарафыннан ижат ителгән «Котадгу белек» («Бәхет белеге») дигән дидактик этәлекле әсәрнең гарәп хәрәфләрендәге бер күчәрмәсе 1896 елда Мисырда табыла. Әлеге күчәрмә Идел белән Нил арасындагы мәдәни багланышларны ачыкларга ярдәм итүе ягыннан фәндә янә бер кат әһәмиятле. Аның беренче битендәге язмалардан күренгәнчә, китап солтан ән-Насыйр Мөхәммәд мәмлүкләреннән берсе, башта дөвадар, аннан соң Хәләб һәм Траблуста наиб, ахырда дәүләт гаскәренең баш житәкчесе Гыйзетдин Айдәмир милкендә булган¹⁵. Аның вафатыннан соң, ядкяр солтан ән-Насыйр Насыйреддин әл-Хәсән идарәсе вакытында меңбашы вазыйфасын башкаручы Илбога әл-Хассаки әл-Чиркәси карамагына күчә¹⁶.

Заманында «Котадгу белек»нең Идел-Урал буйларында яратып укуланлыгы, каләм ияләренең ижади эшчәнлекләренә өлгә булганлыгы мәгълүм¹⁷. Әсәр текстындагы аерым өзекләренә хәтта төрле жиһазларга күчәрәп язганнар. Мәсәлән, 1909 елны Сарайчыкта археологик казу эшләре алып барганда табылган балчык чүлмәккә уелган бәетләр моны ачык раслый¹⁸.

Дөрәс, ул чүлмәктәге шигъри юлларга сүзгә-сүз үк тәңгәл килеп бетмәсә дә, татарлар һәм кайбер башка төрки халыкларда шуңа бик яқын мәкальләр бар. Танылган язучы һәм галим Н.Исәнбәт үз вакытында бу турыда хезмәтләрендә язып та чыккан. Аерым алганда, ул бу мәкальнең Баласагуни тарафыннан халыктан алынган булуы, яисә аны башлап шагыйрь ижат итеп, соңыннан халыклашып китү ихтималын белдерә¹⁹.

Билгеле булганча, Алтын Урда укымышлысы Бәркә Фәкыйһ үзенең шигърьләрен «Котадгу белек» тәәсирендә, аннан үрнәкләр алып язган. Г.Т.Таһиржановның тәфсилле тикшеренүләреннән күренгәнчә, Идел бие шагыйрәнең кулында Баласагуни әсәренең нәкъ менә Нил тарафында табылган күчәрмәсе булганлыгы ачыклана. Шуңа күрә галим әлеге нөсхәне Мисырга Бәркә Фәкыйһ алып бармадымы икән дигән урынлы сорау куя²⁰.

Истамбулда Ә.З.Вәлиди тарафыннан табылган «Нәһжел-фәрадис» («Ожмахларның ачык юлы») күчәрмәсенә дә килеп чыгышын Ә.Н.Нәжип Алтын Урдага, ягъни Идел буена яки Кырымга нисбәтән аңлата²¹.

Үзара мәдәни багланышлар турында сүз алып барганда, дини мәсьәләләргә житди игътибар бирелгәнлеге ачыклана. Чөнки ике мәмләкәт арасында дипломатик мөнәсәбәтләр урнаштырылган вакытка Каһирә өч йөз елдан артыкка сузылган бай тарихлы мөселман цивилизациясе үзәге була. Алай гына да түгел, һулагу илхан 1258 елда Багдадны яулап алып, соңгы габбаси хәлифә әл-Мөнтәгъсине (1242-1258 еллар) үтергәч, солтан Бәйбарс 1261 елда мәрхүмнең туганы әл-Мөстәнсыйрны Мисырга чакырып китерә һәм мәмләкәтгә хәлифәлек оештыра (1261-1517 еллар). Шуңа күрә Мисыр хөкемдарлары Сарай хакимиятенә ислам динен рәсми кабул итүенә тәәсир ясауны да төп максатларының берсе итеп куялар. Шул сәбәпле Нил буеннан Иделгә баручы илчеләр арасында еш кына дин эшлекләләре, хосусан мөселман хокукы белгечләре, казыйларның булуы гайре табигый түгел.

Солтан Бәйбарсның сәркәтибе Мөхиәддин Әбелфазыйл Габдуллаһ бине Габделзаһир, әмир һәм дөвадар Рөкнеддин Бәйбарс әл-Мансури әл-Мисыри һәм ән-Нөвәйри язмаларына караганда, илчеленең башка кыйммәтле бүләкләр арасында Госман Коръәнән дә алып баруы баян ителә²².

Каһирә профессоры Әмин әл-Холи үзенең хезмәтендә, тарихчы М.Рәмзи китабына нигезләнеп, заманында Сәмәркандтан Петербургка китерелгән Госман Коръәнә әлеге нөсхә булу ихтималын белдерә²³. Әмма ул Изге китап белән яқыннан танышкан Ш.Мәржани, А мәгърифәтчеләр Ф.Шебунин, Р.Фәхреддин, Г.Мәгази аның оригинал булмыйча, фәкәть күчәрмәләренә берсе икәнән генә тәкъдир итәләр²⁴.

Тарихчылар Рөкнеддин Бәйбарс, ән-Нөвәйри, әл-Мәкъризи, әл-Мөфаззал бине Әбелфазыйл, әл-Мәкъризи хезмәтләреннән күренгәнчә, һулагу илханга ярдәмгә жиһәрелгән Бәркә хан гаскәре, ике арада житди низаг чыгу сәбәпле, соңгысының әмере буенча Мисырга китә һәм анда ислам динен кабул итә.

Мәмлүкләр хакимиятенең әлеге юнәлештә алып барган эш-ләрә нәтижәсез калмый, әлбәттә. Бәркә хан белән бергә, халкының күбесе ислам динен кабул итә. Мәгълүм булганча, ханның хатыны Жижәк тә мөселманлыкка күчә һәм аның өчен чатырдан мәчет кордыртылуы билгеле.²⁵ Ә Төдәмәнге 1283 елда Мисырга барган илчелек аркылы үзенә мөселманча исем бирүен, хәлифә һәм солтан байраklarын жиберүен үтенеп хат күндерә.²⁶

Танылган сәяхәтче Ибне Баттута Алтын Урдада булган вакытында күргәннәрен тасвирлаганда, анда ислам диненә бәйле байтак күренешләренә язып калдырган.²⁷

Әл-Гъәйни язмаларыннан күренгәнчә, Үзбәк хан тәхеткә утырганда аңа ислам диненә чыгу шарт итеп куела. Ул моны үти һәм көненә биш тапкыр намаз уку өчен мәчет төзетә.²⁸

Чыганақлардан билгеле булганча, Мисыр галим-голәмәсе еш кына кыпчаклар иленә, ә Алтын Урданың фикер ияләре Мисырга сәяхәт итеп торганнар.²⁹ Алар белән бергә ике тарафка гыйльми хезмәтләр, әдәби әсәрләр күчкән. Мәсәлән, Мәхмүд ибне Әхмәд ибне Муса «Омда әл-кари фи шәрех «Сахыйх әл-Бохари» («Бохариның «Дөрәс жыентыгы»на шәрехләр») дигән китапның кереш өлешендә аны 1397 елга кадәр үк Сарайга алып барганлыгын һәм анда аңлы кешеләр арасында мәгънәсен төшендерүдә берничә шәех ярдәмендә үзенә теләгәнә ирешүе турында язган³⁰. Мисыр илчелегенә 1323 елда Сарайдан, бик күп бүләкләр белән бергә, солтанга хокук буенча «Жамигъел-усул фи әхәдисер-рәсүл» («Пәйгамбәр хәдисләренә төп нөсхә жыентыгы»), Рәүянең «Китабел-бәхер» («Бәхер турында китап» китапларын жиберүне үтенеп язылган хат алып кайтуы мәгълүм.³¹

Ике дәүләт арасындагы мәдәни багланышларны үстерүдә хәрби һәм башка төрлө һөнәр ияләре дә билгеле дәрәжәдә өлеш керткәннәр. Шундый шәхесләрдән, мәсәлән, Әмин әл-Холи үзенә китабында Аргун наибне һәм электә солдат булып хезмәт иткән Хәлил ибне Кикләди әл-Алаины күрсәтә.³²

XIV йөз азақлары — XV йөз башларында Алтын Урдада ижтимагый-сәси хәлләрнең кискенләшүе бу дәүләттән фикер ияләре, галим-голәма, әдипләренә Нил буйларына күпләп күчеп китүләренә сәбәп була. Аңлашыла ки, шул рәвешле Мисырдагы кыпчак факториясенә мәдәни яктан роле шактый үсеп китә.³³

Нисби тәхәллүсеннән күренгәнчә, Идел буе мәркәзендә житлеккән мөселман хокукы белгече, мантыйк һәм сәнгатьле сөйләү остасы Мәхмүд ибне Фәттаһ әс-Сарай берара Сүриядә яши, аннан соң Каһирәгә килә, анда ул «әл-Саргатмышия» мәдрәсәсендә укуыта.³⁴

Кырым казыеның улы Дия ибне Сәгъдуллаһ ибне Мөхәммәд әл-Кырымда да Мисырга килеп, үзенә тормышын яхшы гына корып жиберә. Ул башта «әл-Бәйбарсия» мәдрәсәсендә мөдирлек итә, «әш-Шәйхуния»дә эшли, аннан соң солтан әл-Әшраф мөктәбәндә житәкче була³⁵. Сәнгатьле сөйләү буенча дан алган әлеге зат «Шәехләр шәехе» дигән мактаулы дәрәжәгә ирешә.

Сарай шәһәрәндә үсеп, калган гомерен Мисыр жирендә уздырган гыйлем ияләреннән янә берсе — Мәүланәзадә буларак билгеле Шиһабеддин әс-Сарай. Ул үзенә туган төбәгеннән киткәч, башта Сүриядә фән белән шөгыйльәнә. Аннан соң Каһирәгә килеп, «әз-Заһирия»дә хәдисләр буенча дәресләр алып бара. Ахырдә ул «әс-Саргатмышия» мәдрәсәсендә укуыта³⁶.

Гарәп телен мөкәммәл белгән, фикъһе нигезләре, фәлсәфә һәм тыйб буенча мәшһүр галим Әбүмөхәммәд бине Котлыгшаһ бине әс-Сарай Иршадеддин туган яқларыннан мәмлүкләр дәүләтенә шактый өлкәнәйгәч килә. Ул анда галимнәргә остазлык итә, «әс-Саргатмышия» мәдрәсәсендә дәресләр бирү белән мәшгуль була³⁷.

Башы даими рәвештә калтырап тору сәбәпле «әл-Мортагыйш» дигән кушамат алган Әбүәхмәд бине Мөхәммәд бине Габделмөәмин бине әл-Кырымда Рөкнеддин, асыл ватанында озақ еллар дәвамында фикъһе гыйләме буенча эшләгәннән соң, Каһирәгә барып урнаша. Ул анда «әл-Әһәр»дә укуыта, әл-Бохариның мәгълүм хезмәтенә шәрехләр яза, казый вазыйфасында абруй казана³⁸.

Идел буеннан Нил тарафына китеп күп хезмәт куйган галимнәрдән Әбүәхмәд бине Мөхәммәд бине әс-Сарай Галәведдин байтак илләрдә йөрәп, 1386 елда Каһирәгә килә һәм анда солтан Бәркук төзеткән «Бәйн әл-Касрайн» дигән мәдрәсәдә хәнәфи мәзһәбе турында дәресләр бирә. Ул фикъһе, сәнгатьле уку, стилистика фәннәреннән яхшы белгечләренә берсе була.³⁹

Иранның мәшһүр шагыйре Сәгъди Ширазиның «Гөлстан» әсәре буенча шактый вакытлар эшләгәнә өчен «әл-Гөлстани»

дигән нисби тәхәллүс алган Әбу әс-Сана Мәхмүд бине Габдуллаһ бине әс-Сараи әл-Гөлстани Бәдреддин үз иленнән киткәч, Багдад, Димәшкь якларында яши. Аннан соң Сүриягә бара, анда «әз-Заһирия» һәм «әл-Әсадия» мәдрәсәләрендә хезмәт күрсәтә. Соңрак Каһирәгә күчә һәм «әш-Шәйхуния», «әс-Саргатмышия»да белем бирү белән шөгыйльәнә.

Танылган фикъһе галиме Әбүибраһим бине Мөхәммәд бине Исмағыйль бине Ибраһим әл-Кырыми Борһанеддин тумышы белән Кырымнан. Әмма кечкенәдән Мисырга китерелгән һәм анда үсеп, бөтен гомерен шул жирлектә үткәргән. Ул гаскәр казые дәрәжәсенә күтәрелгән⁴⁰.

Ике шәһәр атамасын үзенең нисби тәхәллүсе итеп алган Мәхмүд ибне Габдуллаһ Әбү әт-Дин әс-Сараи әл-Каһирәви исемле фикер иясе дә — Мисырга күчеп килгән галимнәр арасында абруй казанучыларның берсе. Ул гарәпчә, фарсыча һәм төркине яхшы белүе белән аерылып торган⁴¹. Шулай итеп, Алтын Урда һәм мәмлүк-кыпчак Мисыры арасындагы дипломатик мөнәсәбәтләр ике дәүләт арасындагы мәдәни багланышларның нәтижәле үсешенә китергән. Аерым алганда, ул архитектура корылмаларында, этнографиядә (гаилә кору, киём-салым, ашау-эчү), дин мәсьәләсендә, фән казанышларында үзенең бәрәкәтле чагылышын тапкан.

Искәрмәләр:

- ¹ Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). — М.: Наука. Гл.ред.вост.лит-ры, 1966. — 160 с.
- ² Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. — Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — С.363; Башкиров А.С. Сельджукизмы в древнем татарском искусстве // Крым. — 1926. — №2. — С.108-125; Аныкы ук. Художественные памятники Солхата // Крым. — 1927. — №1/3. — С.12-144.
- ³ Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.280.
- ⁴ Мирзакевич Н. Эски-Крымская арабская надпись // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1848. — Т.2. — Ч.1. — С.529-531; Смирнов В. Археологическая экспедиция в Крыму летом 1886 г. // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. — СПб.,

1887. — Т.1. — Вып.1. — С.281; Акчокраклы О. Старо-Крымские и Огузские надписи XIII-XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Бывш. Таврический ученой архивной комиссии). — Симферополь, 1927. — Т.1 (58). — С.16; Кемаль Я. Надпись на портале «Мечети Узбека» в гор.Старом Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Бывш.Таврический ученой архивной комиссии) — Симферополь, 1927. — Т.1 (58). — С.202-204.

- ⁵ Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток. — 1926. — №№13-14. — С.278.
- ⁶ Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт — Б.175, 523-524.
- ⁷ Якубовский А. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия государственной Академии истории материальной культуры. — 1931. — Т.VIII. — Вып.2-3. — С.51.
- ⁸ Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. — Казань: Тат.кн.издат, 1969. — С.15; Аныкы ук. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола: Марийское книжн.изд-во, 1975. — С.197.
- ⁹ Халит Н. Василий Блаженный соборы нинди телдә сөйләшә? // Мирас. — 1992. — №2. — Б.86-99.
- ¹⁰ Бартольд В.В. Сочинения. — Т.IV. — М.: «Наука». Гл.ред.вост.лит-ры, 1966. — С.141.
- ¹¹ Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.262-263.
- ¹² аль-Холи А. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XVI вв. Сокращенный перевод с арабского. — М.: Изд-во вост.лит-ры, 1962. — С.26.
- ¹³ Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.104.
- ¹⁴ аль-Холи А. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.23-24.
- ¹⁵ Arat RR. Kutadgu Bilig. — Ankara: Turk Dil Kurumu Yayinlare, 1979. — 2 baski. — Б.XXXVIII.
- ¹⁶ Шунда ук. — Б.XXXVIII.
- ¹⁷ Хаков В. Тарихи дәрәслек өчен (Алтын Урда чоры әдәби теле һәм аның борыңгы традицияләре) // Мирас. — 1993. — №9. — Б.68.
- ¹⁸ Самойлович А. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. — Т.XXI. — СПб., 1912. — С.038-047.
- ¹⁹ Татар халык мәкальләре /Кереш сүз һәм аңлатмалар белән. Жыючысы һәм төзүчесе Нәкый Исәнбәт. — Өч томда. — 1 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1959. — Б.86.

- ²⁰ Таһиржанов Г. Тарихтан — әдәбиятка. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1979. — Б.103.
- ²¹ Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века на материале «Хосрау и Ширин» Кутба. — Кн.1 — М.: Гл.ред.вост.лит-ры, 1979. — С.56.
- ²² Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.60, 100, 152.
- ²³ аль-Холи А. Күрсәтелгән хезмәт. — С.38.
- ²⁴ Мәржани Ш. Вафийәтел-әсляф вә тәхийәтел-әхляф /гарәпчә куль-язма/ — 6 т. — Б.183^a; Шибунин А. Куфический Коран Имп. СПб. Библиотеки // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. — 1891. — Т.VI. — СПб, 1892. — С.69-133; Фәхрәддин Р. Асарь. — Оренбург, 1904. — 1 жилд. 6 кис. — Б.311-316 (гарәп хәрәфләрендә); әл-Мәгази Г. Мосхаф хәзрәти Госман разый Аллаһы ганһе // Дин вә мәғыйшәт. — 1918. — №4. — Б.39-41 (гарәп хәрәфләрендә).
- ²⁵ Тизенгаузен В. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.151.
- ²⁶ Шунда ук. — Б.68.
- ²⁷ Шунда ук. — Б.291, 294, 296.
- ²⁸ Шунда ук. — Б.515-516.
- ²⁹ аль-Холи А. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.28.
- ³⁰ Шунда ук. — Б.29.
- ³¹ Шунда ук. — Б.29.
- ³² Шунда ук. — Б.30.
- ³³ Нәжип Э.Н. Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истәлекләре турында (Татар әдәби теленең һәм әдәбиятының формалашу тарихына карата) // Совет әдәбияты. — 1957. — №12. — Б.79.
- ³⁴ аль-Холи А. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.29.
- ³⁵ Шунда ук. — Б.29.
- ³⁶ Мәржани Ш. Күрсәтелгән хезмәт. — 4 т. — Б. 42^a-42^b; аль-Холи А. Күрсәтелгән хезмәт. — Б.29.
- ³⁷ Мәржани Ш. Күрсәтелгән хезмәт. — 4 т. — Б.29^a.
- ³⁸ Шунда ук. — 4 т. — Б.36^b-37^a.
- ³⁹ Шунда ук. — 4 т. — Б.48^a-48^b.
- ⁴⁰ Шунда ук. — 4 т. — Б.187^b-188^a.
- ⁴¹ Шунда ук. — 4 т. — Б.42^a-42^b.

Г. С. Нуриев
(Казан театр училищесы)

Н.Исәнбәтнең «Идегәй» трагедиясендә кайбер поэтик үзенчәлекләр

Татар поэтик драматургиясендә тарихи, эпик-героик трагедиянең ныклы урыны бар.

Тарихи трагедия булып узган вакыйгаларны перспектив үсештә, каһарманнарның һәлакәте аша жинү тантанасы, яңарыш-үзгәреш зарурлыгын чагылдыра, укучы-тамашачыда рухи халәт — киләчәккә, яхшылыкка өмет чаткылары кабыза. Тарихи трагедия төрендә, 1) тасвирланган фактларның чынбарлыкка төгәл туры килүе, ягъни тарихи дәрәҗәлек шарт; 2) тарихи трагедия каһарманы — бөтен халык (яки аерым милләт) тарихында ижтимагый әһәмияткә ия атаклы шәхес, ул халык дастаннарына күчә алырлык каһарман; 3) каһарман үз мәнфәгатьләрен генә кайгыртмый, ә халыкның ижтимагый идеаллары турында уйлый, аның бәхете өчен ачыктан-ачык көрәшкә күтәрелә.

Дәрәҗәлек, Идегәй морза — шанлы шәхес, каһарманнар каһарманы, тик Н.Исәнбәт трагедиясендә, шулай ук дастанда да, ул Кобогыл исеменә яшеренеп эш итә һәм драматургия әсәрендә тарихи хронология дә сакланмаган. Шулай сәбәплә без Н.Исәнбәтнең «Идегәй» трагедиясен «тарихи» дип түгел (жанр төрләренен үз эчендә охшашлыклар күп булса да), эпик-героик трагедия дип исәплибез. Сүз уңаеннан, Н.Исәнбәтнең «Муллаһур Вахитов», «Муса Жәлил» әсәрләрен героик трагедия дияргә тулы хакыбыз бар. Т.Миңнуллинның «Канкай углы Бәхтияр» драмасын тарихи трагедия дип бәяләргә мөмкин.

Жанр таләбе буларак, трагедиянең тагын бер үзенчәлеге, аерым билгесе — көчле шәхеснең нык ялгышуы, хәлиткеч хата кылуы. Бу ялгышлык билгеле дәрәҗәдә тарихи мәгънәгә дә ия була. Әлеге хата тарихи, эпик драма әсәрендә каһарманны һәлакәткә китереп житкәрмәскә дә мөмкин. Трагедиядә исә олы хата — каһарманның язмышын хәл итә торган төп билге. Ул аның омтылыш-максатлары жимерелүгә һәм жанр таләбе кысаларында, һичшиксез, һәлакәткә дә алып килә. «Идегәй»

дастанында, кинрәк мәгънәдә караганда, каһарманның Аксак Тимергә чыгып качуы Болгарның жимерелүенә сәбәп була.

Анда әйтте Бодайби:

— Көлгә-ташка болганып,
Болгарыма ни булгай —
Чыңгыз улы Жучи хан —
Ул да ватып ватмаган,
Жучи улы Байду хан —
Ул да бозып бозмаган
Болгарым бүген бозылды.¹

Н.Исэнбәтнең «Идегәй» эпик-героик трагедиясендә, дастаннан аермалы буларак, драматург каһарманның төп хатасын түбәндәгә күренешләрдә читләтеп әйтә:

Идегәй. ... Бабайлар әйткән бер сүз бар: еланны үтерергә дошманыңа куш; елан үлсә дә сиңа файда, дошманың үлсә дә. Ничек булыр, без дә бу ике дошманны бер-берсе өстенә жибәрсәк? Ә?

Нугайбигә тиз ышанып, кан кардәше булышып, Идегәй аңышмыйча, Норадынны баласытып игътибарсыз калдыра. Бу турыда Нугайби күптән хыяллланган була.

Нугайби. Юк, ага гына түгел, хәзер инде мин ана ата хөкемендә. Һай, сиңең углың Норадын! Син әле аны үзең дә белеп бетермисең. Менә күрерсең! Даланы тотачак ул сиңең углың!...

Идегәй баш күтәрүчеләрдән ант кабул итеп, Туктамышны да, Тимерне дә Болгар белән Казанга жибәрмәскә боерык бирә, ләкин үзе үк риясызланып, үз тәрбиясен алмаган улына тулысынча ышанып, дала кешеләренең тотнаксыз көченә таянып туган иле өстенә яу чакыра:

Идегәй. ... Инде мин дә сезгә серне ачарга тиешмен: Сәмәркандтән бүген яшерен илче булды; Тимер, безгә таянып, сугыш белән киләчәк! Аксак Тимер өчен «еланнар» Туктамыш белән Идегәй бит, Идегәй, тарих тәгәрмәченең башкача да әйләнүен исәпләп бетермичә, олы ялгышлык кыла. Бу геройның гына ялгышы түгел, аны чолгап алган мохитнең хатасы, тарихи ситуациянең очраклылыгы. Н.Исэнбәт герой һәлакәтенең төп, объектив сәбәпләрен сәнгать чаралары белән тасвирлап биргән.

Идегәй үз теләге белән үчен ахырына житкерергә омтыла, тик ул олы хатасын, төп ялгышын аңышмыйча башкара. Объектив трагик очраклылык һәм шәхеснең гамәлләре тормыш чынбарлыгындагы реаль, табигый кануннар бәрелешендә бирелә. «Идегәй» трагедиясендә Идегәй һәм Туктамышның теләк һәм омтылышлары жәмгыять яшәеше, ижтимагый мөмкинлекләр белән яраклашып тасвирлана. Идегәйнең казна талаучыларны фаш итүе, жир хужасы игенчене үз стихиясенә кайтарырга, гадел хөкем йөртергә омтылышы тәхет тирәсендәгә эреле-вакы фетнә, мәкерләр, хөсетлек һәм Аксак Тимернең, шымчылар жибәреп, сәяси һәм тарихи очраклылыкны үз файдасына юнәлтүгә омтылышлары шул хакта сөйли. «Идегәй» трагедиясендә Н.Исэнбәт, социаль-тарихи сәбәпләренә дә Идегәйнең шәхсэн теләкләренә каршы оештырып (Норадынны Туктамыш хан кызына өйләндереп, үз оныгын гына тәхеткә утыртырга омтылу мотивын читкә какканмы соң Идегәй? — Анысы безгә бик әһәмиятле түгел), жәмгыять һәм шәхес бәрелеше дәрәжәсендә калдырмыйча, киң яңгырашлы эпик-героик трагедия ижәт иткән. Н.Исэнбәт сәхнә өчен эзерләнгән әсәрдә (аның шәхси архивында «Идегәй» дастанының төрле вариантлары булуы билгеле) вакыйгалар агышын, каһарманның төрле эш-гамәл, ниятләрен, холык-фигылен һәм эчке рухи халәтләрен берникадәр үзгәрештә бирә. Г.Ибраһимов исемендәгә Тел, әдәбият һәм сәнгать институты архивындагы дастан белән Н.Исэнбәт трагедиясен чагыштырып карасак, конфликт, композиция һәм образларны яңача эшкәртү сизелә, шулай ук традицион характерлар, төрле каһарманлык һәм тарихи вакыйгаларны башкача аңлау тоела. Трагедиядә Кобогыл — идегәйчеләр хәрәкәте юлбашчысы, игенче-һөнәрчеләрне яклаучы, гаделлек өчен көрәшчә, житлеккән каһарман итеп алына (герой — масса проблемасы куелган). Тарихи-хронологик күзлектән караганда да соңгырак чор — Алтын Урда таркалган, яңа дүләтчелек оешу алды дәверә сурәтләнә. Дастан һәм трагедиядәгә аерымлыклар, тарихи фактларга туры килеп бетмәү әдип-драматургның шәхси фикерләү үзенчәлегендә генә түгел, ә театр сәнгәтенең һәм жанр таләпләреннән

дә чыгып аңлатыла ала. «Идегэй» трагедиясендә, дастандагы караганда, вакыйгалар тыгызланып, жыйнакланып, ягни драма әсәрендәге вакыт категориясе үзенчәлегенә туры китерелеп, хронологик эзлеклелек жуелып бирелгән. Трагедиянең фабуласы, сәхнә вакыйгаларының ижтимагый-психологик мотивлар белән баетылуы һәм вакыт төшенчәсенең сәнгатьчә тыгызлануы сәбәпле, бик кискен үстөрелгән. Бу турыда яшерен жылышта Идегэй үзе үк кисәтә:

Идегэй. ... Эш ашыгыч, газизләрем, Туктамыш хан безнең эзгә төште. Без ачылу алдында.

«Идегэй» трагедиясендә Н.Исәнбәт карап торышка гадәти сюжет — сарай, дәүләт өчен көндәлек вакыйгалар сайлаган. Пьеса идарә, дипломатия эшләре, казна мәсьәләсе, сәүдә мәйданы, чапкыдан кайткан гаскәрне каршылаудан башлана. Трагедия каһарманнары һәм башка персонажларның характерларын аерымлап кую өчен драматург аларны төрле мохит, ситуациядә сурәтли: бер каршылыктан икенчесенә күчереп, төрле авыр хәлләргә калдырып, рухларын сыный. Трагедиядә конфликт киң мәгънәсендә дәүләтчелек, чит баскыннардан, Туктамыш хан баскакларынан ватанны саклау, ижтимагый-социаль мәсьәләләр — коллыкны бетерү, ясакны киметү, һөнәрчелек, игенчелек, сәүдәне үстерү тирәсендә. Таррак мәгънәсендә конфликт тәхет янындагы ыгы-зыгылар, ата-ул арасындагы аңлашылмаучылыklar буенча үстөрелә. Трагедиядә узган чор белән яңа гасырның яшәеш рәвеше, ижтимагый мәнфәгатьләр, шәхси карашлар бәрелешә. Идегэй, күчмә халыкны утраклыкка өндәп, үзен Нугайби һәм Норадынга каршы куя:

Идегэй. ... Аны да әйткәч, моны да әйт: икмәк өчен нугаң баласын сата, аны әйт: Күрәсең быел ачлыкны? Болгар таланды, Мәскәү аерылды. Каян алып халкың икмәк? Кием? Күршесен талар? Кала бозар? Тагын шул Урда булырмы?

Сүз көрәштереп, Норадын үзенең тәхет турындагы хыялын сөйли:

Ә шулай — хан! Ни өчен мин Чыңгыз була алмыйм?

Идегэйнең ижтимагый идеалы башка. Ялгыз калып ул чыңгыз токымыннан булган килмешәк ханнарны юк итү турында хыяллана:

Идегэй. ... Жиңеп чыкмабызмыни шушы чыңгызларның да үзләрен?...

Шушы ук ситуациядә Туктамыш хан шәхси мәнфәгатен кайгырта:

Туктамыш. Минем шәһәрәм! Минем сараем!(Сарайга табан китеп бара, аны тоталар). Алтыннан акча кистереп, шул алтынның мөһерен үз исемемә суктырып егерме ел сине мин тоттым! Сине калдырып китәргә? Юк, юк! Монда мин олуг хан! Шәһәр минеке! Урда минеке! Минеке!

Төп конфликт текст буларак дөнья әдәбиятында мәнгелек кыйммәт, мәнгелек төшенчәләр булган «ватан», «намус» төшенчәләре тирәсендә оеша:

Килмәт. Намус! Ә нәрсә соң ул, синеңчә, намус?

Нугайби. Намус нәрсәме? Әнә Туктамыш безнең ыругның атларын басып алдымы? Хәзер без аныкын басып алабыз! Намус! Туктамыш Котлыкяны суйдымы, хәзер Идегэй белән Норадын аны суя — намус! Ә ни өчен сугышабыз соң? Шуның өчен түгелмени?

Игенче өчен намус — яшәү чыганагы булган жир, ватан:

Килмәт. Әйе, жир! Аны миннән тартып алдылар! Жиремдә изге Болгар, Казан бар! Алар көл булды. Йортым кол булды. Мин аны кайтарып алып өчен йөрим! Минем намус — ватан! Аңладыңмы?

Ханнар даирәсе намусны башкачарак аңлый. Мәкер алар өчен намус белән бер:

Казыйхан. Ул [Норадын] исән. Яшь ханыбыз аңа карата ирлек һәм намус күрсәтте. Бары тик ... пычактан корылган тәхетенә генә утыртып жавап алды да, атына атландырып, тутасы йортына озатты.

Н.Исәнбәт трагедиясендә Идегэй — халык мөхәббәтен казанган каһарман, үз ханына каршы баш күтәргән фетнәче яки сарай интриганы түгел. Бу турыда ил карты, Казан ягы игенчәсе Килмәт карт сөйли:

Килмәт. Бизәр булдук бу килмешәк ханнардан! Күз тотып торган батырыбыз син! Ил авызында син! Үзең житәклә! Без сиңа тапшырылдык, Идегэй!

Нугайбигә көрәш максатын Идегәй үзе болай аңлата:

Идегәй. ... Үзең талау өчен түгел, халкыңны таланудан коткару өчен сугышасың син, Нугайби.

Дастандагы кебек үк, Н.Исэнбәт халыкның Идегәйгә булган хөрмәтле мөнәсәбәтен жуймыйча, эпик каһарман образын тасвирлауда алга таба адым ясаган:

Идегәй — көченә ышанган, жиңүнең үз ягында булуына инанган, ныклы, максатчан шәхес. Туктамыш хан трагедиядә халык жырчысы Субрадан жыру әйттереп, Идегәйне сыный:

Субра. ... Күкрәге киң, биле нык,

Батыр икән шул угыл.

Үзәге нык, күзе нык

Татар икән Кобогыл.

Ирне юка күренә,

Чичән икән Кобогыл;

Куллары ипле күренә,

Мәргән икән Кобогыл!²

Шул ук вакытта ул — мәкер, яла агуы турында оныткан, улының тәхет хыялы белән Нугайби коткысына бирелү мөмкинлеген, аның яшылек дуамаллыгын, беркатлылыгын күзаллап та карамаган ялгышучан шәхес. Үзенә шәхсән ирегән, халкы алдындагы йөз аклыгын ул бердәнбер баласы Норадын морзадан өстен куя, вөждән газабына, тирән кичерешләргә сәләтле итеп тасвирлана. (Мәсәлән, Норадыннан баш тарта, аның һәлакәте турында ишеткәч, улы өчен Кадыйрбирдедән үч ала).

Трагедиянең тискәре геройлары да дастандагыга караганда үзгәрәк, калкуырак, сатирик төсмердә, гротеск алымы белән сурәтләнгәннәр. Яникә белән Жанбай трагедиядә мәкер осталары, эчке конфликт агышының төп көчләре, хакыйкатын, гаделлекнең тамырын корытучылар буларак гәүдәләнәләр.

Хатын-кыз зирәклегенә белән нидер сизенеп, Яникә ирен — Туктамыш ханны Кобогыл-Идегәйгә каршы котырта:

Яникә. Димәк, халкың сине тыңламый, аңы тыңлый! Шулай Кобогылның даны сине дә басып китте буламыни?

Яникә Кобогылны аягүрә каршыламавын үтенеп, ханнар ханы — каган Туктамышның үзен сарай әһелләре алдында

көлкә хәлгә куя. Туктамыш хан, итәге тәхеткә беркетелеп куелганын сизмичә, Кобогыл алдында көчсезлеген сизеп, аны аягүрә басып каршылың һәм эчке киёмнәрәннән генә кала.

Норадын белән Идегәйнең арасын ахырынача Жанбай белән Ханәкә (хан кызы) боза:

Ханәкә. Мин? Үз кулым белән эчемне зурайтып, Норадын алдында — атаңнан йөклә булдым, дип җавап бирергәме? Моны син әйтәсең, миңа! Ах оятсыз, оятсыз Жанбай.

Ханәкә киреләнгән булып, яла гөнаһысын Жанбайга ягып калдырырга тырыша, тик Норадын алдына билән калынайтып бара. Бу мәкер дә ата белән улы арасындагы каршылыкны арттырып, трагедия фабуласын кискенләштереп җибәрә.

Жанбай беркатлы Норадынны ауга алып чыгып, Кадыйрбирде кулына тапшыра. Норадынны чөй (кадаклы) тактадан атлатып, пычаклы урынга утыртып жәзалыйлар һәм тагын да куәтләрәк, икейөзлөк мәкер коралар:

Кадыйрбирде. ... Әйе. Әгәр дә мин аны коралсыз килеш үз өемә китертеп үзем үтерсәм, Чыңгыз затыма килешмәгән бер эш буладыр иде. Син аны артыннан җитеп үтерү өчен далага җибәрттең. Мин хәзер боерам...

Жанбай. Кирәкми дә, хан! Иярсез атка мендердең, аның өчен моннан да яман үлем юк. Ярасына тик ат тире генә үтсен. Ягыр булып үлчәк.

Трагедиядә Н.Исэнбәт халыкның бетмәс-төкәнмәс зирәклегенә мөрәҗғәгать итә. Персонажларның сөйләм ритмы халык жыры ритмына, дастан үлчәменә якын. Монологлар формалары ягыннан халык авыз ижаты жәүһәрләреннән булган тулгап әйтүгә (градация, кабатлаулар, параллель чагыштырулар алымы белән баетылып бер үк темага янадан әйләнеп кайту) охшаган. Һәр персонажның сөйләмә халыкчан, сәнгатьле чагыштырулар, үзенчәлекле метафоралар белән сугарылган. Дөрестән дә, дастанның, шулай ук трагедиянең теле «халык теленнән алынган яисә халык теленә күчеп жәүһәрләр кебек балкучы йөзләгән мәкаль, тапкыр һәм канатлы тәҗбирләр», сүз-сурәтләр, стилистик фигураларга бай.³

Трагедиянең соңгы күренешләрендә Идегәй белән улы Норадын бәхиллекләрен алышып дөнья куялар. Шәхси фаҗига

ижтимагый фажигага әверелми, киресенчә, халык хыялы — ватанчылык өчен көрәшнәң куәтләнүе белән тәмамлана. Идегәй үз чоры өчен алдынгы булган аерым милли дәүләтчелек идеяләрен тормышка ашыра алмый сугышып үлә, әмма үзенә жиңүенә инанып үлә:

Идегәй. ... Чыңгыз көннәре инде үтте! Шәһәрләр күтәрелде. Сукачыга чаклы кузгалды...

Туктамыш хан улы Кадыйрбирде белән соңгы алышында да ул үзенәң жинүен хәбәр итә:

Идегәй. Юк, Кадыйр. Артында синәң түрәң бар, әмма халык юк, Кадыйр. Казан, Крым, Әстерхан, Мәскәү белән Дагстан — инде сиңа булалмас. Кадыйрбирде хан булып янәдән Урда коралмас!

Трагедиядә Идегәйнәң үлеме дә алдагы көрәшләргә өндәмә булып яңгырый:

Субра: ... Батыр кеше үзе үлми.

Батыр үзе үлгәндә дә

Әше белән сүзе үлми,

Аңа чыккан җыр үлми.

Тор, торыгыз, улларым!

Н.Исәнбәтнәң «Идегәй» эпик-героик трагедиясен һәм дастанны төрле яктан чагыштырып, тикшереп карагач, татар классик драматургиясендә эпик драма, тарихи, эпик-героик трагедияләр поэтикасының оптимистик рух белән балкышын тоябыз.

И Идел-йорт, Идел-йорт,

Идел эче имин йорт;

. . .

Котлы булсын, туган йорт!

Искәрмәләр:

¹ Идегәй. Татар халык дастаны. — Казан: Татар.кит.нәшр., 1988. — Б.165.

² *Исәнбәт Н.* 5 пәрәлек трагедия. («Идегәй» дастаны буенча язылды) // Исәнбәт Н. — Әсәрләр. — Дүрт томда. — Т.2. Трагедияләр. — Казан: Татар.кит.нәшр., 1988. — Б.123

³ *Надиров И.* «Идегәй» дастаны // Идегәй. Татар халык дастаны. — Казан: Татар.кит.нәшр., 1988. — Б.10.

Д. Ф. Заһидуллина (КДУ)

Дәүләтчелекне торгызу өметенәң уку йортларына милли әдәбият предметын күртү эшенә тәэсире (XX йөз башы)

Кайчандыр дәүләтле һәм чал тарихлы халык булганлыклары, күрәсен, татарларның хәтерендә һәрчак сакланып килгән дә, ин авыр һәм фажигага вакытларда ил гае белән яшәүчеләренәң жанын жылытып торган булыр. Инде милләт хәлен үзгәртү өмете жемелдәгәч, һәр өлкәдә ясалачак адымнарның ахыргы максаты төсендә, татарга башкалар белән тигез хокуклар яулап алу, халыкның үзәнен һәм милли горурлыгын үстерү көн тәртибенә куела.

1905 елда да шулай була: демократия алып килгән жылы җилләр, инде ничәнче мәртәбә, әлеге пыскып яткан өмет утын дөрләтеп жибәрә. Милләтне олы юлга алып чыгар бик күп сукмаклар: вакытлы матбугат булдыру, милли китаплар бастыру эшен җайга салу, яна уку йортлары тергезү, телне фәнни яктан эшкәртү, милли фән юнәлешләрен үстерү, татар укучысына Ауropa үрнәгендәге яна әдәбият тәкъдим итү, балаларга һөнәр бирү һ.б. билгеләнә. Алга атлаячак сукмакларның берсе — мәктәп-мәдрәсәләргә туган тел-әдәбият предметларын күртү.

XIX йөз ахырында башланган жәдит уку йортлары ачу хәрәкәте 1905 елдан киң колач жәя. Мәйданга яна аяк баскан вакытлы матбугат битләрендәге беренче язмалар да яңача укытуның әһәмияте, мәктәп-мәдрәсәләр ачу барышы, аларда эшнәң торышы хакында сөйли. Бары тик 1908-11 елларда гына әлеге өлкәдә алып барылачак сәясәтнәң идеологик нигезен табу омтылышы ясала һәм ул нигез, барыннан да әлек, милли ихтыяҗлардан чыгып билгеләнә.

Фатих Әмирханның «Әльислах» гәзитендә 1908 елның 30 сентябрь санында дөнья күргән «Мәктәпләремездә әдәбият дәресләре» мәкаләсен Г.Сәгъди «татар мәктәп-мәдрәсәләрендә татар әдәбияты укуга башлауны таләп итеп яңгыратылган беренче тарихи аваз»¹ дип бәяли. Ләкин язманьң төп яңалыгы булып мәктәпкә әдәбият предметын тәкъдим итү максатын күрсәтү тора. Ф.Әмирхан болай ди: «Бер кавемнәң яшьләренәң

бер фикер ижтимагый вә милли мәсьәләләрендә бер нәзарга килүе фәкәть бер әдәбият тәэсире белән вөжүдкә килә аладыр»². Автор предметның яшьләрене милли көрәшкә әзерләвен, милли аң формалаштыруын әһәмиятле саный. Әгәр моңа кадәр басылып чыккан күпсанлы мәкаләләрдә әдәбият укуыту милли әхлак тәрбиясенә мөнәсәбәтле каралса, хәзер инде сәяси ихтыяж белән бәйләнә.

1910 елны Ф.Әмирхан әлеге мәсьәләгә әйләнәп кайта һәм «Йолдыз» гәзитенең 29 июль санында «Мәктәпләремездә татар әдәбияты» дигән күләмле мәкалә белән чыга. Бу предмет балада милли рух булдыру сәләтенә ия дип, автор аның ике юл белән тәэсир итүе хакында сүз алып бара: милләтнең тарихын аңлатып бирү; халыкның жанын күрсәтү³. Укытуның «милли әсаска (нигезгә — Д.З.) бина кылынырга» тиешлеге тагын бер кат искәртелә.

Бу яктан Габдрахман Сәгъдинең 1910 елны «Шура» журналында басылган «Әдәбиятымызны мәдрәсәләрдә укуыту» мәкаләсе кызыклы. Язманың башында ук автор уку йортларына бу предметны кертү өчен проблеманы идеологик яктан нигезләү таләп ителүне искәртә: «Бал тәмле» дигән белән авыз балланмый» диләр. Шунуң шикелле, «әдәбиятымызны укуыту кирәк», «һәмме милләтләр үз әдәбиятларын укуыталар» димәк илә генә мәдрәсәләрдә әдәбиятымыз тәдрис ителә башланмыйдыр»⁴.

Сәгъди мәсьәләне сәяси хәл, ихтыяж белән бәйли, ләкин Ф.Әмирханныкыннан башкарак позициягә баса. Үзенә сүз бирик: «Мәгариф нәзарәтенең ибтидаи тәгълим хосусында Государственная Думага керткән ләйхәсендә инородецлар ике фиркагә бүленгән. Берсе — үзләренең теле вә әдәбияты эшләнгән милләтләр. Буңа нимесләр, поляклар, латышлар керә. Икенчесе — әдәбияты эшләнмәгән милләтләр: татарлар, кыргызлар, сартлар, ягъни мөселманнар вә чувашлар әлеге фиркагә керәләр. Государственная Думада мөселман фиркасенә иң мөһим хезмәтләреннән берсе — Русиядә торучы татар милләтенең әдәбиятлы идекләрене исбат итмәк»⁵. Шул рәвешле, татар әдәбиятын үстерү һәм уку йортларында укуыта башлау Рәсәйдә хокуклар ягыннан югарырак баскычка аяк басу кебек шәрәхләнә. Сәгъди мондый нәтижә ясый: «Нимесләр, поляклар шикелле, безнең дә әдәбиятымыз барлыгын

исбат итә алсак, ул вакытта мәдәният галәмендә үземеzne, «милләт буларак» мәүжүдиятемеzne (барлыгыбызны — Д.З.) исбат иткән буламыз. Һәм дә мәдәниятле милләтнең мөстәхикъ (лаеклы — Д.З.) булдыгы хокукларыны дәгъва итәргә хаклы буламыз»⁶. Әдәбиятлы, мәдәниятле милләт булып, үз хокукларыбызны даулап үз сүзебезне әйтә алып идек дигән теләк, өмет, шулай итеп, мәкаләнең һәр жөмләсеннән аңлашылып тора.

Моның өчен милләтнең әдәбияты барлыкны башлап аны үзенә танытырга кирәк, әдәбият тарихы һәм нәзариясен булдыру, әдәбиятны мәдрәсәләргә кертү зарур дип белдергән Сәгъди әлеге эшне шулкадәр әһәмиятле һәм актуаль саный, хәтта тел-әдәбият үстерү, фәнни анализлау өчен башка жирдән галимнәр, башка халык вәкилләрен чакырып карыйкмы әллә дигән тәкъдим кертә⁷.

Әлбәттә, дәрәслекләр, әзерлекле мөгаллимнәр булмаган һәм татарларда имла, сарыф, нәхү, әдәбият белеме кебек мөстәхикыйл фән юнәлешләре эшләнмәгән килеш, мондый эшкә тотыну куркыта. Мәсәлән, шул ук журналда Г.Д. имзасы астында «Әдәбият вә мөгаллимнәремез» дигән мәкалә басыла һәм автор Г.Сәгъдинең планнарын «Ора алмаган олуг күсәк күтәргән» дип бәйли, хәзергә аны тормышка ашыру мөмкин түгел саный. Ләкин мәктәп-мәдрәсәләр шәкертләрене милли әдәбият белән таныштыруга йөз белән борылырга тиешләр, ди⁸.

Матбугат битләрендә бик күп язмалар пәйда була. Предметларның эчтәлегә, дәрәслекләренә нинди чыганаclarга таянып язу ягыннан Г.Сәгъди белән килешмәгән авторлар да әлеге адымның әһәмиятен, идеологик максатын аңлатуда аның фикерләрен хуплыйлар.

Мәсәлән, Хәсән Гали «Телемезне мәдрәсәләрдә укуыту» дигән мәкалә яза һәм тел-әдәбият предметларын гарәпләрдән күчәрәп, тәржемә итеп укуытуны алга сөрә. Аныңча, татар уку йортларында әдәбият тарихлары укуыта башларга иртә. Киресенчә, тел юнәлешләренә игътибар итү кирәк. Әдәбият теориясен гарәпләрдәгечә укуытып торырга мөмкин! Ләкин, ничек кенә булмасын, әлеге предметларны программага кертү вакыты житкән, «бу дәрәслекләренә мәдрәсәләр өчен кирәксенмәү милләткә хыянәт вә бу кадәрнең материалы юк дию милләтне алдалау»⁹. Хәсән Гали әлеге эшнең милли ихтыяжга бәйләлеген ассызыкый.

Аңа жавап мөкаләсендә Г.Сәгъди гарәп фәннәренең татарлар өчен үрнәк була алмавы, татар тел белеме, әдәбият тарихын һәм теориясен үзезбәз өчен, үзезбәзнең жирлеккә, тел-әдәбиятка нигезләнәп язу кирәклеген тагын бер кат дәлилләп уза¹⁰. Бәхәскә кушылган Ә.Бикколов исә ике як белән дә килешми. Бер яктан, әдәбият теориясе һәм тарихын язу өчен вакыт кирәк. Икенче яктан, гарәп әдәбияты кагыйдәләрен укытып кына татар әдәбиятын үстерәп булмый. Шуна күрә хәзергә үзезбәздә булган әдәби эсәрләрне укыту белән чикләнсәк тә ярар дигән тәкъдим кертә¹¹.

1910-11 елларда игътибар үзәгенә куелган бу мәсьәлә 1917 елга кадәр гәзит-журнал битләреннән төшми. Гажәп үзенчәлекле фикерләр белән чыгыш ясаучылар була. Мәсәлән, шул ук «Шура»ның 1912 елгы 4, 5, 8, 9, 10 саннарында басылган күләмле мөкаләсендә Галимжан Идриси мөктәпләрдә татар теле-әдәбияты, ә мәдрәсәләрдә гарәп теле-әдәбияты укыту мөһим дип белдерә. Аныңча, гарәп теле-әдәбиятыннан ваз кичү дин теленнән һәм мөселман дөнъясы мирасыннан аерачак, Шәрык илләренең ишекләрен бикләүгә тиң булачак¹². Идриси гарәп тел-әдәбиятын чит тел төсендә өйрәнүне яклай.

Әйтергә кирәк, бу чыгышлар нәтижәсез калмый. 1911-13 еллар арасында, мәсәлән, татар әдәбият нәзариясе, тарихыннан мөктәп-мәдрәсәләр өчен дәреслекләр языла. Кайбер уку йортлары әлеге предметларны программаларына кертә. Мәсәлән, Иж-Бубый мәдрәсәсендә «Төрөкчә һәм әдәбияты», ягъни татар теле һәм әдәбияты 1, 2, 8-нче сыйныфларда атнага берәр, ә 3-7-нче сыйныфларда икешәр сәгать белән 1908 елдан укытыла башлый¹³. 1910 елны ибтидаи баскычта «Кыйраәте төркия» курсы кертелә, 1-нче сыйныфта алты, 2-нче сыйныфта биш, 3-4-нче сыйныфларда өчәр сәгать планлаштырыла. Шушы 4-нче сыйныфтан атнага ике сәгать белән «Төркичәнең кавагыйде вә әдәбияты» предметы килеп керә һәм рөшди баскычындагы 1-4-нче сыйныфларда икешәр сәгать белән дәвам итә. Рөшди һәм игъдади баскычларның 1-8-нче сыйныфларында атнага икешәр сәгать белән «Әдәбияты төркия» уку күздә тотыла. 1911 елдан башлап төрки әдәбияттан язма һәм телдән имтихан кертелә¹⁴.

1913-1914 елларда матбугатта барган зур сөйләшүгә милләтнең абруйлы әдипләре — Гаяз Исхакий һәм Галимжан

Ибраһимов кушыла. Гаяз Исхакий да мөктәпнең милли рух булдыру мөмкинлеген әһәмиятле саны¹⁵. «... Әдәбият ашасындан, милли әдәбият ашасындан балага үз рухымызны, милли рухымызны сәндәрәбәз, кабер ташына кадәр андан купмаслык иттереп аның күңеленә милли рухның иң кирәкләрен кадалыймыз, аны мәңгегә татар итеп куямыз»¹⁶ дип, моны «яшь балаларны килчәктә тарихи вакыйгаларны үтәрлек иттереп олыгайтыр өчен дә мөктәпләремездә әдәбиятка әһәмият бирергә мәжбүрмез» дәлиле белән ныгыта¹⁷.

«Аң» журналының 1914 елгы 6-нчы санында басылган «Тәрбиядә хөррият вә шәхсиять нигезләре» мөкаләсендә Г.Ибраһимов та Исхакий фикерләрен үстерә. Милли рух тәрбияләү «шәхси вә ижтимагый хәятка хәзерләмәк» өчен кирәк дип, шушы тәрбиянең ахыргы максатын, идеологик нигезен түбәндәгечә билгели: «тәрбиянең тәшәббесе шәхсий (шәхси тапкырлыкка, тәвәккәлләккә — Д.З.), ирадә (омтылыш — Д.З.) һәм ихтыяр көчләренең тәрәккыйсе нигезенә корылуы һәм шуңар иң беренче урынны бирелү жәһәтедә»¹⁸. Аныңча, мондый тәрбия генә «киләчәк нәселне аталар коллыгыннан, бабалар тәзәлле-геннән (хурлыкка төшүеннән — Д.З.), тарихи шәхсиятьсезлектән коткара ала, коткарсын ...»¹⁹. Шушы сүзләре белән Г.Ибраһимов 1908-1911 елларда башланган сөйләшүгә нокта куя: мөктәп-мәдрәсәләргә әдәбият предметын кертү, әдәбиятны үстерү кирәк, бик кирәк! Чөнки ул — һәрбер милләт улының йөрәгендә жемелдәгән өмет: тигез хокуklar, бәйсезлек алу, татарның язмышын үзгәртү, бабалар ясаган хаталарны төзәтү юлына алып бара торган бер сукмак.

Шулай итеп, кечкенә генә мәсьәлә — милли уку йортларында татар әдәбиятын укыту хакындагы сөйләшү, ахыр чиктә, күңел почмакларында яшеренеп ятучы, дәүләтчелекне торгызу идеясенә барып тоташа. Шушы зур хыялга ирешүнең нинди генә юлларын эзләп карамаган халык... Төптәнрәк уйлап карасан, алар хаклы: милли рухлы буын тәрбияләгәндә генә дәүләтле, гору, бәйсез булырга мөмкин шул.

Искөрмәләр:

¹ Сәгъди Г. Октябрьдән элек һәм соң татар мөктәпләрендә әдәбият.

- Казан: МХК басмасы, 1927. — Б.37.
- ² *Эмирхан Ф.* Әсәрләр. 4 томда. — Т.4. — Казан: Тат.кит.нәшр, 1986. — Б.79.
- ³ *Эмирхан Ф.* Күрсәтелгән хезмәт. — Б.106.
- ⁴ *Сәгъди Г.* Әдәбиятымызны мэдрәсәләрдә укуту // Шура. — 1910. — №18. — Б.554.
- ⁵ Шунда ук.
- ⁶ Шунда ук.
- ⁷ Шунда ук. — Б.556-557.
- ⁸ Г.Д. Әдәбият вә мөгаллимләремез // Шура. — 1911. — №4. — Б.115-116.
- ⁹ *Гали Хәсән.* Телемезне мэдрәсәләрдә укуту хакында // Шура. — 1911. — №2. — Б.37.
- ¹⁰ *Сәгъди Г.* Әдәбиятымызны мэдрәсәләрдә укуту хакында // Шура. — 1911. — №3. — Б.83-85.
- ¹¹ *Бикколов Ә.* Мәктәп-мэдрәсәләрдә әдәбият дәресләре // Шура. — 1911. — №8. — Б.279.
- ¹² *Идриси Г.* «Кафия» вә «Мулла Жами» китаплары хакында // Шура. — 1912. — №4. — Б.109.
- ¹³ Бертуган Бубыйлар һәм Иж-Бубый мэдрәсәсе. — Казан: Рухият, 1999. — Б.46.
- ¹⁴ Шунда ук. — Б.55-57.
- ¹⁵ *Гаяз.* Мөгаллим вә мөгаллимләремезнең бу көнгә вазифалары нәрсә? // Мәктәп. — 1911. — №1. — Б.5.
- ¹⁶ *Гаяз.* Тукай мәктәптә // Мәктәп. — 1914. — №6. — Б.126.
- ¹⁷ Шунда ук. — Б.125.
- ¹⁸ *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. 8 томда. — Т.6. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1986.
- ¹⁹ Шунда ук. — Б.112.

Р. Халлахамитов
(Институт истории АНТ)

Союз писателей и развитие национальной культуры в Татарской республике (40-60-е гг.)

В 40-60-е гг., когда в официальной идеологии господствовали тенденции интернационализма, этнические проблемы поднимали и пытались решать представители национальной интеллигенции. Особую активность в сохранении культурных ценностей татарского народа проявляли писатели республики.

С момента образования Союза писателей Татарской республики 25 июля 1934 г., писатели включились в борьбу за расширение институциональных форм распространения культуры, расширения сети средств информации. На I съезде татарских писателей Ш.Усманов обратил внимание на то, что если в 30-е годы в Москве и Казани издавалось 6-7 журналов, посвященных литературе, то сейчас сохранился только один журнал, издаваемый нерегулярно и на одном энтузиазме¹. В 1948 г. на республиканской конференции молодых писателей Ш.Маннур поставил вопрос о необходимости издания «газеты для молодых писателей, для развития их творчества»². Его поддержал С.Шакир³. На II съезде СП ТАССР (13-15 мая 1950 г.) Г.Кашшаф подчеркнул, что «решения ЦК ВКП(б) о возобновлении издания газет «Комсомолец Татари» и «Яшь сталинчы» сыграло огромную роль в жизни республики. Секретариат СП СССР принял постановление, поддерживающее ходатайство СП ТАССР о восстановлении детского журнала на татарском языке⁴. Уже 4 апреля 1953 г. Г.Губай докладывал отчетно-выборному собранию СП ТАССР, что «возобновление журнала «Пионер» — это тоже инициатива СП. Отсутствие детской периодической печати мешало росту детской литературы»⁵.

Огромные усилия и настойчивость проявляли писатели в деле возобновления издания татарского молодежного журнала. Этот вопрос неоднократно поднимался ими на протяжении 30 лет. 17 августа 1955 г. на заседании секретариата СП СССР писатель Г.Иделле заявил, что «назрел вопрос об издании молодежного журнала в Татарии типа «Смена» или «Юность»⁶. 9 января 1956 г. писатель Г.Баширов на Пленуме и совещании молодых писателей вновь поднял этот вопрос в СП СССР⁷. Во время Декады татарской литературы и искусства в Москве 27-31 мая 1957 г. этой проблемой занимался А.Абсалямов⁸. Правлением СП ТАССР даже был принят проект молодежного журнала «Идель»⁹. И.Гази обратился к VI внеочередному съезду Союза писателей Татарстана с требованием о возобновлении издания для молодежи¹⁰. Г.Ахунов предложил издавать журнал на базе Альметьевского

отделения СП ТАССР¹¹. Требования открытия в Казани молодежного журнала нашли отражение в резолюции съезда.

Писатели внесли немалый вклад в сохранение, изучение и возвращение литературного наследия народу, несмотря на давление директивных органов действовавших на основе постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Так, на общем собрании писателей г.Казани 3 октября 1946 г. был подвергнут критике Н.Исанбет за произведение «Жиранчэч» и «Түләк»; на II съезде СП ТАССР (1950 г.) А.Ерикеев критиковался за то, что посвятил стихотворение своему расставанию с башней Сююмбике в дни войны и сравнивал свои чувства с чувствами супруги последнего казанского хана¹². Поэт Ш.Мударрис осуждался за приверженность традициям древних восточных поэтов¹³. В 1952 г. был подвергнут давлению Ш.Маннур за стихотворение «Хорошо знай», в котором призывал не забывать родной язык, а также за стихи «Огни Казани» и «Именем твоим», где много «бахвальства татарской нацией»¹⁴, Н.Арслан — за стихотворение «Утро», где восхваляется Казань в отрыве от времени¹⁵, Н.Исанбет за пьесу «Миркэй и Айсылу» (1953 г.)¹⁶.

Идеологическое давление не останавливало писательскую общественность от попыток создания серьезных трудов по литературному наследию и лингвистике татарского народа. Так, Н.Исанбет в 1952 г. считал необходимым издание труда по истории периодической печати и татарского толкового словаря в 4-х томах¹⁷, А.Файзи — справочника-энциклопедии, К. Наджми — создание Института этнографии и фольклора¹⁸.

Развитие национальной культуры писатели связывали с общими процессами демократизации общества. В мае 1956 г. против диктата партии в культуре и литературе выступил А.Еники¹⁹.

Со второй половины 50-х годов Союз писателей стал бить тревогу по поводу сохранения объемов издания татарской литературы. К 1963 г., по сравнению с 1957 г. они уменьшились в два раза²⁰. Данную проблему председатель СП ТАССР поставил на V съезде писателей Татарстана и на II съезде СП РСФСР (март 1965 г.).

Важной частью общественной деятельности писательской организации и отдельных писателей являлись контакты с татарами, проживающими за пределами Татарстана. В 1965 г. состоялись выезды творческой интеллигенции в Челябинскую область. В этом же году при большой активности СП была проведена неделя татарской литературы в Ленинграде, в 1966 г. — Недели татарской литературы в Астрахани, Тюмени, Перми. В этот же период была предпринята серьезная попытка создания литературного журнала для республик Поволжья²².

Таким образом, писательская организация вносила весомый вклад в сохранение и развитие культуры татарского народа. Он выражался в расширении механизма, форм и охвата территории ее распространения.

Примечания:

¹ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.13. — Л.22.

² НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.213. — Л.14.

³ Там же. — Л.24.

⁴ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.245. — Лл.66, 67.

⁵ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.340. — Л.47.

⁶ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.294. — Л.27.

⁷ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.393. — Л.26.

⁸ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.5. — Д.63. — Л.563.

⁹ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.5. — Д.77. — Л.120.

¹⁰ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.5. — Д.228. — Л.118.

¹¹ Там же. — Л.130.

¹² НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.245. — Л.223.

¹³ Там же. — ЛЛ.74, 75.

¹⁴ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.313. — Л.191.

¹⁵ Там же. — Л.217.

¹⁶ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.341. — Л.285.

¹⁷ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д. 313. — Л.25.

¹⁸ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.362. — Л.29.

¹⁹ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.1. — Д.427. — Л.10.

²⁰ Там же. — Л.7.

²¹ НА РТ. — Фр 7083. — Оп.5. — Д.179. — Лл.89-91.

²² НА РТ. — Фр 7083. — Оп.5. — Д.90. — Л.208.

Список сокращений

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории АНТ.
КГУ — Казанский государственный университет
КЮИ МВД РФ — Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
МГУ — Московский государственный университет
НПЛ — Новгородская I летопись
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
ПФ — «Панорама-формум»
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СМИЗО — «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды»
СП ТАССР — Союз писателей Татарской автономной советской социалистической республики
ТГГИ — Татарский государственный гуманитарный институт
УЗ КГПИ — «Ученые записки Казанского педагогического института»
ЦГА ИПД РФ — Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан